

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВОСУДИЯ»**

На правах рукописи

КАМИНСКИЙ ЭДУАРД СТАНИСЛАВОВИЧ

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ
ПРИМЕНЕНИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ДОСУДЕБНОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ**

Специальность: 12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Качалова Оксана Валентиновна

Москва – 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы обеспечения публичных правовых интересов в ходе досудебного производства по уголовным делам	18
§ 1. Публичные правовые интересы в уголовном процессе: понятие и юридическая сущность	18
§ 2. Система обеспечения публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам	33
Глава 2. Особенности обеспечения публичных интересов в досудебном разрешении уголовно-правовых конфликтов.....	64
§ 1. Условия применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов для защиты публичных правовых интересов.....	64
§ 2. Охрана публичных правовых интересов на стадии возбуждения уголовного дела.....	78
§ 3. Обеспечение публичных правовых интересов при прекращении уголовного преследования в ходе досудебного производства	102
§ 4. Перспективы совершенствования законодательства о примирении сторон в ходе досудебного производства по уголовным делам.....	132
Заключение.....	155
Список литературы	161
Приложения.....	192
Приложение 1	
Проект Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».....	192
Приложение 2	
Результаты анкетирования судей, прокуроров, адвокатов.....	195

Введение

Актуальность темы исследования. Ст. 2 Конституции Российской Федерации¹ предусматривает, что обеспечение прав и свобод человека является основной обязанностью государства. Это положение находит свое отражение в назначении уголовного судопроизводства, установленном ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации². Задачи уголовного судопроизводства могут быть достигнуты не только с помощью традиционных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов (путем осуждения лица, совершившего общественно опасное деяние), но и с помощью менее репрессивных мер, которые заключаются в отказе от уголовного преследования в отношении лиц, загладивших причиненный ущерб. В связи с этим одним из значимых публичных правовых интересов является отказ от применения избыточных мер уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления, и осуществляющим позитивные посткриминальные действия. Отказ от уголовного преследования лиц, совершивших преступление, не нуждающихся в применении к ним уголовного наказания, в полной мере соответствует запросам современного общества, которое не заинтересовано в стигматизации преступника, загладившего причиненный ущерб. Применение альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов позволит достичь назначения уголовного судопроизводства наиболее эффективным способом, рационально использовать процессуальные ресурсы. Тенденция последних десятилетий в мировой практике – расширение альтернативных и компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Эти процедуры предполагают прекращение уголовного преследования в отношении лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной

¹ Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144 (8198). Далее — Конституция РФ.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: по состоянию на 12 янв. 2021 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921. Далее – УПК РФ.

опасности, и переставших быть общественно опасными. Современная уголовная и уголовно-процессуальная политика российского государства также развивается в этом направлении: в системе оснований прекращения уголовного преследования появились прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ) и прекращение уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ). В настоящее время активно обсуждаются возможности расширения перечня мер уголовно-правового характера за счет включения в него различного вида работ (общественных работ и частично оплачиваемых работ). Несмотря на расширение альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, потенциал их применения далеко не исчерпан. Во-первых, уже имеющиеся в законодательстве способы используются неэффективно. В подавляющем большинстве случаев уголовное дело прекращается в суде¹. В ходе досудебного производства, несмотря на наличие предусмотренных законом оснований, разрешается не более 1,5 – 4,5 % уголовно-правовых конфликтов². Во-вторых, часть альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, согласно закону, применяется только в ходе судебного производства, что увеличивает время достижения компромисса, сроки уголовного судопроизводства, приводит к нерациональному использованию процессуальных ресурсов. В-третьих, отсутствует возможность применения альтернатив уголовному преследованию до возбуждения уголовного дела, что исключает наиболее быстрый и эффективный вариант разрешения уголовно-правового конфликта. Между тем, отказ от уголовного преследования на более ранних этапах уголовного судопроизводства в большей степени соответствует задачам уголовного судопроизводства, поскольку ускоряет процесс

¹ В 2019 г. судами России по нереабилитирующим основаниям было прекращено 189 851 уголовное дело, в 2018 г. – 191 251, в 2017 – 193 388, что составляет около 20% от рассмотренных судами. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 11. 10. 2020).

² См: Толкаченко А. А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8. С. 18.

достижения компромисса между сторонами конфликта и его разрешение, обеспечивает наибольшую процессуальную экономию, позволяя использовать высвободившиеся процессуальные ресурсы для расследования тяжких и особо тяжких преступлений. В-четвертых, прокурор в ходе предварительного следствия фактически не имеет полноценной возможности разрешить уголовно-правовой конфликт альтернативным способом. И, самое главное, на сегодняшний день отсутствует научно обоснованный алгоритм, позволяющий дознавателю, следователю, прокурору в ходе досудебного производства по уголовным делам сделать выбор между традиционным осуждением и альтернативным способом разрешения уголовно-правового конфликта, учитывая при этом как публичные, так и частные правовые интересы.

Задачи эффективного обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства, обеспечения публичных правовых интересов при производстве по уголовным делам требуют принципиального изменения подходов к возможностям применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе досудебного производства. Изложенное подтверждает необходимость и актуальность системной теоретической разработки концептуальных основ обеспечения публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также конкретных предложений и рекомендаций по внедрению полученных результатов в уголовно-процессуальный закон и правоприменительную практику.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемам интересов в праве, в том числе, и в уголовном судопроизводстве, посвятили свои труды О. И. Андреева, Н. Н. Апостолова, Е. А. Артамонова, М. Т. Аширбекова, Ф. Н. Багаутдинов, А. С. Барабаш, А. А. Бахновский, Н. В. Витрук, А. А. Давлетов, И. С. Дикарев, Л. И. Ильницкая, Т. В. Исакова, Л. Д. Кокорев, А. В. Кряжков, В. А. Кучинский, А. Ю. Ломаев, Р. В. Мазюк, А. В. Малько, Л. Н. Масленникова, И. Г. Смирнова, А. В. Спирин, В. В. Субочев, А. А. Шамардин и др.

Вопросы освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования нашли свое отражение в трудах С. В. Анощенковой, А. М. Балафендиева, Е. А. Белоусовой, О. В. Борисовой, А. В. Боярской, С. В. Бурмагина, Н. А. Быданцева, О. В. Волынской, С. А. Ворожцова, М. А. Галимовой, Д. А. Гарбатовича, А. В. Ендольцевой, И. Э. Звечаровского, А. Л. Калугина, О. В. Качаловой, В. И. Кононенко, П. В. Коробова, А. В. Кудрявцевой, Е. В. Кузбагаровой, О. А. Малышевой, Е. В. Марковичевой, К. В. Муравьева, М. В. Нагуляк, В. В. Николюка, А. Ф. Реховского, Е. А. Рубинштейна, А. А. Русмана, Н. Ю. Скрипченко, А. А. Толкаченко, В. В. Ченцова, В. В. Шишова, С. П. Щербы и др.

В последние годы проблемы освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования все чаще исследуются в контексте применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Вопросы развития альтернатив уголовному преследованию были исследованы в трудах Г. В. Абшилавы, А. Л. Аристархова, А. А. Арутюнян, А. С. Василенко, Л. А. Воскобитовой, Ю. А. Герасименко, Л. В. Головки, Л. Л. Зайцевой, Х. Зера, Л. М. Карнозовой, О. В. Качаловой, Ю. В. Кувалдиной, О. В. Кузьминой, Е. В. Марковичевой, Д. В. Маткиной, Т. Г. Морщаковой, А. М. Понасюка, К. Сесара, И. Г. Смирновой, И. В. Смольковой, Б. Стюарта, О. Н. Тисен и др.

Признавая вклад вышеперечисленных ученых в разработку вышеуказанных проблем, следует отметить, что вопросы обеспечения публичных правовых интересов в альтернативных способах разрешения уголовно-правовых конфликтов до настоящего времени не были предметом самостоятельных исследований представителей уголовно-процессуальной науки. В настоящее время возникла настоятельная необходимость глубокого теоретического анализа проблем обеспечения публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также системного исследования всей совокупности факторов, позволяющих совершенствовать законодательство и правоприменительную практику в данной

сфере.

Объектом диссертационного исследования выступают уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие между участниками досудебного производства при обеспечения публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также научные концепции о публичных интересах в уголовном судопроизводстве и альтернативных способах разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Предметом исследования являются принципы и нормы международного права, российского уголовно-процессуального права, регулирующие вопросы применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также закономерности и проблемы правоприменительной практики по исследуемой теме.

Целью диссертационного исследования является разработка теоретических положений, служащих доктринальной основой для обеспечения публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве, а также выработка предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства в данной сфере.

Для достижения указанной цели поставлены и разрешены следующие задачи:

- определены юридическая сущность и содержание публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве;
- проведено исследование системы обеспечения публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам;
- разработана совокупность условий применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов для обеспечения публичных правовых интересов, а также разработана их классификация;
- определены возможности обеспечения публичных правовых интересов посредством применения альтернативных способов разрешения конфликтов на стадии возбуждения уголовного дела;

- выявлены способы обеспечения публичных правовых интересов при прекращении уголовного преследования в ходе досудебного производства;

- систематизированы результаты проведенного исследования с целью их практической реализации в процессе реформирования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в сфере обеспечения публичных интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общеправовой философский диалектико-материалистический метод познания, общенаучные методы: исторический, логический (в рамках которого были использованы такие приемы, как анализ, синтез, индукция, дедукция), системный, функциональный, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный, статистический, конкретно-социологический.

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные положения общей теории права, концептуальные положения философии и социологии права, конституционного, уголовного и уголовно-процессуального права. В работе использованы монографические и диссертационные исследования, научные статьи и научно-практические комментарии по вопросам, относящимся к предмету исследования.

Эмпирическая база исследования. Диссертантом были изучены материалы 542 уголовных дел, расследованных и рассмотренных в 10 субъектах Российской Федерации (Брянская область, Владимирская область, Калужская область, Кемеровская область, г. Москва, Московская область, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Приморский край, Чукотский автономный округ).

По специально разработанной программе в 2020 – 2021 годах проведено анкетирование 403 практических работников из 19 субъектов Российской Федерации, в том числе 191 судьи (судей районных, судов, областных и

приравненных к ним судов), 83 прокуроров, 129 адвокатов¹. Проанализированы статистические данные по вопросам, относящимся к предмету исследования, за период 2017 – 2019 г., опубликованные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Генеральной Прокуратуры РФ.

Изучены обзоры законодательства и судебной практики, а также опубликованная практика Верховного Суда РФ (за период с 2017 по 2019 год), решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, исследуемым в работе.

Правовую базу исследования составляют положения Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство СССР, РСФСР и Российской Федерации, законодательство ряда зарубежных стран (Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Молдова, Французской Республики, Швейцарской конфедерации и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые разработана совокупность теоретических положений, создающих доктринальную основу для обеспечения публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения правовых конфликтов в сфере уголовных правоотношений, а также научно обоснованных предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности и совершенствование законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере деятельности:

- разработан авторский подход к обеспечению публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве, выявлена система обеспечения публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве, определены ее

¹ См. Приложение 2. Результаты анкетирования судей, прокуроров и адвокатов.

структурные элементы: субъекты, объект, права и обязанности субъектов, способов защиты публичных интересов;

- разработана классификация способов защиты публичных правовых интересов в ходе досудебного производства по делу;

- разработан алгоритм, позволяющий сделать выбор между альтернативным и традиционным способом разрешения уголовно-правового конфликта, в основу которого положена авторская классификация условий применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов;

- выявлены приоритетные направления развития законодательства и практики его применения в сфере обеспечения публичных правовых интересов при досудебном разрешении уголовно-правовых споров;

- разработан механизм применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе предварительного расследования;

- обоснована необходимость обязательного участия прокурора в примирительных процедурах в целях обеспечения публичных правовых интересов; определено, что перспективным направлением разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве является медиация, осуществляемая под контролем прокурора.

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать **положения и выводы, выносимые на защиту** и содержащие элементы научной новизны, наиболее существенными из которых представляются следующие:

1. Авторский подход к обеспечению публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве, под которым понимается создание (посредством осуществления процессуальных действий и принятия процессуальных решений) условий, необходимых для защиты общества от преступных посягательств, охраны прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, отказа от применения избыточных мер уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления, использование альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Обеспечение публичных правовых интересов представляет собой систему, состоящую из ряда структурных

элементов: субъектов, объекта, прав и обязанностей субъектов, а также способов защиты публичных интересов, которые классифицируются по субъектам обеспечения; их функциональной направленности; характеру применяемых правовых норм; этапам процессуальной деятельности, на которых они могут применяться; значимости способов для достижения публичных интересов. Обеспечение публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве достигается посредством правового и индивидуального регулирования уголовно-процессуальных правоотношений в сфере разрешения уголовно-правовых конфликтов.

2. Доказано, что публичные правовые интересы в уголовном судопроизводстве могут быть обеспечены, в том числе, посредством альтернативных мер, которые направлены на предотвращение негативных социальных и правовых последствий осуждения в ситуациях, когда общество не заинтересовано в осуждении и наказании преступника, загладившего причиненный ущерб, совершившего иные позитивные посткриминальные действия и утратившего общественную опасность. Разработан алгоритм, позволяющий сделать выбор между альтернативным и традиционным способом разрешения уголовно-правового конфликта. В основу алгоритма положена авторская классификация условий применения альтернативных способов (условия, относящиеся к совершенному деянию: тяжесть преступления и его общественная опасность; условия, относящиеся к личности преступника и его поведению, в том числе, и постпреступному; условия, касающиеся процессуальной целесообразности и организации уголовного преследования: рационализация (процессуальная экономия) и ускорение процесса разрешения конфликта; консенсуальные условия: согласие сторон уголовно-правового конфликта на применение альтернативного способа разрешения и согласие общества (отсутствие негативной реакции на отказ от традиционного уголовного преследования).

3. Обосновано, что основными направлениями развития законодательства и практики его применения в сфере расширения альтернативных мер разрешения

уголовно-правовых конфликтов являются: 1) внедрение в уголовно-процессуальное законодательство новых альтернативных способов, направленных на наиболее раннее урегулирование уголовно-правовых конфликтов; 2) расширение возможностей применения существующих уголовно-процессуальных средств, позволяющих разрешить уголовно-правовые конфликты на более ранних этапах уголовного судопроизводства (расширение оснований для отказа от возбуждения уголовного дела и уголовного преследования, смещение процедуры применения альтернативных способов разрешения споров на более ранние этапы производства по уголовным делам); 3) наделение прокурора полномочиями по применению (контролю за применением) альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе досудебного производства по делу вне зависимости от формы предварительного расследования; 4) расширение судебного контроля за применением альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

4. Разработан механизм применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе предварительного расследования. Прекращение уголовного преследования следователем и дознавателем возможно только с согласия прокурора, в случае отказа следователя и дознавателя в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного преследования он может быть обжалован прокурору. Прокурор наделяется полномочиями по контролю за применением альтернативных уголовному преследованию мер вне зависимости от формы предварительного расследования, а также полномочиями по самостоятельному прекращению уголовного преследования на любом этапе досудебного производства по делу.

5. Доказано, что объективизация критериев, лежащих в основе оценки возможности прекращения уголовного преследования, может быть обеспечена посредством системного анализа объективного (особенности объектов преступного посягательства, их количество и содержание) и субъективного (изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим) факторов. Реализация

права должностных лиц на прекращение уголовного преследования становится обязательной при установлении такой совокупности значимых обстоятельств уголовно-правового конфликта и сведений о личности обвиняемого, которая подтверждает наличие оснований прекращения уголовного преследования и соответствует задачам защиты публичных и частных правовых интересов. Оценка возможности прекращения уголовного преследования может быть осуществлена только на основе установления фактических обстоятельств дела в соответствии с предметом доказывания, установленным ст. 73 УПК РФ.

6. Обосновано, что в целях обеспечения публичных правовых интересов прокурор должен быть обязательным участником примирительных процедур и иметь возможность реализовать процессуальные полномочия по прекращению уголовного преследования в связи с примирением сторон как самостоятельно (с участием помощника прокурора по медиации, прошедшего специальное обучение), так и с привлечением медиатора. Перспективным направлением разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве является медиация, осуществляемая под контролем прокурора.

7. Разработан комплекс научно-обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения, направленный на обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве, в том числе:

- о предоставлении прокурору права отказаться от возбуждения уголовного дела ввиду примирения с пострадавшим от преступления лицом, заглаживания причиненного вреда, установленного в ходе проверки сообщения о преступлении, и с применением иных мер, предусмотренных законом;

- о предоставлении участникам процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении права обращаться с ходатайством к дознавателю, следователю, прокурору об отказе в уголовном преследовании лица, совершившего преступление;

- о возможности обжалования процессуального решения об отказе в

применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в суд в порядке ст. 125 УПК РФ;

- о наделении прокурора специальными процессуальными полномочиями по контролю за применением альтернативных мер, а также возможностью прекращения уголовного преследования самостоятельно на любом этапе досудебного производства по делу;

- о наделении прокурора полномочиями по освобождению лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности и применению мер уголовно-правового воздействия в виде штрафа;

- о внедрении в уголовное судопроизводство примирительных процедур с обязательным участием прокурора, который может руководить примирением сторон как самостоятельно (с участием помощника прокурора по медиации, прошедшего специальное обучение), так и с привлечением медиатора;

- о дополнении системы оснований прекращения уголовного преследования новым основанием: «прекращение уголовного преследования (уголовного дела) в связи с заключением примирительного соглашения», которое может быть применено в случае успешного завершения процесса медиации.

Теоретическая значимость исследования обусловлена разработкой и внесением автором в отечественную науку уголовно-процессуального права новых теоретических знаний, позволяющих решить научную задачу формирования теоретических основ обеспечения публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Выводы, сделанные в диссертационном исследовании, позволяют дополнить и развить доктринальные положения об обеспечении публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве, альтернативных способах разрешения уголовно-правовых конфликтов, участии прокурора в производстве по применению этих способов.

Сформулированные теоретические положения могут быть использованы в науке уголовно-процессуального права при проведении дальнейших научных исследований, подготовке статей, монографий, диссертационных исследований

по данной проблематике.

Практическая значимость исследования заключается в том, что конкретные предложения, разработанные автором в виде проекта федерального закона, могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании норм уголовно-процессуального права, которые регламентируют вопросы применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Обоснованные и сформулированные в диссертационном исследовании выводы и практические рекомендации могут быть использованы судами, прокурорами и адвокатами в их практической деятельности по обеспечению публичных интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве. Результаты исследования могут использоваться в научно-исследовательской, а также в образовательной деятельности: в системе обучения и повышения квалификации прокуроров, адвокатов и судей, при преподавании уголовно-процессуального права.

Достоверность результатов проведенного исследования обеспечивается избранной автором методологией исследования, глубоким анализом научных трудов в области публичных интересов, альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов, использованием в работе широкой нормативной базы по исследуемым вопросам, а также репрезентативностью эмпирического материала.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения, выводы и предложения обсуждены на заседаниях кафедры уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной и заседаниях Ученого совета Российского государственного университета правосудия в 2021 г. Итоговые теоретические положения, рекомендации и предложения автора докладывались и обсуждались на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Два века юридической науки и образования в Казанском университете»: Всероссийская научная конференция (Казань, 2006); «Координация деятельности правоохранительных органов и актуальные проблемы борьбы с преступностью»: Республиканская научно-практическая

конференция (Казань, 2009); «Совершенствование средств реализации и применения права: общетеоретические и отраслевые аспекты»: Международная научно-практическая конференция (Казань, 2017); «Стратегия развития уголовно-процессуального права в XXI в.: V Международная научно-практическая конференция (Москва, 2017); «Научная школа уголовного процесса и криминалистики СПбГУ. Уголовная юстиция России в развитии»: Международная научно-практическая конференция (Санкт-Петербург, 2020), «Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии»: VIII Международная научно-практическая конференция (Казань, 2020); «Государство и право в XXI веке»: Международная научно-практическая конференция (Минск, Республика Беларусь, 2020); «Правовые проблемы укрепления российской государственности»: Всероссийская научно-практическая конференция (Томск, 2021); «Аубакировские чтения»: Международная научно-практическая конференция, посвященная 85-летию со дня рождения А. Ф. Аубакирова (Алматы, Республика Казахстан, 2021).

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в 14 научных статьях, 6 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов на соискание ученой степени кандидата наук.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования осуществлялись в следующих формах:

- в ходе проведения автором лекционных и практических занятий по дисциплинам «Уголовно-процессуальное право», «Правоохранительные органы» в Казанском филиале Российского государственного университета правосудия;

- посредством внедрения результатов диссертационного исследования в правоприменительную практику судей и прокуроров, учебный процесс образовательного учреждения и научно-исследовательскую деятельность.

Основные положения и выводы диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Верховного Суда Республики Татарстан, Прокуратуры Республики Татарстан, в учебный процесс Казанского (Приволжского) федерального университета, научно-исследовательскую деятельность Российского государственного университета правосудия.

Структура диссертации обусловлена выбором темы, содержанием и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения, библиографического списка и 2 приложений.

Глава 1. Теоретические основы обеспечения публичных правовых интересов в ходе досудебного производства по уголовным делам

§ 1. Публичные правовые интересы в уголовном процессе: понятие и юридическая сущность

По смыслу уголовно-процессуального закона объектами защиты в уголовном судопроизводстве являются права, свободы и законные интересы граждан, организаций (ст. 6 УПК РФ). Понятие «публичный интерес» не используется законодателем при указании и перечислении объектов защиты уголовного процесса. Вместе с тем, указанное понятие широко используется в доктрине уголовно-процессуального права¹.

Защищается ли в ходе уголовного судопроизводства публичный интерес? Обратимся к определению понятий «интерес», «публичность», «публичный интерес». Интерес (от лат. Interest – иметь значение) в различных науках трактуется по разному. Так, в психологии интерес понимается как «эмоциональное состояние, связанное с осуществлением познавательной деятельности и характеризующееся побудительностью этой деятельности»². В философской литературе интерес характеризуется как имеющая значение причина действия людей и их групп, общественного поведения³. Интерес в науке рассматривается с разных позиций: как субъективное явление; объективное явление; как отдельные объективные и субъективные явления; как единство объективного и субъективного⁴. Интересы в обществе весьма разнообразны. Их можно различать по степени общности (индивидуальные, групповые, общественные); направленности (политические, экономические и др.); характеру

¹ См.: Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270 – 280.

² См.: Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М., 2000. С. 73.

³ См.: Новейший философский словарь / Под ред. Грицанова А. А. Минск, 1999. С. 387.

⁴ См.: Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 14.

субъекта (классовые, национальные и др.); степени осознанности (действующие стихийно и на основе разработанной программы); возможности их осуществления (реальные и мнимые); отношению к объективным процессам (прогрессивные, консервативные) и др. Формирование осознанных общественных потребностей приводит к постановке целей их достижения, созданию системы правовых средств их реализации. Обеспечение осознанного общественного интереса становится одной из задач в деятельности государства, которое стремится к удовлетворению признаваемых общественных потребностей. Правовое опосредование общественного интереса выражается в установлении режима правового регулирования, в наибольшей степени обеспечивающего потребности общества. В уголовном судопроизводстве Т. А. Дуйшенбиев определяет интерес как «порожденное системой потребностей личности и общества осознанное побуждение, направленное на выгодное удовлетворение потребности в пользу носителя (общества, государства, коллектива, личности) посредством деяния, предусмотренного уголовно-процессуальным законом¹. Аналогичное определение дает и И. Г. Смирнова². Т. В. Исакова обоснованно полагает, что интерес предопределяет характер и основные направления деятельности участников уголовного процесса, тем самым «в некоторой мере устанавливают конструируемые в уголовно-процессуальной теории системы процессуальных функций»³. А. В. Спирин рассматривает интерес в качестве потребности и побудительного мотива процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства⁴.

¹ Дуйшенбиев Т. А. Интересы в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С.14.

² Смирнова И. Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 14.

³ Исакова Т. В. О понятии интереса в уголовном процессе // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. Орел, 2017. С. 91-92.

⁴ См.: Спирин А. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора. Досудебные стадии. М., 2020. С. 53.

Анализ определений интереса позволяет выделить несколько его главных признаков: он выступает стимулом к деятельности субъекта; направлен на достижение определенной цели; опосредован нормами соответствующей отрасли права. Следует согласиться с позицией о том, что формирующийся интерес предопределяется, прежде всего, объективными условиями¹, вместе с тем интерес является продуктом сознательной деятельности людей, когда определяются их потребности, сопоставляются ценности, выясняются взаимоотношения. И тогда интерес становится стимулом действий².

В юридической науке применительно к характеристикам интереса используются различные понятия: «публичные интересы»³, «общественные интересы»⁴, «частные интересы»⁵, «личные интересы»⁶, «законные интересы»⁷,

¹ См.: Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. С. 53.

² См.: Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270- 280.

³ См.: Ломаев А. Ю. Публичный интерес как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012; Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10; Исакова Т. В. О понятии интереса в уголовном процессе // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. Орел, 2017; Спиринов А. В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2019. №1. и др.

⁴ См.: Кокорев Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1977. № 4. С. 77.

⁵ См.: Артамонова Е. А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве. Саратов, 2004. С. 37; Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2007; Шамардин А. А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001 и др.

⁶ См.: Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008 № 6. С. 74–75; Ильницкая Л. И. Личные интересы участников уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 37.

⁷ См.: Гриненко А. В., Гуджабидзе Г. А., Потапов В. Д., Железняк Н. С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 145; Кучинский В. А. Законные интересы личности: от Конституции до правореализующей деятельности // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. М., 1982. С. 86; Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 26; Субочев В. В. Законные интересы. М., 2008. С. 137; Дилбандян С. А. Законный или любой интерес подлежит защите в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовое исследование уголовного процесса России и Армении // Российский судья. 2010. № 11. С. 33 и др.

«процессуальные интересы»¹.

Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, обратимся к понятию «публичные интересы». В самом общем виде публичный интерес можно обозначить как охраняемый законом интерес, за которым стоит общество и государство, официально признанный интерес, имеющий поддержку государства и правовую защиту². Ю. А. Тихомиров совершенно обоснованно пишет о том, что «публичный интерес есть признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития»³. Аналогичное определение дает и А. В. Кряжков, он определяет публичные интересы как «общественные интересы, признанные государством и урегулированные (обеспеченные) правом»⁴. Т. В. Исакова пишет о том, что публичные интересы – это общие интересы, «своего рода усреднение личных, групповых и общественных интересов. Это – общественные интересы, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать частные интересы, с другой – обеспечить ... нормальное развитие общества и государства»⁵. И. Г. Смирнова полагает, что публичный интерес представляет собой «совокупность социально значимых частных интересов, не вступающих в противоречие с государственными интересами»⁶. А. В. Спириин отмечает, что публичный интерес – это государственный интерес, интерес социума, большинство законопослушных граждан которого, как и

¹ См.: Мазюк Р. В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. №4. С. 78; Галкин В. М. Принцип состязательности в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. С. 37; Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 17 и др.

² См.: Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270-280.

³ Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. С. 55.

⁴ Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 92.

⁵ Исакова Т. В. О понятии интереса в уголовном процессе // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. Орел, 2017. С. 91.

⁶ См.: Смирнова И. Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 17.

государство, заинтересованы в обеспечении правопорядка, безопасности неотвратимости ответственности¹. Соглашаясь в целом с данными подходами, следует отметить, что публичные интересы могут находиться в различных сферах общественной жизни, обеспечиваться нормами морали, традиций, обычаев, иметь характер экономических, политических, нравственно-этических и т.д. Предметом настоящего исследования являются публичные правовые интересы – интересы, обеспечение которых осуществляется посредством правового и индивидуального регулирования.

Таким образом, можно определить, что публичные правовые интересы – это признаваемые государством и урегулированные нормами права социальные потребности, направленные на достижение общественных благ, удовлетворение которых обеспечивает целостность, устойчивость и поступательное развитие общества.

Уголовный процесс, относясь к одной из отраслей публичного права, обеспечивает, в первую очередь, защиту общего блага, регулирует отношения государства в лице его органов с гражданами и юридическими лицами, возникающими в связи с выявлением, расследованием и разрешением преступлений². Государство в лице его органов выступает в качестве носителя властных полномочий, может императивно предписывать определенные варианты поведения для граждан и иных субъектов права, требовать и принуждать их к выполнению определенных предписаний, применять к нарушителям меры юридической ответственности. Основным методом реализации этих властных полномочий является метод государственно-властного принуждения. Принадлежность уголовно-процессуального права к публичным отраслям предполагает условный приоритет общественных, государственных

¹ См.: Спирин А. В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2019. №1. С. 93.

² См.: Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270-280.

интересов во взаимоотношениях человека с властью¹. Вместе с тем публичный правовой интерес предполагает необходимость защиты ряда частных интересов, совпадающих с потребностями общества. Еще во времена древнеримского права также существовали частные (*action private*) и народные иски (*action populares*). Последние могли предъявляться гражданином в случае нарушения общественных интересов. Защита публичных интересов народными исками предполагала защиту не только интересов общества, крупных социальных групп и т.д., но и защиту тех частных интересов, которые не могли быть защищены их непосредственными носителями в силу определенных причин. Очевидно, что защита лиц, не способных самостоятельно реализовывать свои интересы, совпадает с интересами общества и государства в целом.

Однако публичный характер уголовно-процессуального права отнюдь не означает отказа от защиты частных интересов при производстве по уголовным делам. Сочетание публичности и диспозитивности в праве – давняя дискуссия, уходящая корнями вглубь веков. В современной России активное осмысление необходимости обеспечения разумного баланса между публичными и частными правовыми интересами началось после изменения идеологической парадигмы и принятия Конституции РФ в 1993 г. О. И. Андреева совершенно обоснованно пишет, что конституционное положение о высшей ценности прав и свобод человека предполагает «формирование новых взглядов на взаимоотношение государства, общества и личности, на соотношение прав и обязанностей государства и личности, в том числе и в сфере уголовного процесса»².

Признание охраны личности, её неотъемлемых прав и свобод как приоритетной задачи органов государственной власти (ст. 45 Конституции РФ) предполагает создание адекватной системы прав и гарантий личности, соотнесенных с общественно значимыми целями. При этом необходимо

¹ Там же.

² Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2007. С. 3.

понимать, что государство ответственно не только за создание условий для реализации прав отдельной личности, но и за ее защиту от противоправных (в уголовном процессе – от преступных) посягательств¹. Преступления создают угрозу государственному строю, национальной безопасности и безопасности каждого отдельно взятого гражданина. И здесь интересы личности, общества и государства совпадают.

Идея о необходимости определения разумного баланса между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве не вызывает сомнений, но вопросы о том, каковы критерии определения разумного сочетания интересов, где границы, в которых должен защищаться публичный интерес, защита каких частных интересов при производстве по уголовным делам нуждается в усилении, относятся к числу дискуссионных.

Смещение законодательных приоритетов в пользу преимущественной защиты прав и законных интересов личности (ст. 6 УПК РФ) вызвало жаркие дискуссии, приветствовалось одними авторами² и критиковалось другими³. Ч. 1 статьи 6 УПК РФ обозначает в качестве назначения уголовного судопроизводства защиту частных интересов, при этом о публичных прямо ничего не говорится. Следует согласиться с О. В. Качаловой в вопросе о невозможности выстраивания задач уголовного судопроизводства вне зависимости от сопряженных с ним сфер правового регулирования, в частности, уголовного права⁴. Задачи уголовного права определяются как охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение

¹ См.: Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270-280.

² См.: Артамонова Е. А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве. Саратов, 2004. С. 37.

³ См.: Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 2012. С.34.

⁴ См.: Качалова О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. №3 (37). С. 110–111.

преступлений (ст. 2 УК РФ), а механизм их реализации основан на уголовном судопроизводстве, посредством которого реализуются уголовно-правовые нормы, это предполагает, что задачи этих отраслей права должны коррелировать друг другу. А. В. Спирин верно отметил, что публичный интерес «отражается в назначении уголовного судопроизводства, а также в его цели и задачах»¹. А. А. Давлетов писал, что в уголовно-процессуальной деятельности публичный интерес является определяющим, поскольку она ориентирована, прежде всего, на удовлетворение общественной потребности защиты социума от преступлений². Полагаем, что иерархия ценностей, подлежащих уголовно-правовой защите (личность, общество, государство) должна найти отражение и в назначении уголовно-процессуального закона в виде обозначения в нем публичного интереса. Подобного рода предложения уже звучали в уголовно-процессуальной науке³. Как верно отмечает А. В. Спирин, методологически правильно формулировать «цели и задачи уголовного судопроизводства на основе осмысления публичного интереса»⁴.

Несмотря на отсутствие законодательно закрепленной задачи, защита интересов общества и государства осуществляется посредством выстроенной системы уголовного судопроизводства, которое носит публичный характер. Основу публичного обвинения составляет уголовное преследование от имени государства. Уголовные дела публичного обвинения возбуждаются государственными уполномоченными органами при наличии достаточных поводов и оснований и не зависят от волеизъявления потерпевших. Необходимость защиты публичных правовых интересов предполагает, что

¹ См.: Спирин А. В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2019. №1. С. 99.

² См.: Давлетов А. А., Барабаш А. С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 125–136.

³ См.: Качалова О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. №3 (37). С. 110–111; Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

⁴ См.: Спирин А. В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2019. №1. С. 99.

государственные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, обязаны принимать необходимые меры по обнаружению преступлений, выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к установленной законом ответственности. Лишь по некоторым преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, инициатором возбуждения уголовного дела может быть физическое или юридическое лицо (дела частного и частно-публичного обвинения). Но даже в этих случаях, когда лицо не способно самостоятельно защитить свои права в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам, вступление в процесс государства в лице дознавателя, следователя, прокурора фактически превращает их в дела публичного обвинения. Очевидно, что защита интересов личности невозможна без обеспечения защиты интересов общества и государства, которые, в первую очередь, создают безопасную среду и условия для развития личности¹.

Разрешая вопрос о соотношении частных и публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве, следует отметить, что частный и публичный интерес не могут противопоставляться. Публичный интерес не существует сам по себе, вне частных интересов многих людей и их общностей. Правомерный частный интерес, как правило, может быть реализован посредством публичных инструментов, и через интерес публичный. Правомерный частный интерес, как правило, совпадает с публичным, поскольку обеспечение возможности для реализации правомерной защиты личности является частью публичного правового интереса. О. И. Андреева совершенно обоснованно полагает, «что в определенных случаях реакция государства на общественно опасные деяния должна быть обусловлена не только публичными, но и частными интересами», эта реакция должна быть «зависима от степени общественной опасности совершенного деяния; от признания вины лицом, привлекаемым к уголовной

¹ См.: Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270–280.

ответственности; от совершения им позитивных действий, направленных на устранение последствий деяния (заглаживание причиненного вреда); от согласия лица, пострадавшего от преступления урегулировать конфликт без привлечения лица к уголовной ответственности». Одновременно «государство должно нести ответственность за неэффективное регулирование уголовно-процессуальных отношений», способствующих нарушению прав и законных интересов личности, а также за неправомерные действия (бездействия) государственных органов и должностных лиц¹.

Обязанности должностных лиц заключаются, в том числе, в обеспечении охраны правовых интересов участников уголовного судопроизводства. Государство выстраивает такую систему гарантий прав участников процесса, которая способна обеспечить эффективную защиту и своевременное восстановление нарушенных прав и свобод личности. Ф. Н. Багаутдинов обоснованно полагает, что личные и публичные интересы в уголовном судопроизводстве находятся в «диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности, при которых публичный интерес направлен также на защиту законных интересов личности, а обеспечение прав личности является необходимой предпосылкой обеспечения законности» и достижения назначения уголовного судопроизводства². О необходимости согласования интересов личности, коллектива, государства, общества в сфере уголовного судопроизводства пишет и Л. Н. Масленникова³. Следует отметить, что идеи единства и взаимообусловленности частных и публичных интересов не новы, еще Л. Д. Кокорев писал о единстве общественных и личных интересов, характерных

¹ Андреева О. И. Отдельные аспекты ограничения полномочий государства, государственных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 14–16.

² См.: Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 12.

³ См.: Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/publichnoe-i-dispozitivnoe-nachala-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii> (дата обращения: 10.11. 2018).

для [...] правосудия, выраженных в целях и задачах судопроизводства. По мнению ученого, это единство заключается, в том числе, в том, что «с точки зрения общественных интересов для достижения задач судопроизводства допускаются лишь те средства, которые полностью согласуются с правами и законными интересами личности»¹. Т. В. Исакова полагает, что «интересы, реализуемые через субъективные права и свободы действия, могут носить как частный, так и могут присоединиться к общественному интересу». По мнению автора, частные интересы не всегда совпадают с публичными интересами (например, нежелание разглашать обстоятельства частной жизни вызывают нежелание вступать в сферу уголовного судопроизводства). Этот интерес не совпадает с публичным интересом восстановления нарушенного правопорядка. Такой подход позволяет Т. В. Исаковой сделать вывод, что частные интересы могут подавляться публичными, если идут вразрез с последними (за исключением дел частного обвинения)², частный интерес личности подавляется публичным интересом (за исключением преступлений, как правило, преследуемых в частном порядке).

По смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это подтверждает приоритет публичных правовых интересов над частными в определенных ситуациях. Если предметом публичного правового интереса является некое общее благо, выгодное для всех, то ограничение конкретного частного интереса допустимо, поскольку такое ограничение осуществляется в пользу большинства³. Законодатель в связи с этим должен

¹ Кокорев, Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1977. № 4. С. 77.

² См.: Исакова Т. В. О понятии интереса в уголовном процессе // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. Орел, 2017. С. 91–92.

³ См.: Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270–280.

определить правовые границы реализации интересов государства и личности, обозначить, какой частный интерес является неприкосновенным для органов публичной власти, а какой интерес будет второстепенным по значимости по сравнению с интересом публичным. Так, частный интерес обеспечить защиту от обвинения, реализуемый посредством права на защиту, является неприкосновенным. Отчасти этот интерес совпадает с интересом публичным: обеспечение права на защиту является необходимым условием реализации режима состязательности уголовного судопроизводства. Пример второстепенности частного интереса в уголовном судопроизводстве – заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и рассмотрение уголовного дела в отношении лица, его заключившего, в особом порядке с применением существенно смягчающих наказание норм вне зависимости от позиции потерпевшего. В данном случае публичный интерес, заключающийся в раскрытии и расследовании сложных преступлений, превалирует над частным интересом потерпевшего, который может выступить против заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, влекущего существенное смягчение наказания виновному. Задача правоприменителя – по каждому уголовному делу с учетом конкретных обстоятельств определять разумное соотношение частных и публичных правовых интересов и обеспечить их реализацию в должном объеме. Особенно актуальным это является в ситуациях возможного применения альтернативных правовых норм (выборе мер принуждения, возможности прекращения уголовного преследования и т. д.).

Содержание публичного правового интереса в уголовном судопроизводстве весьма широко. А. В. Спирин включает в него охрану основ конституционного строя РФ, общественного порядка и общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности от преступных посягательств; обеспечение мира и безопасности человечества; принятие мер по пресечению преступления, возбуждению уголовного дела; «осуществление от имени государства уголовного преследования по уголовным делам; выполнение процессуальных действий и принятие решений в рамках уголовного

судопроизводства», обеспечение прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство; обеспечение для лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, возможности отстаивать и защищать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами; «принятие по уголовному делу законного, обоснованного и справедливого итогового решения; назначение виновному справедливого наказания; восстановление социальной справедливости в части установления причиненного преступлением вреда, обеспечения возмещения причиненного преступлением имущественного вреда; принятие мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, предупреждению новых преступлений». При этом в качестве базового компонента публичного интереса автор называет охрану основ конституционного строя РФ, общественного порядка и общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и свобод человека и гражданина¹.

Полагаем возможным согласиться с А. А. Спириным лишь отчасти. Так, выполнение процессуальных действий и принятие решений в рамках уголовного судопроизводства само по себе не является содержанием публичного интереса, а лишь средством его обеспечения; принятие мер по предупреждению новых преступлений реализуется преимущественно вне рамок уголовного судопроизводства. Считаем, что публичный правовой интерес в уголовном судопроизводстве выражает охраняемые законом потребности общества в создании условий для надлежащего расследования и разрешения уголовных дел и обеспечении такой практики, при которой ни один невиновный не был бы незаконно привлечен к уголовной ответственности и осужден, и ни один виновный не избежал бы ответственности и справедливого наказания. Публичный интерес выражается также в обеспеченности прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, возможности применения более мягких по сравнению с уголовным наказанием мер ответственности, отказе от уголовного преследования лиц, не представляющих

¹ Спирин А. В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2019. № 1. С. 96.

общественной опасности и загладивших причиненный ущерб, и т. д. Таким образом, содержание публичного правового интереса составляют:

- обеспечение режима расследования и разрешения уголовных дел, позволяющего привлекать виновных к ответственности. Этим общество защищается от преступных посягательств;

- охрана прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность;

- отказ от применения избыточных мер ответственности к лицам, совершившим преступления, использование альтернативных уголовному преследованию и осуждению методов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Конкретизируя содержание публичного правового интереса применительно к досудебному производству по делу, следует отметить, что на стадии возбуждения уголовного дела публичный правовой интерес заключается в установлении необходимости (либо ее отсутствия) возбуждения уголовного дела и уголовного преследования конкретного лица, что достигается посредством проведения объективной проверки сообщения о преступлении, охране прав участников этой проверки. В стадии предварительного расследования содержание публичного интереса составляют: своевременное и объективное, осуществляемое по предусмотренным законом правилам установление обстоятельств совершенного общественно опасного деяния, виновность лица, его совершившего, данных о личности виновного, а также иных обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и входящих в предмет доказывания; обеспечение прав участников предварительного расследования, обоснованное применение мер уголовно-процессуального принуждения при возникновении такой необходимости; обеспечение возмещение вреда, причиненного потерпевшему; своевременное прекращение уголовного преследования (уголовного дела) при выявлении к тому оснований.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Публичные правовые интересы – это признаваемые государством и урегулированные нормами права социальные потребности, направленные на достижение общественных благ, удовлетворение которых обеспечивает целостность, устойчивость и поступательное развитие общества.

2. Обеспечение интересов общества и государства в уголовном судопроизводстве осуществляется посредством выстроенной системы производства по уголовным делам, которое носит публичный характер. Основу публичного обвинения составляет уголовное преследование от имени государства.

3. Содержание публичного правового интереса в уголовном процессе составляют:

- реализация такого режима расследования и разрешения уголовных дел, который позволяет обеспечить защиту общества от преступных посягательств;
- охрана прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность;
- отказ от применения избыточных мер уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления, использование альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

4. В стадии возбуждения уголовного дела публичный правовой интерес заключается в установлении необходимости (либо ее отсутствия) возбуждения уголовного дела и уголовного преследования конкретного лица, что достигается посредством проведения объективной проверки сообщения о преступлении, охране прав участников этой проверки.

5. В стадии предварительного расследования содержание публичного интереса составляют: своевременное и объективное, осуществляемое по предусмотренным законом правилам установление обстоятельств совершенного общественно опасного деяния, виновность лица, его совершившего, данных о личности виновного, а также иных обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и входящих в предмет доказывания; обеспечение прав участников предварительного расследования, обоснованное применение мер уголовно-

процессуального принуждения при возникновении такой необходимости; обеспечение возмещение вреда, причиненного потерпевшему; своевременное прекращение уголовного преследования (уголовного дела) при выявлении к тому оснований.

§ 2. Система обеспечения публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам

Обеспечение публичных правовых интересов осуществляется на каждом этапе досудебного производства по делу посредством применения норм уголовно-процессуального права: осуществления процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и принятия решений. Процесс применения уголовно-процессуальных норм и принятия конкретных решений при расследовании каждого уголовного дела с учетом конкретных особенностей возникшего уголовно-правового конфликта означает индивидуальное регулирование правоотношений на основе общих и относительно определенных норм права¹. Обеспечение публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве достигается посредством правового и индивидуального регулирования уголовно-процессуальных правоотношений в сфере разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Обеспечение публичных правовых интересов означает создание условий, необходимых для защиты общества от преступных посягательств, охраны прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, отказа от применения избыточных мер уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления, использование альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Создание таких условий предполагает активную взаимосвязанную деятельность властно уполномоченных субъектов, ответственных за производство по уголовному делу, в рамках реализации ими

¹ Об индивидуальном регулировании правоотношений см.: Ершов В. В. Регулирование правоотношений. М.: РГУП, 2020. С. 314-361.

своих функций и осуществления полномочий, использование ими при осуществлении процессуальных действий и принятии процессуальных решений различных способов, направленных на защиту различных публичных интересов. Анализ многообразной и многоаспектной деятельности дознавателя, следователя, прокурора и суда во взаимосвязи вышеуказанных субъектов друг с другом, а также с иными участниками досудебного производства, приводит к необходимости понимания обеспечения публичных правовых интересов как единой системы, состоящей из ряда элементов, находящихся с собой во взаимосвязи.

Ключевыми структурными элементами системы обеспечения публичных интересов, на наш взгляд, являются субъекты, объект, права и обязанности субъектов, а также способы защиты публичных интересов.

Субъектами защиты публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам являются должностные лица, ответственные за производство по делу, и (или) имеющие властно-распорядительные полномочия. К ним относятся следователь, руководитель следственного органа, прокурор, орган дознания, дознаватель, начальник подразделения дознания, суд. Полномочия субъектов обеспечения публичных интересов вытекают из выполняемых ими функций и строго регламентированы уголовно-процессуальным законом. Нельзя не согласиться и с А. В. Спириным в вопросе о том, что уголовно-процессуальный закон закрепляет средства обеспечения публичных интересов посредством установления полномочий властных участников уголовного судопроизводства¹. Обеспечение публичных правовых интересов в досудебном производстве осуществляется различными участниками уголовного судопроизводства, имеющих разные полномочия и различную ведомственную принадлежность. Возникает вопрос о том, как распределяется между ними бремя обеспечения публичных интересов в одном уголовном деле. А. В. Спирин вполне обоснованно считает, что несмотря на единую цель,

¹ См.: Спирин А. В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2019. № 1. С. 95.

вытекающую из публичного интереса, конкретные задачи, стоящие перед отдельными властными субъектами, существенно отличаются, в связи с чем полномочия правоприменителей в досудебном производстве нуждаются в разграничении¹.

Должностные лица, участвующие в досудебном производстве, не имеют в деле самостоятельного интереса, а обеспечивают реализацию интересов публичных. Вместе с тем ситуации, когда публичный интерес по-разному толкуется различными участниками уголовного судопроизводства – далеко не редкость, как нередко встречаются и ведомственные разногласия. и подмена публичных интересов ведомственными интересами. Так, например, по уголовному делу на стадии проверки сообщения о преступлении сотрудниками полиции 16 раз принимались решения об отказе в возбуждении уголовного дела, которые отменялись прокурором как принятые незаконно. Уголовное дело было возбуждено спустя более, чем 1,5 года со дня поступления заявления. Производство предварительного расследования приостанавливалось 6 раз. Эти решения отменялись 6 раз прокурором в связи с неполнотой проведенного расследования. Производство расследования каждый раз возобновлялось².

Такого рода ситуации приводят к нарушениям прав участников уголовного судопроизводства, затягиванию сроков расследования, нивелированию публичного интереса своевременного привлечения лица, совершившего преступление, к ответственности.

Для определения соотношения бремени обеспечения публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам необходимо обратиться к вопросу об уголовно-процессуальных функциях. Система российского уголовного судопроизводства построена таким образом, что достижение стоящих перед ним задач обеспечивается посредством деятельности участников процесса, каждый из которых реализует определенные функции.

¹ Там же.

² Архив следственной части следственного управления УМВД России по г. Казань за 2014 г.

Методологически верное определение этих функций позволяет определить оптимальный круг полномочий участников уголовного судопроизводства, в первую очередь, наделенных властными полномочиями, сформировать надлежащую систему взаимодействия между ними, повысить эффективность уголовного судопроизводства.

Уголовное судопроизводство по своей природе не может быть рассмотрено в отрыве от поступательного движения к главному – достижению поставленной цели. О. В. Волколуп считает необходимым «всю уголовно-процессуальную деятельность по делу в целом следует рассматривать как систему процессуальных действий, осуществляемых как органами государства, так и участвующими в ней лицами – ее субъектами»¹. И вполне закономерно, что такая система, безусловно, должна быть predeterminedена определенными целями и задачами, стоящими перед органами, ведущими судопроизводство. Поэтому «как сама система, так и ее каждое отдельное действие функционируют в предусмотренном законом уголовно-процессуальном порядке в целях достижения поставленных целей и задач уголовного судопроизводства»².

По определению С. И. Ожегова: «функция это есть явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения другого явления»³. В науке уголовно-процессуального права сформировались десятки подходов к определению сущности функций в уголовном судопроизводстве и варианты их классификаций. П. С. Элькинд определяла функцию как «специальное назначение и роль участников процесса, определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности»⁴. В. П. Нажимов рассматривал функции участников уголовного процесса как виды их уголовно-процессуальной деятельности, «осуществляемые в соответствии с конкретными

¹ Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 43.

² Там же.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2012. С. 856.

⁴ Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 54-69.

задачами, а также собственными целями и интересами, которые и определяют специальное назначение и роль каждого участника процесса»¹. М. Л. Якуб видел процессуальную функцию как процессуальную обязанность или назначение должностного лица или органа². В. С. Зеленецкий рассматривал функцию как содержание позиции субъекта процессуальной деятельности, которое выражается в характере его отношения к объекту³. Д. М. Берова определяет уголовно-процессуальные функции как «направления (виды) уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой уполномоченными на то субъектами и преследующие достижение определенных целей, реализующих назначение уголовного судопроизводства»⁴. Основными категориями в определении юридической сущности уголовно-процессуальных функций являются виды деятельности, осуществляемой участниками процесса.

В настоящее время к проблеме выделения функций в уголовном судопроизводстве ученые подходят разнопланово. Традиционный подход, выделяющий три основных процессуальных функции: обвинение (уголовное преследование); защиту и разрешение дела⁵, был подвергнут серьезной критике еще в начале 60-х гг. прошлого века. Р. Д. Рахунов высказался о том, что эти классические функции не охватывают деятельности всех участников процесса и осуществляются не во всех стадиях процесса, в связи с чем было предложено выделить дополнительно еще три функции: расследование уголовного дела, поддержание гражданского иска и защиту от него⁶. К. Ф. Гуценко и

¹ См.: Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73.

² См.: Якуб М. Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1973. № 5. С. 87.

³ См.: Зеленецкий В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности. Харьков, 1978. С. 20.

⁴ Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 17.

⁵ См.: Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 67—68.

⁶ См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 47.

П. А. Лупинская также дополнительно выделяли функцию расследования¹. А. М. Ларин выделял в качестве самостоятельной, но действующей только на досудебных стадиях процесса, функцию процессуального руководства расследованием². Ряд авторов выделяют также функции прокурорского надзора, предупреждения преступлений, поддержания гражданского иска и защиты от него, называя их дополнительными или частными³. В. С. Джатиев рассматривает в качестве самостоятельных также функции предварительного расследования и прокурорского надзора⁴. А. Г. Халиуллин приходит к выводу о существовании в современном российском уголовном процессе следующих уголовно-процессуальных функций: 1) уголовного преследования; 2) защиты; 3) разрешения дела; 4) судебного контроля; 5) прокурорского надзора за точным и единообразным исполнением законов; 6) расследования; 7) обеспечения прав и охраны законных интересов участвующих в деле лиц; 8) гражданского иска; 9) защиты против иска; 10) оказания юридической помощи; 11) содействия осуществлению уголовного судопроизводства; 12) обеспечения уголовно-процессуальной деятельности. В качестве самостоятельной автор также выделяет функцию процессуального руководства расследованием⁵. На наш взгляд, очевидным достоинством такой классификации является охват всего производства по уголовному делу, ориентация на достижение уголовным судопроизводством своего назначения. На самостоятельность большинства из

¹ См.: Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы. М., 2016. С. 46; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Под ред. П. А. Лупинской. М.: Юрист, 2011. С. 76.

² См.: Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 34.

³ См.: Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / В. П. Божьев [и др.]; под редакцией В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 45.

⁴ См.: Джатиев В. С. Обвинение и защита // Российская юстиция. 1995. № 3. С. 17—18.

⁵ См.: Халиуллин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1997. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnoe-presledovanie-kak-funktsiya-prokuratury-rossiiskoi-federatsii-problemy-osushchestv> (дата обращения: 15.10. 2020).

этих функций в свое время также указывали В. В. Шимановский¹, М. М. Выдря² и П. С. Элькинд³. П. С. Элькинд было предложено классифицировать все функции на основные, вспомогательные и побочные, охватывающие деятельность всех участников процесса⁴.

По мнению В. С. Зеленецкого, «сущность функции нельзя выводить лишь из процессуальной деятельности, ее направленности; в качестве признака функции следует рассматривать содержание позиции субъекта процессуальной деятельности, выражающееся в характере его отношения к объекту его процессуальной позиции и соответствующей уголовно-процессуальной деятельности». Автор пишет: «если отношение субъекта к определенному объекту рассматривать в качестве его социальной позиции (без которой нет и не может быть ни обвинения, ни защиты, ни любой другой функции), а деятельность – как способ реализации этой позиции, то достигаемый в процессе такого взаимодействия названных элементов результат и представляет собой функцию»⁵. В. С. Зеленецким предложена классификация функций на общие и частные, на внешние и внутренние. К общим автор относит: «функцию борьбы с преступностью, функцию уголовного преследования, функцию уголовно-процессуального познания действительности и т.д. Общие функции в качестве структурообразующих элементов содержат частные функции. Так, например, общая функция уголовного преследования включает в себя частные функции: изобличение преступника и обвинение лиц, совершившего преступление; общая функция публичного обвинения – функции следственного и государственного обвинения и т. д.»⁶.

¹ См.: Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в современном уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 24.

² См.: Выдря М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С. 78–82.

³ См.: Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 54.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Зеленецкий В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности. Харьков, 1978. С. 20.

⁶ См.: Зеленецкий В. С. Указ. соч. С.27-28.

А. П. Гуськова писала о том, что «один и тот же орган не может являться носителем различных функций, в связи с чем ограничиваться наличием трех основных функций будет не вполне верно. Автор выделяла две группы функций: основные (уголовное преследование (обвинение); защиту и разрешение дела) и вспомогательные (реабилитацию, поддержание гражданского иска, защиту от гражданского иска)»¹. В группу основных функций отдельные авторы включают дополнительно также расследование уголовного дела, прокурорский надзор за законностью расследования². Весьма подробная классификация уголовно-процессуальных функций дана В. В. Колодко. Автор выделил функции «рассмотрения и разрешения дела судом (правосудие); расследования; ведомственного контроля за расследованием; обвинения (уголовного преследования); защиты; прокурорского надзора на досудебном производстве; охраны потерпевшим своих прав и законных интересов; дополнительную функцию – поддержание или опровержение гражданского иска; а также вспомогательную функцию – помощь при возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел, осуществляемую свидетелем, экспертом, специалистом, переводчиком, понятыми и секретарем судебного заседания»³.

Современные подходы к сущности уголовного судопроизводства, смена его парадигмы ставят на повестку дня вопрос о необходимости пересмотра традиционно сложившихся в уголовном судопроизводстве функций. Ключевыми для определения современных видов уголовно-процессуальных функций могут служить категории «деятельность», «полномочия», «цели» участников уголовного судопроизводства, а также «назначение уголовного судопроизводства». Если определять деятельность участников уголовного

¹ См.: Гуськова А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. №3. С. 60

² См.: Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С.17.

³ См.: Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 17.

судопроизводства как процесс сознательного волевого целенаправленного активного взаимодействия с иными субъектами уголовно-процессуальных правоотношений, а полномочия – как возможность использовать предоставленные законом ресурсы для выполнения поставленных целей, то уголовно-процессуальные функции участников уголовного судопроизводства можно определить как виды сознательного волевого целенаправленного активного взаимодействия с иными субъектами уголовно-процессуальных правоотношений посредством использовать предоставленных законом полномочий.

Любая функция, определяя направленность деятельности участников уголовного судопроизводства, базируется на осуществлении соответствующих полномочий, предоставленных участнику для ее реализации. Например, уголовное преследование может рассматриваться и в качестве функции уголовного процесса, и в качестве обязанности прокурора, следователя, дознавателя (ст. 21 УПК РФ). П. С. Элькинд писала, что «все субъекты уголовно-процессуальных прав и обязанностей являются носителями определенных функций»¹. З. З. Зинатуллин и Т. З. Зинатуллин критикуют такой подход, полагая, что он «приводит к смешению хотя и близких, но, вместе с тем, различных понятий «функция» и «компетенция»². По мнению И. Б. Михайловской «отождествление функций с кругом прав и обязанностей позволяет необоснованно дробить и умножать процессуальные функции»³.

Очевидно, что не каждая обязанность может считаться самостоятельной функцией, однако ключевые полномочия участников уголовного судопроизводства, определяющие основной вектор их деятельности, всегда лежат в основе выполняемых участниками уголовно-процессуальных функций.

¹ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 51.

² См.: Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 2002. С. 9–10.

³ Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С.57.

Система функций участников уголовного судопроизводства должна быть выстроена и структурирована таким образом, чтобы ее вектор был направлен на достижение назначения уголовного судопроизводства. Это означает, что целенаправленное активное взаимодействие субъектов уголовно-процессуальных правоотношений должно обеспечивать защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Указание в ст. 15 УПК РФ в качестве основных функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, которые являются самостоятельными и не могут возлагаться на один и тот же орган, и одно и то же лицо, не позволяет сделать вывод о возможности достижения назначения уголовного судопроизводства исключительно посредством их реализации. Во-первых, защита прав участников уголовного судопроизводства осуществляется не только при разрешении уголовно-правового конфликта, но и в ходе промежуточных уголовно-процессуальных действий, ограничивающих их права и свободы, что не может быть охвачено ни одной из выше обозначенных функций. Во-вторых, аналогичная ситуация возникает и с реабилитацией граждан, а также с разрешением множества вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора. В-третьих, прекращение уголовного преследования следователем противоречит смыслу ст. 15 УПК РФ о запрете реализации различных функций одним и тем же органом, в этом случае мы видим совмещение функций обвинения и разрешения дела, а в ряде случаев – и защиты. Вышеуказанное ставит на повестку дня вопрос о формировании новой системы уголовно-процессуальных функций.

В первую очередь, следует отказаться от понимания следователя и прокурора как участников уголовного процесса исключительно со стороны обвинения. Этот вопрос неоднократно обсуждался в уголовно-процессуальной науке. Запрет на реализацию одним и тем же участником уголовного судопроизводства различных функций, вполне логичный на момент принятия УПК РФ в 2001 г., призванный освободить суд от обвинительного уклона, в настоящее время создает определенные препятствия в разрешении уголовного

дела и прекращении уголовного преследования в ходе досудебного производства, что не соответствует современной парадигме уголовного процесса. Стереотипы, сложившиеся в практике предварительного расследования, заключающиеся в необоснованном стремлении направить большее количество уголовных дел в суд, приводят к нерациональному использованию процессуальных ресурсов, увеличению судейской нагрузки, затягиванию сроков разрешения уголовного дела. По статистике ежегодно около 20 % уголовных дел прекращается в судах¹. Очевидно, что эта цифра могла бы быть гораздо ниже в случае изменения доктринальных и законодательных подходов к уголовно-процессуальным функциям и ориентации предварительного расследования на необходимость максимального применения средств разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе досудебного производства по делу.

Полагаем, что в основу дифференциации процессуальных функций должен быть положен ориентир на реальное обеспечение посредством системы уголовно-процессуальных функций задач уголовного судопроизводства и защиту прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, а также многофункциональный подход к деятельности различных субъектов уголовного судопроизводства. Такой подход позволяет выделить среди основных функций дополнительные подфункции, реализация которых в системном взаимодействии позволит наиболее эффективно добиться достижения задач уголовного судопроизводства. Применяя данный подход к должностным лицам, обеспечивающим публичные правовые интересы в досудебном производстве по уголовным делам, можно прийти к следующему. Построение системы взаимоотношений властно уполномоченных субъектов в досудебном производстве (органы дознания (обвинение) – органы следствия (обвинение) – прокурор (обвинение) – суд (разрешение дела) на основе функционального подхода, предусмотренного уголовно-процессуальным законом невозможно.

¹ Так, например, в 2019 г. было прекращено в судах 21,4% поступивших уголовных дел, в 2018 г. – 19,9%. Сайт судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 15. 10. 2020).

Полагаем возможным сделать вывод о реализации участниками досудебного производства следующих процессуальных функций.

Органы предварительного расследования реализуют основную функцию расследования, которая складывается из подфункций обвинения, разрешения уголовно-правового конфликта (в случаях прекращения уголовного преследования) и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, которая в контексте современной парадигмы права приобретает самостоятельное значение. При этом руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания осуществляют также функцию процессуального руководства расследованием. Практика показывает, что функция разрешения уголовно-правового конфликта реализуется органами предварительного расследования крайне редко. Количество прекращенных в ходе досудебного производства уголовных дел примерно в 10 раз меньше, чем в судах. Это означает, что единый публичный интерес, заключающийся в отказе от уголовного преследования и осуждения лиц, совершивших преступления определенной категории, по-разному воспринимается и обеспечивается органами расследования и судом, что представляется совершенно неправильным, и требует своего разрешения.

Результатами реализации функции расследования являются итоговые акты предварительного расследования, к которым относятся обвинительное заключение (постановление, акт), постановление о прекращении уголовного преследования, постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Решения, содержащиеся в данных актах, не являются окончательными, поскольку, как правило, подлежат утверждению прокурором и могут быть изменены. Это означает, что органы предварительного расследования обеспечивают защиту

публичных интересов на первичном уровне. Вторичный, более высокий уровень охраны публичных правовых интересов, уже подлежит обеспечению прокурором.

В свете вышесказанного нуждаются в переосмыслении функции прокурора в уголовном судопроизводстве. В науке уголовно-процессуального права были высказаны различные точки зрения относительно функций прокурора. Одни исследователи определяют основной функцией прокурора уголовное преследование, а функции надзора, процессуального руководства и другие рассматривают в качестве производных¹, другие говорят о самостоятельности и единственности надзорной функции²; третьи видят в деятельности прокурора сочетание самостоятельных функций надзора и уголовного преследования³. А. А. Тушев выделяет следующие функции прокурора в уголовном процессе: «борьбы с преступностью; надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия; уголовного преследования; руководства процессуальной деятельностью следователя, дознавателя и органов дознания по возбуждению уголовных дел и расследованию преступлений; координации деятельности правоохранительных органов по возбуждению уголовных дел и расследованию преступлений; правозащитную функцию»⁴. В. С. Шадрин пишет о том, что основным, наиболее широким направлением

¹ См.: Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие. М., 2014. С. 44–45; Савицкий В. М. Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования // Российская юстиция. 1994. № 10. С. 24–28; Алексеев С. Н. Надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса в системе конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина и полномочий прокурора: досудебные стадии: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002 и др.

² См.: Синельщиков Ю. П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 14; Буглаева Е. А., Тетюев С. В. О новых полномочиях прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 40.

³ См.: Крюков В. Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность). Курск, 2012. С. 36; Соловьев А. Б. Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой системы. М., 1997. С. 137–144; Халиуллин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 17; Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб.: "Юрид. центр Пресс, 2005. С. 63.

⁴ См.: Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 10.

деятельности прокуратуры является прокурорский надзор¹. Б. А. Тугутов считает, что прокурор выполняет функции поддержания государственного обвинения, надзора за соблюдением законности и восстановления законности, которые являются равноценными². С. В. Бажанов отвергает функцию уголовного преследования, полагая, что оно не имеет собственного юридического содержания, а является суррогатом функции расследования³.

Закон о прокуратуре РФ (ст. 1) и УПК РФ (ч. 1 ст. 37) устанавливает лишь две функции прокурора: надзор за законностью (процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия) и уголовное преследование. Прокурор является одним из представителей стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ), что в юридической литературе повлекло интерпретацию его правового положения как процессуального руководителя уголовным преследованием по всем уголовным делам соответствующей юрисдикции⁴. В связи с этим весьма важным представляется вопрос, касающийся соотношения функций надзора и процессуального руководства. Одна точка зрения заключается в том, что обе функции - надзора и руководства за следствием - прокурор осуществляет одновременно, хотя и разными путями и методами⁵. Сторонники другой позиции исходят из того, что поскольку деятельность прокурора по надзору за законностью расследования носит процессуальный характер, то прокурорско-надзорные функции выливаются в уголовно-процессуальную форму руководства⁶. Надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, по мнению, В. М. Савицкого, «... по сути ... процессуальное руководство расследованием преступлений, которое

¹ См.: Шадрин В. С. Основы формирования и современное состояние процессуального положения прокурора в уголовном досудебном производстве // Криминалистика. 2018. №4. С.73.

² См.: Тугутов Б. А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10–11.

³ См.: Бажанов С. В. К вопросу о состоятельности функции уголовного преследования вообще и функции прокурорского уголовного преследования в частности // Российская юстиция. 2017. № 4. С. 52-55.

⁴ См.: Уголовный процесс: учебник под ред. А. В. Смирнова, и К. Б. Калиновского. М., 2014. С. 91.

⁵ См.: Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы: учебник. М., 2016. С. 145.

⁶ См.: Прокурорский надзор: учебник под ред. А. Ф. Смирнова. М., 2016. С. 112.

предполагает применение прокурором всего арсенала предоставленных ему властных полномочий»¹. К. А. Таболина полагает, что составным элементом уголовного преследования является осуществляемое прокурором процессуальное руководство предварительным расследованием².

Если обратиться к анализу полномочий прокурора до реформы 2007 - 2010 гг., можно сделать вывод о том, что прокурор процессуально руководил деятельностью следователей и органов дознания, с одной стороны, а с другой - обеспечивал законность на стадии возбуждения уголовного дела и на стадии предварительного расследования. В силу закона прокурор являлся руководителем уголовного преследования, координатором действий всех органов, осуществляющих уголовное преследование. Он был вправе возбуждать уголовное дело, поручать его расследование дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо принимать его к своему производству; участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях давать письменные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий либо лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия; давать согласие дознавателю, следователю на возбуждение уголовного дела. В связи с принятием Указа Президента Российской Федерации от 27 сентября 2010 г. № 1182 «Вопросы Следственного комитета Российской Федерации», созданием Следственного комитета Российской Федерации, Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» были внесены изменения в УПК РФ, которые освободили прокурора от полномочий по руководству предварительным следствием – они остались у него только в отношении производства дознания. В связи с этим в настоящее время уместнее было бы говорить о наличии у прокурора

¹ Савицкий В. М. Прокурорский надзор. М., 1959. С. 127.

² См.: Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10.

отдельных процессуальных полномочий, позволяющих осуществлять частичное руководство предварительным расследованием.

Функция уголовного преследования осуществляется прокурором на предварительном следствии лишь в части формирования будущего государственного обвинения в суде. Эта функция проявляется в основном по окончании расследования, когда прокурор утверждает обвинительное заключение, обвинительное постановление либо обвинительный акт (гл. 31 УПК РФ). Именно в этот момент прокурор становится ответственным за обвинение, которое он будет поддерживать в суде. По смыслу законодателя, благодаря проведенной реформе прокурор стал более объективен для осуществления надзора на предшествующих этапах досудебного производства. Однако, как показала практика (снижение качества предварительного расследования, большое количество допускаемых следственных ошибок), отказ от активной роли прокурора при осуществлении уголовного преследования себя не оправдал.

В юридической литературе и на практике широкое распространение получила позиция, отраженная в свое время в Концепции судебной реформы 1991 г., что доминирующей функцией прокуратуры является уголовное преследование. Согласно Концепции, надзорные полномочия прокурора распределяются в пользу судебного контроля и самостоятельности следователя, а за прокурором сохраняется функция процессуального руководства расследованием¹. Эта позиция была широко поддержана учеными, в ряде изданий указывалось, что прокурор в уголовном процессе в целом осуществляет лишь функцию уголовного преследования, а надзор за соблюдением законов остается за рамками его деятельности². Однако этот вопрос остается дискуссионным.

М. С. Шалумов очень точно определяет функции прокуратуры как «вытекающие из правового статуса прокуратуры, ее места и назначения в государственном механизме, обязанностей по решению поставленных перед нею

¹ Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1991 г. № 44. Ст. 1435.

² Прокурорский надзор: учебник под ред. А. Я. Сухарева. М., 2011. С. 45.

законом задач»¹. В. С. Шадрин верно отмечает, что «роль прокурора в отечественном уголовном процессе логично рассматривать как производную от роли прокуратуры в российском государстве, прокурор – единственный из числа субъектов уголовного преследования, призванный участвовать во всех без исключения стадиях уголовного процесса, а его обвинительная деятельность рационально совмещается с деятельностью по обеспечению законности, прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве»².

В публикациях последних лет все активнее звучит идея о реализации прокурором правозащитной функции, направленной на защиту интересов участников уголовного судопроизводства. Так, О. С. Капинус пишет, что прокурор как представитель государства и носитель публичных интересов осуществляет, в числе прочих, правоохранительную функцию, в отличие от адвоката, призванного всегда только защищать интересы обвиняемого³. Реализация прокурором правозащитной функции в разные годы исследовалась в трудах ученых процессуалистов⁴, в ряде работ она именовалась правоохранительной и правообеспечительной⁵. Данный подход следует

¹ Шалумов М. С. Функции прокуратуры: Письмо в редакцию // Государство и право. 1995. № 6. С. 15.

² Шадрин В. С. Основы формирования и современное состояние процессуального положения прокурора в уголовном досудебном производстве // Криминалист. 2018. № 4. С. 72.

³ См.: Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве. URL: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-83714> (дата обращения: 14.09.2018).

⁴ См., например: Буланова Н. В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами. М., 2016. С. 99; Права человека и правозащитная деятельность государства: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конференции / под ред. В. Н. Лопатина. СПб., 2003; Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре РФ» / под ред. Ю. И. Скуратова. М., 1996. С. 8; Гуцин В. З., Чурилов А. В. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве // Государство и право. 1998. № 5. С. 63; Мельников Н. В. Прокурорская власть и личность: Правовые средства обеспечения конституционных прав и свобод граждан России. М., 2003. С. 44; Качалов В. И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М., 2017. С. 233–234 и др.

⁵ См.: Скареев Г. И. Участие прокурора в следственных действиях. М., 1987. С. 31; Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 37; Кан М. П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1988. С. 13; Халиуллин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ (проблемы осуществления правовой реформы): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 14.

поддержать. Как верно отмечает В. И. Качалов, «прокурор является участником уголовного судопроизводства с самого начала, последовательно представляя интересы государства и общества, при этом защищая права и законные интересы участников уголовного судопроизводства»¹. Следует отметить, что позицию о том, что прокурор в своей деятельности реализует правозащитную функцию, поддержали большинство опрошенных судей, прокуроров и адвокатов (69,6%)².

В одном из решений Конституционного Суда РФ было указано, что уголовное преследование является одной из форм реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению других конституционно значимых ценностей³. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ уголовное преследование «по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм положений ч. 2 ст. 15 УПК РФ не исключают необходимость использования прокурором ... всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Осуществление ... процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемое особым процессуальным статусом и полномочиями... обеспечивает в рамках уголовного судопроизводства выполнение государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 и 18 Конституции РФ)»⁴. Однако более точным было бы относить деятельность прокурора по обеспечению прав и свобод участников уголовного судопроизводства к его правозащитной функции, поскольку ряд

¹ См.: Качалов В. И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М., 2017. С. 233–234.

² См. приложение 2.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.04.2003 N 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

действий прокурора вряд ли могут быть охвачены в полной мере функциями уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью даже в их широкой конституционно-правовой интерпретации. Это обеспечение прокурором соблюдения таких принципов как охрана прав участников уголовного судопроизводства, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, жилища и частной жизни, рассмотрение жалоб в ходе досудебного производства по делу, участие в заключении и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве, участие в рассмотрении вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора.

Таким образом, деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве направлена на защиту охраняемых законом интересов общества, личности, государства, в настоящее время она осуществляется посредством надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, уголовного преследования, а также реализации правозащитной функции, призванной обеспечить интересы лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. При этом функция уголовного преследования и правозащитная функция не являются антагонистами, и не взаимоисключают друг друга, поскольку уголовное преследование лиц, совершивших преступления, предполагают обеспечение их прав и свобод, а охрана публичных интересов осуществляется, в первую очередь, посредством уголовного преследования.

Таким образом, определяя функции, которые должен выполнять прокурор для достижения задач, поставленных перед прокуратурой в контексте назначения уголовного судопроизводства, необходимо отметить следующее. Во-первых, в уголовном судопроизводстве прокурор в силу публичности процесса представляет государство, основной задачей которого является обеспечение прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ); во-вторых, многофункциональность государства по обеспечению стоящей перед ним задачи может быть спроецирована на прокурора как его представителя в уголовном судопроизводстве; в-третьих, в качестве необходимых функций прокурора в уголовном судопроизводстве на доктринальном уровне следует определить

функцию процессуального руководства досудебным производством и правозащитную функцию, функции уголовного преследования и надзора содержательно являются более узкими и поглощаются первыми; в–четвертых, в целях реализации каждой функции прокурора законодательно должны устанавливаться полномочия, которые определяются необходимостью соединения задач обвинительной и правозащитной деятельности, а также обязанностью обеспечить в уголовном судопроизводстве единую публичную позицию государственных органов.

К. А. Таболина пишет, что прокурор является носителем публичного интереса по обеспечению законности в досудебном производстве¹. Полагаем возможным посмотреть на данный вопрос несколько шире. Разноплановость публичных интересов в досудебном уголовном судопроизводстве и многофункциональность прокурора позволяют прийти к выводу о том, что данный участник уголовного судопроизводства является основным субъектом, который должен обеспечивать публичные правовые интересы в досудебном производстве по уголовным делам с учетом их разнообразия.

Вместе с тем полномочия, предоставленные прокурору, не позволяют прокурору в полной мере обеспечивать публичные интересы, что представляется неправильным. Исторически сложившийся континентальный тип российского уголовного процесса предполагает, что обвинение формируется в ходе предварительного расследования, и прокурор как представитель государства в силу публичности уголовного судопроизводства должен руководить предварительным расследованием, влиять на формирование обвинения. Ситуация, когда следственные органы и прокурор занимают различные позиции в ходе уголовного судопроизводства, создает неопределенность при охране публичных интересов, чревата возникновением межведомственных конфликтов, снижает эффективность уголовного судопроизводства. Это отмечают 36,3 % опрошенных судей, прокуроров и адвокатов, которые сталкивались с данной

¹ См.: Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 13–14.

проблемой в своей деятельности¹. Очевидно, что если более трети опрошенных подтверждают наличие данной проблемы, то она существует и нуждается в разрешении. Следует согласиться с Ф. М. Кобзаревым и А. А. Поповым в вопросе о необходимости придания прокурорскому надзору за законностью предварительного расследования статуса независимого, объективного, вневедомственного, постоянного, непрерывного контроля, осуществляемого от имени государства, за исполнением законов при производстве следствия, обеспечением защиты прав всех субъектов, вовлеченных в досудебное производство². А. С. Александров вполне обоснованно полагает, что «органы, уполномоченные на осуществление уголовного преследования, должны быть «процессуальными слугами» прокурора. Все они - агенты обвинительной власти, все они должны быть единым целым в процессуальном отношении», прокурор должен руководить ими и быть «хозяином досудебного уголовного преследования»³. Заслуживает внимания и зарубежный опыт, проанализированный С. Г. Коноваловым. Исследуя германскую модель досудебного производства, автор пишет о доктринальном признании руководящей дознанием прокуратуры носителем судебной власти, в связи с чем она не рассматривается как сторона уголовного процесса, что обуславливает ее стремление к объективности⁴. Полагаем, что результаты расследования должны предоставляться прокурору, который должен распоряжаться ими, исходя из публичных интересов.

К. А. Таболина совершенно обоснованно пишет, что «дефицит полномочий прокурора создает проблему осуществления надзора за соблюдением

¹ См. приложение 2.

² См.: Кобзарев Ф. М., Попов А. А. Состояние и совершенствование институциональной организации участия прокурора в досудебных стадиях при производстве предварительного следствия // Российское правосудие. 2019. № 10. С. 87.

³ Александров А. С. К вопросу о реформировании следственного аппарата и правовой формы досудебного производства по уголовному делу // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 13.

⁴ См.: Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 14.

конституционных прав и свобод человека и гражданина»¹. Решение проблемы видится в наделении прокурора таким объемом полномочий, который позволял бы ему как основному представителю государства в уголовном процессе обеспечивать всю полноту публичных интересов. Соответствующие изменения должны быть внесены в уголовно-процессуальный закон. А в приказах Генеральной Прокуратуры РФ² должна найти свое отражение задача обеспечения прокурором публичных правовых интересов³.

Следующим субъектом обеспечения публичных правовых интересов в досудебном производстве является суд. Основной функцией суда в уголовном судопроизводстве является осуществление правосудия. В. В. Ершов пишет, что правосудие является особым видом государственной деятельности, «сущность которой состоит в рассмотрении и разрешении судами дел в соответствии ... с принципами и нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемыми в государстве, с целью защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и правовых интересов лиц, как участвовавших, так и не участвовавших в данных правоотношениях»⁴. С таким определением нельзя не согласиться. Являясь особым видом государственной деятельности и основной функцией, правосудие охватывает деятельность суда по разрешению правовых споров. Одной из форм правосудия является судебный контроль, осуществляемый судом

¹ Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 13–14.

² Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания». Сайт Генеральной прокуратуры РФ; Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия». Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс] // URL: <https://genproc.gov.ru/>

³ Более подробно эти вопросы будут рассмотрены во второй главе настоящего исследования.

⁴ Ершов В. В. Регулирование правоотношений. М., 2020. С. 311.

в различных стадиях уголовного процесса¹, в том числе, и в досудебном производстве по уголовным делам.

Н. Г. Муратова дает определение судебному контролю как «многофункциональной уголовно-процессуальной деятельности суда, призванной обеспечивать защиту конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве, в вышестоящих судебных инстанциях и при исполнении процессуальных решений, гарантирующих непосредственную проверку законности и обоснованности процессуальных действий и решений в уголовном судопроизводстве»². С таким подходом можно согласиться лишь отчасти. Полагаем, что судебный контроль можно определить в качестве самостоятельной подфункции суда, основная задача которого – осуществление правосудия. Деятельность суда в ходе досудебного производства является разнонаправленной – суд осуществляет ряд действий по санкционированию процессуальных действий, существенно ограничивающих важнейшие права и свободы граждан, а также рассматривает жалобы на действия (бездействие) должностных лиц, ответственных за производство по делу, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Следует согласиться с М. В. Беляевым в вопросе о том, что посредством судебного контроля обеспечиваются «права и законные интересы лиц, в отношении которых

¹ См. об этом: Ярцев Р. В. Институт судебной защиты прав, свобод и законных интересов личности и средства его реализации в уголовном судопроизводстве России (на досудебном этапе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 19–20; Качалов В. И. Уголовно-процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений. М.: Юстиция, 2017. С. 99; Лазарева В. А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2000; Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном процессе: понятие, виды, сущность и содержание // URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_2\(4\)/17.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/9999-0195_West_pravo_2001_2(4)/17.pdf). С. 123 (дата обращения: 11.01.2021); Амманулина А. Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10 и др.

² См.: Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004 // URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/avtoref/muratova.htm> (дата обращения: 11.02.2021).

данный контроль осуществляется, а также публичные интересы»¹. Деятельность суда в досудебном производстве носит санкционирующий либо проверочный характер, суд не разрешает уголовно-правовые конфликты, в отдельных случаях могут разрешаться лишь конфликты уголовно-процессуального характера (при разрешении жалоб на действия и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора). Определяя роль суда в обеспечении публичных правовых интересов в ходе досудебного производства, следует отметить, что суд фактически защищает эти интересы на дополнительном (субсидиарном уровне). Санкционируя процессуальные действия, существенным образом затрагивающие важнейшие конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства, суд обеспечивает публичный интерес обоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения с целью создания надлежащих условий для расследования преступлений и возмещения вреда, причиненного преступлением. Рассматривая жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, суд обеспечивает как частные интересы, защищая права и интересы участников уголовного судопроизводства, так и интересы публичные, которые заключаются в создании такого режима возбуждения уголовных дел и расследования преступлений, при котором своевременно, объективно и в предусмотренном законом порядке устанавливаются все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и при этом не нарушаются права и интересы лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность.

Потенциал судебного контроля, осуществляемого в порядке ст. 125 УПК РФ, в настоящий момент далеко не исчерпан. Для более эффективного обеспечения как публичных, так и частных интересов представляется

¹ Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 81.

необходимым расширить возможности суда при осуществлении этого контроля. В настоящее время обжалованию по данной статье подлежат постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Считаю необходимым пойти дальше и прямо предусмотреть в законе возможность обжалования в суд постановления об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела. Своевременность судебного контроля в разрешении данного вопроса позволит увеличить количество разрешенных в досудебном производстве уголовно-правовых конфликтов¹.

Объектом обеспечения публичных правовых интересов является его содержание. Направленность обеспечения публичных интересов в ходе досудебного производства на надлежащее регулирование правовых конфликтов, возникающих в сфере уголовных правоотношений, предполагает в качестве объекта оптимальный и эффективный режим расследования уголовных дел, позволяющий привлекать виновных к ответственности; охрану прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность; использование альтернативных уголовному преследованию и осуждению методов разрешения уголовно-правовых конфликтов на досудебных стадиях производства по уголовным делам.

Способы обеспечения публичных правовых интересов представляют собой совокупность и порядок действий, осуществляемых властно уполномоченными участниками досудебного производства, используемых для решения данной задачи. Большинство осуществляемых в ходе досудебного производства по уголовным делам процессуальных действий так или иначе направлены на защиту

¹ См. об этом подробнее главу 2 настоящей работы.

публичных интересов. Анализ многообразных процессуальных действий, осуществляемых должностными лицами, ответственными за производство по уголовному делу, которые в совокупности формируют различные способы обеспечения публичных правовых интересов в досудебном производстве, приводит к выводу о необходимости их упорядочения и классификации. В качестве оснований для такой классификации могут выступать субъекты обеспечения публичных интересов в досудебном производстве, их функциональная направленность, характер применяемых правовых норм, этапы процессуальной деятельности, на которых могут применяться те или иные способы обеспечения публичных интересов, значимость способов для достижения публичных интересов. Таким образом, полагаем возможным предложить следующую классификацию способов обеспечения публичных интересов в досудебном производстве по уголовным делам:

1) по субъектам:

- применяемые должностными лицами органов дознания;
- применяемые должностными лицами органов следствия (следователем и руководителем следственного органа);
- применяемые прокурором;
- применяемые судом.

2) по функциональной направленности:

- направленные на установление фактических обстоятельств дела и собирание доказательств;
- направленные на организацию расследования преступлений;
- направленные на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства.

3) по характеру:

- императивные (применение императивных уголовно-процессуальных норм);
- диспозитивные (применение альтернативных норм);

4) по этапам реализации:

- реализуемые на этапе принятия и проверки сообщений о преступлениях;
- реализуемые на этапе предварительного расследования;
- реализуемые на этапе утверждения итогового акта расследования (обвинительного заключения, акта или постановления) и направления уголовного дела в суд.

5) по степени значимости:

- основные (направленные на достижение целей уголовного судопроизводства);
- вспомогательные (не связанные напрямую с целями уголовного процесса, например, принятие мер попечения о детях, иждивенцах и имуществе лиц, заключенных под стражу и т.д.).

Предложенная классификация позволяет упорядочить действия должностных лиц по обеспечению публичных правовых интересов в ходе досудебного производства.

Анализ совокупности полномочий должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу, в контексте предложенной классификации позволяет сделать вывод о том, что к числу важнейших способов обеспечения публичных правовых интересов в досудебном уголовном судопроизводстве следует отнести:

- рассмотрение сообщений и заявлений о совершенных и готовящихся преступлениях с последующим процессуальным решением о возбуждении уголовного дела либо отказе в этом;
- обеспечение своевременного и эффективного предварительного расследования;
- обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;
- применение процессуально-обеспечительных мер (мер принуждения, попечения о детях, иждивенцах и имуществе лиц, заключенных под стражу);
- рассмотрение жалоб на действия и решения должностных лиц, ответственных за досудебное производство по уголовному делу;

– своевременное прекращение уголовного преследования в отношении лиц, совершивших преступление, не нуждающихся в осуждении и назначении уголовного наказания.

Эти способы реализуются не самопроизвольно, а в процессе осуществления уголовного преследования от имени государства, основой которого является публичное обвинение. Должностные лица и органы, осуществляющие обвинение, не могут распоряжаться им по своему усмотрению. Полный или частичный отказ от обвинения, либо полное или частичное прекращение уголовного преследования возможно лишь при наличии установленных законом оснований¹. Как верно пишет Л. Н. Масленникова, «системообразующими элементами современного уголовного судопроизводства являются публичный интерес, публичные средства его защиты, субъекты уголовного судопроизводства, исполняющие, возложенные на них обязанности, и реализующие субъективные публичные права»².

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие **выводы**:

1. Обеспечение публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве представляет собой создание (посредством осуществления процессуальных действий и принятия процессуальных решений) условий, необходимых для защиты общества от преступных посягательств, охраны прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, отказа от применения избыточных мер уголовной ответственности к лицам, совершившим преступления, использование альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

2. Обеспечение публичных правовых интересов представляет собой систему, состоящую из совокупности структурных элементов: субъектов,

¹ Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270 – 280.

² Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/publichnoe-i-dispozitivnoe-nachala-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii> (дата обращения: 10.11. 2018).

объекта, прав и обязанностей субъектов, а также способов защиты публичных интересов, которые классифицируются по субъектам обеспечения; их функциональной направленности; характеру применяемых правовых норм; этапам процессуальной деятельности, на которых они могут применяться; значимости способов для достижения публичных интересов.

3. Обеспечение публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве достигается посредством правового и индивидуального регулирования уголовно-процессуальных правоотношений в сфере разрешения уголовно-правовых конфликтов.

4. Субъектами защиты публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам являются должностные лица, ответственные за производство по делу и (или) имеющие властно-распорядительные полномочия. К ним относятся следователь, руководитель следственного органа, прокурор, орган дознания, дознаватель, начальник подразделения дознания, суд. Полномочия субъектов обеспечения публичных интересов вытекают из выполняемых ими функций и строго регламентированы уголовно-процессуальным законом.

5. Обеспечение публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам осуществляется на нескольких уровнях. Органы предварительного расследования обеспечивают защиту публичных правовых интересов на первичном уровне. Вторичный, более высокий уровень охраны публичных интересов, подлежит обеспечению прокурором, поскольку он утверждает основные итоговые решения органов расследования. Суд обеспечивает публичные правовые интересы в ходе досудебного производства на дополнительном (субсидиарном) уровне.

6. Публичность уголовного судопроизводства и роль прокурора как представителя государства детерминируют многофункциональность этого участника процесса. Данный участник уголовного судопроизводства является основным субъектом, обеспечивающим публичные правовые интересы в досудебном производстве по уголовным делам с учетом их разнообразия.

Прокурор должен быть наделен необходимым процессуальным инструментарием для полноценной реализации всех функций и возможностью обеспечить всю полноту публичных интересов в ходе досудебного производства по уголовному делу: наделен возможностью возбуждать уголовные дела, прекращать уголовное дело (уголовное преследование) на любом этапе производства по уголовному делу вне зависимости от формы расследования.

7. Санкционируя процессуальные действия, существенным образом затрагивающие важнейшие конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства, суд обеспечивает публичный интерес обоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения с целью создания надлежащих условий для расследования преступлений и возмещения вреда, причиненного преступлением. Рассматривая жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, суд обеспечивает как частные интересы, защищая права и интересы участников уголовного судопроизводства, так и интересы публичные, которые заключаются в создании такого режима возбуждения уголовных дел и расследования преступлений, при котором своевременно, объективно и в предусмотренном законом порядке устанавливаются все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и при этом не нарушаются права и интересы лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность.

8. Для более эффективного обеспечения публичных правовых интересов представляется необходимым расширить возможности судебного контроля, осуществляемого в порядке ст. 125 УПК РФ в досудебном производстве. Для этого лицо, чье ходатайство о прекращении уголовного преследования не удовлетворено дознавателем, следователем, прокурором должно быть наделено возможностью обжаловать такой отказ в суд.

9. Способы обеспечения публичных правовых интересов представляют собой совокупность и порядок действий, создающих условия, необходимые для

реализации этих интересов. Изучение многообразных способов обеспечения публичных интересов в досудебном производстве по уголовным делам позволяет их классифицировать по субъектам, функциональной направленности, характеру, этапам реализации. Предложенная классификация позволяет упорядочить действия должностных лиц по охране публичного интереса в ходе досудебного производства.

10. Важнейшими способами обеспечения публичных правовых интересов в досудебном уголовном судопроизводстве являются:

- рассмотрение сообщений и заявлений о совершенных и готовящихся преступлениях с последующим процессуальным решением о возбуждении уголовного дела либо отказе в этом;

- обеспечение своевременного и эффективного предварительного расследования;

- обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

- применение процессуально-обеспечительных мер (мер принуждения, попечения о детях, иждивенцах и имуществе лиц, заключенных под стражу);

- рассмотрение жалоб на действия и решения должностных лиц, ответственных за досудебное производство по уголовному делу;

- своевременное прекращение уголовного преследования в отношении лиц, совершивших преступление, не нуждающихся в применении к ним наиболее строгих мер уголовной репрессии.

Глава 2. Особенности обеспечения публичных интересов в досудебном разрешении уголовно-правовых конфликтов

§ 1. Условия применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов для защиты публичных правовых интересов

Публичные правовые интересы в уголовном судопроизводстве могут быть реализованы не только посредством традиционного уголовного преследования и осуждения виновного, но и с помощью альтернативных мер, которые направлены на минимизацию уголовной ответственности, исключению негативных социальных и правовых последствий осуждения в ситуациях, когда общество не заинтересовано в осуждении и наказании преступника, загладившего причиненный ущерб, а также защиту прав потерпевших. Как верно отмечает Л. В. Головки, появление разнообразных механизмов альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов обусловлено множеством предпосылок уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминологического, уголовно-политического, экономического и социального характера¹. Нельзя не признать, что не всегда традиционно сложившиеся формы разрешения конфликтов – уголовное преследование и осуждение – могут эффективно разрешить конфликт, порожденный преступлением, поскольку не всегда позволяют нейтрализовать негативные последствия преступления. С этих позиций назначение наказания, которое разрешает конфликт принудительно, не всегда эффективно. Тенденция последних десятилетий в мировой практике – расширение таких способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, в основе которых лежит компромисс между участниками конфликта. Основой компромисса являются позитивные посткриминальные действия, осуществляемые лицом, совершившим преступление, и готовность пострадавшей стороны в виде общества и потерпевшего к такому компромиссу. И если позиция потерпевшего формируется субъективно под воздействием множества факторов,

¹ См.: Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 25.

то готовность общества к применению подобных мер объективизируется в нормах, определяющих основания для применения уголовно-процессуальных процедур компромиссного характера, и диспозитивной возможности властных участников процесса применить подобного рода процедуры. К числу компромиссных процедур в российском уголовном судопроизводстве относятся те, которые содержат в себе признаки соглашений между участниками уголовно-правового конфликта: особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ), различные варианты прекращения уголовного преследования¹. Особое место среди компромиссных вариантов разрешения уголовно-правовых споров занимают альтернативные традиционному уголовному преследованию меры. Альтернативные меры – меры, не связанные с доведением до конца уголовного преследования, принимаемые компетентными органами при наличии оснований, указанных в законе². Как верно отмечает Ю. В. Кувалдина, альтернативные способы – «те, в которых отсутствуют такие юридические последствия преступления, как уголовное уголовная ответственность и наказание»³.

В их основе лежат идеи снижения степени репрессивности реагирования государства на общественно опасное деяние, социального компромисса,

¹ См.: Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2015; Маткина Д. В. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009; Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011; Дудина Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015; Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012 и др.

² См.: Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 20–21; Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015 с. 24–25.

³ См.: Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.

возмещения причиненного ущерба. Традиционно альтернативные способы разрешения уголовно-правовых споров рассматриваются в контексте восстановительного правосудия, суть которого заключается в оценке преступления как конфликта между индивидами и социальными группами, а не нарушения уголовно-правового запрета, что предполагает в качестве цели уголовно-процессуальной деятельности примирение и возмещение ущерба, восстановление нарушенных отношений в социуме¹. Согласно концепции восстановительного правосудия, в ходе уголовного судопроизводства необходимо осуществлять действия, направленные на устранение неблагоприятных последствий конфликта в будущем (в отличие от действующей модели, где внимание сосредоточено на событии прошлого, доказывании вины и установлении ответственности правонарушителя, а потерпевший оказывается на периферии производства по делу). Альтернативное разрешение уголовно-правовых споров за пределами классической уголовной юстиции в западной правовой доктрине обозначается как *diversion* (отклонение) и предполагает нетрадиционную реакцию на преступление, когда оно не остается без последствий, но последствия наступают без уголовной ответственности и наказания². Как верно отмечает Л. Л. Зайцева, альтернатива уголовному преследованию может считаться таковой, если осуществляется до признания лица виновным в совершении преступления по приговору суда³.

Безусловно, альтернативные меры не могут заменить традиционную модель уголовного преследования, они неприменимы в отношении преступлений с высокой степенью общественной опасности, существенным образом затрагивающими интересы общества, лиц с социально-криминальной

¹ См., например: Морщакова Т. Г. К дискуссии о восстановительном правосудии // URL: http://index.org.ru/nevol/2005-4/mors_n4.html; Марковичева Е. В. Восстановительное правосудие в контексте целерантного производства // URL: <http://www.iaaj.net/node/435> (дата обращения: 7.04.2018).

² См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 24–25; Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 20–21.

³ См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 25.

направленностью, неоднократно совершавших преступления, не всегда альтернативные меры могут быть применены, когда одна из сторон конфликта не желает примирения. Нельзя не согласиться с О. И. Андреевой и другими авторами в том, что «уголовный процесс наряду с уголовным и уголовно-исполнительным правом является элементом механизма, с помощью которого государство обеспечивает правопорядок, мир и спокойствие в обществе, устойчивость общественных отношений»¹. Они могут быть применены лишь тогда, когда они признаются более предпочтительными по сравнению с традиционным осуждением и их основной задачей является возмещение вреда, причиненного обществу и потерпевшему. По верному замечанию И. В. Смольковой и Н. С. Пахолкина, уголовно-процессуальной «предпосылкой для их развития является принцип целесообразности уголовного преследования, в соответствии с которым властно уполномоченные органы имеют право «решать в каждом конкретном случае, осуществлять уголовное преследование конкретных лиц или освобождать их от уголовной ответственности»².

Целесообразность применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов обусловлена, в том числе, тем, что они значительно рационализируют используемые при этом процессуальные ресурсы, существенным образом ускоряют уголовное судопроизводство, позволяют избежать стигматизации лица, совершившего преступление. Как верно пишет Л. М. Карнозова, «осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы, утрачивают способность к социальной адаптации, к жизни в нормальном обществе», «вновь совершают преступления в связи с утратой социальных связей, неприспособленностью к жизни на свободе, отсутствием возможности устроиться на работу»³. Автор отмечает, что процессы, происходящие в местах лишения

¹ Андреева О. И., Лонь С. Л., Рукавишников А. А., Трубникова Т. В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5.

² Пахолкин Н. С., Смолькова И. В. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Известия ИГЭА. 2012. № 3. С. 133.

³ Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v->

свободы, нельзя назвать исправлением, там «атрофируются элементарные социальные навыки, чувство ответственности за себя и близких, культивируется рецидивная преступность. Чем лучше осужденный приспособится к тюремной жизни, тем сложнее ему на свободе». Ссылаясь на проведенные социологические исследования, Л. М. Карнозова утверждает, что потерпевшие по делам о преступлениях корыстной направленности считают предпочтительным возмещение ущерба, нежели наказание преступника¹.

Если уголовно-правовой конфликт разрешается на самых ранних этапах уголовного судопроизводства, это обеспечивает процессуальную экономию, ускоряет процесс достижения компромисса и разрешения конфликта. Как верно отмечает О. В. Кузьмина, альтернативные меры «способствуют разрешению кризиса традиционной концепции реакции государства на нарушение уголовного закона», «позволяют найти оптимальные способы разрешения конфликтов», «дают возможность использовать наряду с методом принуждения метод поощрения»; «в кратчайшие сроки восстанавливают права потерпевшего»².

Следует отметить, что разумный подход к применению альтернативных способов разрешения уголовно-правовых споров значительно повышает эффективность судопроизводства. Как пишет О. В. Качалова, «эффективность уголовного судопроизводства может быть оценена с точки зрения количественных показателей (экономический эффект), и качественных показателей, определяющих социальную эффективность», что предполагает «оценку степени достижения результатов и поставленных целей». Автор пишет, что эффективность уголовного судопроизводства базируется на простой идее: выборе лучшего (в том числе и с ресурсосберегающей точки зрения) из возможных вариантов для приведения системы в более совершенное состояние³.

vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html (дата обращения: 29.11. 2020).

¹ Там же.

² Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // LEX RUSSICA. 2015. № 1. С. 53–54.

³ Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 32.

Нельзя не согласиться и с Ю. В. Кувалдиной в вопросе о том, что эффективность уголовно-процессуальных процедур может быть определена посредством достижения назначения уголовного судопроизводства с наименьшим ущербом для различных социальных ценностей и в разумные сроки¹.

Нацеленность альтернативных процедур на достижение компромисса, активное участие сторон в разрешении конфликта приводит к достижению результата, который устраивает обе стороны и, как правило, оценивается ими как справедливый. Применение таких процедур позволяет государству сэкономить процессуальные ресурсы и использовать их для расследования и разрешения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях. Среди разнообразных видов альтернативных уголовному преследованию мер можно выделить следующие группы: 1) различные виды примирения и медиации; 2) освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности (ввиду деятельного раскаяния, с применением мер административной ответственности, с выплатой штрафа); 3) освобождение от уголовной ответственности в случаях признания совершенного деяния менее значительным, чем позитивные действия лица, его совершившего (в случаях, предусмотренных Особенной частью УК, при признании особой значимости сотрудничества обвиняемого со следствием для раскрытия иных преступлений); 4) условное освобождение от уголовной ответственности.

Следует отметить, что на международном уровне идеи развития альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов получили весьма широкое одобрение и признание. Целый ряд международно-правовых актов содержит рекомендации к применению альтернативных форм разрешения конфликтов, развитию посредничества и медиации. Так, согласно п. 5 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985

¹ См.: Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис ... канд. юрид. наук. Самара, 2011 // URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html (дата обращения: 15.11. 2020).

года) рекомендуется использовать неофициальные механизмы, которые позволяли бы «жертвам возможность получать компенсацию», эти механизмы должны носить оперативный характер, быть справедливыми, недорогостоящими и доступными; потерпевшие должны быть информированы о таких возможностях¹. Генеральной Ассамблеей ООН, а также Экономическим и социальным Советом ООН было принято несколько резолюций, касающихся необходимости развития альтернативных способов разрешения конфликтов: «Элементы ответственного предупреждения преступности: стандарты и нормы» (1997/33 от 21 июля 1997 года), Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года); Кадомская декларация об общественно-полезных работах и рекомендации семинара по теме «Уголовная юстиция: проблема переполненности тюрем», состоявшегося в Сан-Хосе, Коста-Рика, 3-7 февраля 1997 года (резолюция 1998/23 Экономического и Социального Совета от 28 июля 1998 года); Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия (резолюция 2002/12 Экономического и Социального Совета от 24 июля 2002 года)². В них рекомендуется использовать программы реституционного правосудия на любом этапе производства по уголовному делу, при наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения, при добровольном согласии жертвы и правонарушителя и соразмерных обязательствах, согласии сторон с основными обстоятельствами уголовно-правового конфликта, участие правонарушителя не рассматривается как признание вины. При реализации этих программ, согласно рекомендациям, должны применяться основополагающие процессуальные гарантии,

¹ См.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 12.11.2019).

² Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН. Нью-Йорк, 2016 год // URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

обеспечивающие справедливый подход к правонарушителю и жертве: участники процесса должны иметь право на получение юридической помощи, а несовершеннолетние – на участие законных представителей; проинформированы о своих правах, характере процесса и возможных последствиях; процесс должен носить конфиденциальный характер, результаты соглашений должны находиться под судебным контролем или быть включены в судебные решения.

Аналогичные рекомендации содержатся и в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы: № R(85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (принята от 28 июня 1985 г.); № R (87) 18 «Об упрощении уголовного правосудия» (принята 17 сентября 1987 г.); № R (99) 19, посвященная медиации в уголовных делах (принята 15 сентября 1999 г.); № R (87) 20 относительно новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних (принята 24 сентября 2003 г.); № R (95) 12 относительно управления системой уголовного правосудия (принята 11 сентября 1995 года)¹ и др.

Определяя степень соответствия альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов публичным интересам, необходимо отметить следующее. В последние десятилетия мы отчетливо видим, как изменяется парадигма современного уголовного и уголовно-процессуального права: курс на приоритет прав и свобод человека провозглашен отнюдь не декларативно, реформирование законодательства осуществляется в направлении гуманизации, снижения степени уголовной репрессии, предоставлении участникам уголовного судопроизводства дополнительных процессуальных инструментов и возможностей для обеспечения своих правовых интересов. Л. М. Карнозова пишет о том, что «уголовно-правовая доктрина под жертвой ... имеет в виду отнюдь не тех, кто реально пострадал от преступления. Жертвой является государство, и отвечает преступник перед ним»². Полагаем, что в последние годы

¹ Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

² Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). - М., 2014. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v->

такой подход стал постепенно изменяться. Ю. В. Кувалдина совершенно справедливо отмечает, что в современном уголовном процессе публичный интерес наполняется новым содержанием: защита прав и свобод является «публично-правовой обязанностью компетентных государственных органов и должностных лиц, высшим проявлением ... общественного интереса»¹. Л. А. Воскобитова пишет о «принципиально новом состоянии общественных отношений, когда государство признало, что права человека являются высшей ценностью и обеспечиваются государством»².

Задачей номер один в связи с этим представляется поиск разумного баланса между публичными и частными правовыми интересами при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в условиях изменения содержания публичных интересов в контексте изменения парадигмы современной уголовной и уголовно-процессуальной политики. О балансе частных и публичных интересов при применении компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов неоднократно говорилось в уголовно-процессуальной науке³. По меткому выражению Ю. В. Кувалдиной, «современные компромиссные модели судопроизводства базируются на компромиссе двух начал - публичного и диспозитивного»⁴. Нельзя не согласиться

vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html (дата обращения: 29.11. 2020).

¹ Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис ... канд. юрид. наук. Самара, 2011 // URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html (дата обращения: 15.11. 2020).

² См.: Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // *Философские науки*. 2014. № 10. С. 41, 44.

³ Марковичева Е. В. Перспективы внедрения в российский уголовный процесс специальных примирительных процедур // *Российское правосудие*. 2020. № 9. С. 99–104; Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016; Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис...канд. юрид. наук. Самара, 2011 // URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html (дата обращения: 15.11. 2020); Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве : сущность, основания и порядок постановления : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. С. 20-21.

⁴ Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис ... канд. юрид. наук. Самара, 2011 // URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html (дата обращения: 15.11. 2020).

и с И. П. Поповой в вопросе о том, что соблюсти этот баланс весьма непросто «в силу конфликтности возникших в результате преступления правоотношений, где интересы участников, как правило, противостоят друг другу»¹. Л. В. Воскобитова обоснованно пишет о столкновении «публичных интересов государства при реагировании на совершенное преступление и прав, и свобод человека, вовлекаемого в той или иной процессуальной роли в уголовное судопроизводство»².

В каких же случаях можно говорить о том, что применение альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов соответствует публичным интересам? Основная сложность заключается в том, чтобы определить достаточную совокупность критериев, которые позволят в каждом уголовно-правовом конфликте сделать вывод о том, является ли необходимым его разрешение традиционным способом – с привлечением к уголовной ответственности и назначением наказания, либо более предпочтительным является применение альтернативных способов его разрешения. Ситуация, складывающаяся в связи с совершением преступления и возникновением уголовно-правового конфликта, уникальна в каждом конкретном случае и обусловлена множеством факторов – особенностями совершения преступления, его тяжестью и общественной опасностью; характеристиками лица, его совершившего, и потерпевшего; степенью вовлеченности общества в возникший конфликт (освещение в прессе, общественный резонанс); особенностями посткриминального поведения и т.д.

Представляется возможным всю совокупность многообразных факторов, способных повлиять на разрешение вопроса о возможности разрешения уголовно-правового конфликта альтернативным способом, разделить на несколько условных групп:

¹ Попова И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. С. 20-21.

² Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Философские науки. 2014. № 10. С. 44.

1) условия, относящиеся к совершенному деянию: тяжесть преступления и его общественная опасность. Как уже отмечалось выше, высокая общественная опасность преступления должна исключать возможность применения альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта;

2) условия, относящиеся к личности преступника и его поведению: возраст, пол, состояние здоровья, характеристика, факты совершения преступлений в прошлом, криминальные наклонности, посткриминальное поведение – раскаяние, деятельное сотрудничество, заглаживание причиненного вреда, возмещение причиненного ущерба и т.д. Метод поощрения, лежащий в основе применения альтернативных способов разрешения конфликтов, по общему правилу, не должен применяться к антисоциальным личностям с криминальными наклонностями. В то же время, если речь идет о преступлениях, не представляющих значительной общественной опасности, совершенных лицами с признаками социального неблагополучия, целесообразно применять именно альтернативные меры, не толкая таких лиц еще дальше в криминальную среду, а применять к ним именно альтернативные меры, при этом предусмотрев меры по их социализации, при необходимости лечения и т.д.

Так, Семеновский районный суд Нижегородской области прекратил уголовное дело и уголовное преследование в отношении подсудимых К. Р. и К. Н., обвинявшихся в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с примирением с потерпевшим, поскольку между потерпевшей стороной и подсудимыми состоялось примирение, вред, причиненный преступлением, потерпевшим был возмещен. К.Р. при этом состоял на учете у психиатра и нарколога, К. Н. у нарколога¹. Полагаем, что в данном случае суд принял правильное решение, поскольку традиционное осуждение и помещение данных лиц в условия колонии с высокой степени вероятности привели бы к рецидиву с их стороны. В данном же случае для эффективности примененных судом альтернативных мер необходимы также меры социального

¹ Постановление Семеновского районного суда Нижегородской области № 1-41/2019 от 18 марта 2019 г. по делу № 1-41/2019.

реагирования.

1) условия, касающиеся процессуальной целесообразности и организации уголовного преследования: рационализация (процессуальная экономия) и ускорение процесса разрешения конфликта. Эти условия должны приниматься во внимание для разрешения вопроса как о самой возможности разрешения уголовно-правового конфликта альтернативным способом, так и при определении оптимального времени его разрешения;

2) консенсуальные условия: согласие сторон уголовно-правового конфликта на применение альтернативного способа разрешения и согласие общества. По общему смыслу обвиняемый должен быть согласен отказаться от полноценного расследования и возможного оправдания, потерпевший согласен на разрешение спора таким образом, а в обществе должна отсутствовать массовая негативная реакция на отказ от традиционного уголовного преследования.

Учет вышеуказанной совокупности факторов, позволит, на наш взгляд, сделать вывод о возможности достижения гармоничного баланса между публичными и частными правовыми интересами при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в каждом конкретном случае. В связи с этим полагаем теоретически обоснованным и практически целесообразным выделение четырех основных направлений в дальнейшем развитии законодательства и правоприменительной практики в данной сфере:

1. Внедрение в уголовно-процессуальное законодательство новых альтернативных технологий, направленных на наиболее раннее урегулирование уголовно-правовых конфликтов. Достижение публичного, общественно значимого правового интереса при одновременном сокращении мер государственной репрессии и принуждения в уголовном судопроизводстве предполагает необходимость расширения альтернативных технологий и процессуального инструментария властно уполномоченных участников уголовного судопроизводства. При этом следует отметить, что новые уголовно-процессуальные институты могут имплементироваться в уголовный процесс

лишь при условии, если соответствуют сложившимся культурно-историческим традициям, менталитету населения, типу правопонимания, особенностям правоприменения, сложившимся в российских условиях. В этом смысле А. В. Бахновский очень точно подмечает, что внедрение новых процессуальных норм и институтов возможно лишь при условии, что они не противоречат сути сложившихся социальных связей¹. Нельзя не согласиться и с Л. А. Воскобитовой в вопросе о том, что «уголовно-процессуальные технологии должны быть оптимально адекватными традиционной для России публично-правовой природе реагирования государства на совершенное преступление»².

2. Расширение возможностей применения существующих уголовно-процессуальных институтов, позволяющих разрешить уголовно-правовые конфликты на более ранних этапах уголовного судопроизводства (расширение оснований для отказа от возбуждения уголовного дела и уголовного преследования, смещение процедуры применения альтернативных способов разрешения споров на более ранние этапы производства по уголовным делам).

3. Наделение прокурора всей широтой полномочий по применению (в отдельных случаях - контролю за применением) любых альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе досудебного производства по делу. С учетом традиционно важной роли прокурора, сложившегося на протяжении веков в российском государстве, его функций в уголовном судопроизводстве, а также во избежание злоупотреблений полномочиями должностными лицами, ответственными за производство по делу и коррупционных рисков, полагаем возможным применение альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов сделать отчасти прерогативой прокурора, в остальных случаях – применять их с согласия прокурора³. Именно

¹ См.: Бахновский А. В. «Сделка с правосудием»: особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 7.

² См.: Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Философские науки. 2014. № 10. С. 44.

³ См. об этом подробнее параграфы 2 – 4 настоящей главы.

прокурор должен производить оценку вышеуказанных факторов в их совокупности и принимать на основе внутреннего убеждения решение о том, какой из способов разрешения уголовно-правовых конфликтов является наиболее предпочтительным в данном конкретном случае – традиционный либо какой-то из альтернативных.

4. Расширение судебного контроля за применением альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Таким образом:

1. Публичные правовые интересы в уголовном судопроизводстве могут быть реализованы не только посредством традиционного уголовного преследования и осуждения виновного, но и с помощью альтернативных мер, которые направлены на минимизацию уголовной репрессии в ситуациях, когда общество не заинтересовано в осуждении и наказании преступника, загладившего причиненный ущерб.

2. Альтернативные меры могут применяться лишь тогда, когда они являются более предпочтительными по сравнению с традиционным осуждением. Целесообразность применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов обусловлена, в том числе, тем, что они значительно рационализируют используемые при этом процессуальные ресурсы, существенным образом ускоряют уголовное судопроизводство, позволяют избежать стигматизации лица, совершившего преступление.

3. Совокупность многообразных факторов, способных повлиять на разрешение вопроса о возможности разрешения уголовно-правового конфликта альтернативным способом, можно условно классифицировать на:

– условия, относящиеся к совершенному деянию: тяжесть преступления и его общественная опасность;

– условия, относящиеся к личности преступника и его поведению, в том числе, и посткриминальному;

– условия, касающиеся процессуальной целесообразности и организации уголовного преследования: рационализация (процессуальная экономия) и

ускорение процесса разрешения конфликта;

– консенсуальные условия: согласие сторон уголовно-правового конфликта на применение альтернативного способа разрешения и согласие общества (отсутствие негативной реакции на отказ от традиционного уголовного преследования).

4. Основными направлениями развития законодательства и практики его применения в сфере расширения альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов являются:

– внедрение в уголовно-процессуальное законодательство новых альтернативных технологий, направленных на наиболее раннее урегулирование уголовно-правовых конфликтов;

– расширение возможностей применения существующих уголовно-процессуальных институтов, позволяющих разрешить уголовно-правовые конфликты на более ранних этапах уголовного судопроизводства (расширение оснований для отказа от возбуждения уголовного дела и уголовного преследования, смещение процедуры применения альтернативных способов разрешения споров на более ранние этапы производства по уголовным делам);

– наделение прокурора всей широтой полномочий по применению (в отдельных случаях - контролю за применением) любых альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе досудебного производства по делу;

– расширение судебного контроля за применением альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

§ 2. Охрана публичных правовых интересов на стадии возбуждения уголовного дела

Обеспечение публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве осуществляется, в первую очередь, посредством уголовного преследования, формирования оснований обвинения, выдвижения и поддержания

уголовного иска. Эта деятельность строго регламентирована законом и осуществляется в контексте законности и публичности уголовного судопроизводства¹. Публичность является основой современного российского уголовного процесса и пронизывает всю систему процессуальных действий и отношений, содержит в себе обязанность государственных органов и должностных лиц в пределах своей компетенции совершать в определенных правовых формах все процессуальные действия, необходимые для реализации задач уголовного судопроизводства, не ставя совершение этих действий в зависимость от воли потерпевшего (за исключением уголовных дел частного и лично-публичного обвинения) или иных участников процесса². Публичность предполагает приоритет общественных интересов во взаимоотношениях человека с государством, однако в современном обществе публичность выражает и общесоциальные начала, необходимые как для развития всего общества, так и отдельной личности.

В силу публичного характера современного уголовного судопроизводства в соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные уголовно-процессуальным кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Это означает, что выявление признаков преступления во всех случаях должно повлечь изобличение виновных и привлечение их к уголовной ответственности, что предполагает принятие решения о возбуждении уголовного дела. Вместе с тем ст. 24 УПК РФ содержит ряд исключений из этого правила. Уголовное дело может не возбуждаться даже при установлении признаков состава преступления при истечении сроков давности уголовного преследования; смерти

¹ См., например: Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

² См.: Каминский, Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018 С. 270 – 280.

подозреваемого или обвиняемого (за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего); в отсутствии заявления потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения (за исключением случаев, когда в дело вступают должностные лица в защиту потерпевшего, находящегося в зависимом или беспомощном состоянии); в отсутствии заключения суда, Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц, указанных в ст. 448 УПК РФ.

Обязанность возбуждения уголовных дел и уголовного преследования лиц, совершивших преступления, в уголовно-процессуальной науке традиционно рассматривается в контексте принципа законности. А. С. Кобликов рассматривал суть «принципа законности в уголовном судопроизводстве в требовании осуществлять правосудие по уголовным делам в точном соответствии с Конституцией СССР и законами, строжайшим образом соблюдать все нормы материального и процессуального права, другие нормативные акты»¹. А. Н. Конев называет идею законности одним из системообразующих принципов российского права, который требует скурпулезного соблюдения процессуальных норм, и призван обеспечить неотвратимость уголовной ответственности в каждом случае совершения лицом преступления². В уголовно-процессуальной науке законность рассматривалась как основной конституционный принцип уголовного судопроизводства³; принцип, поглощающий иные принципы уголовного процесса⁴; принцип, не обладающий приоритетом по отношению к другим

¹ См.: Кобликов А. С. Законность — конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979. С. 17–18.

² См.: Конев А. Н. Идеологические оппозиции в бинарной системе принципов уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 54.

³ См.: Макарова З. В. Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 632.

⁴ См.: Агутин А. В., Зарубицкая Т. К., Ерашов С. С. Принцип законности в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». № 2. 2001. С. 59–60.

принципам¹; особый правовой режим государства, «объективным основанием которого выступает совокупность средств принуждения и убеждения, обеспечивающих необходимое отношение общества и личности к действующему законодательству, уважение к праву, выраженному в законах, верховенство закона, соблюдение всеми субъектами права, его понимание и толкование на основе складывающихся общественных отношений в конкретный период развития государства»²; «принцип, метод и режим соблюдения всеми участниками общественных отношений норм права»³; «состояние законодательства, отвечающего потребностям развития общества, одновременно процесса соблюдения норм права, а также их результата — особого состояния юридической правомерности правотворческой и правореализующей деятельности»⁴.

Полагаем необходимым согласиться с авторами⁵, считающими законность категорией, характерной для легистского понимания права, для которого является характерным отождествление права и закона⁶. В. В. Ершов вполне убедительно доказывает, что сведение права к законодательству и нормативным правовым актам весьма спорно и малопродуктивно, поскольку не позволяет в полной мере учесть и обеспечить весь спектр прав и правовых интересов участников соответствующих правоотношений⁷. В современном обществе представления о

¹ См.: Безруков С. С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного судопроизводства. М., 2016. С. 347–369.

² Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006. С. 9.

³ См.: Афанасьев В. С. Обеспечение социалистической законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1993. С. 49.

⁴ См.: Гранат Н. Л. Правовые и нравственно-психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1992. С. 28.

⁵ См.: Ершов В. В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиций легизма и «широкого» понимания права // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 15–16; Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 120.

⁶ См.: Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд. М., 2005. С. 42, 80.

⁷ См.: Ершов В. В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиций легизма и «широкого» понимания права // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 15–16.

сути законности и ее содержании существенно изменились. М. В. Беляев, анализируя этот процесс, очень верно определяет объективные к тому предпосылки: усложнение общественных отношений в период постиндустриального развития общества; развитие интеграционных процессов, признание общепризнанных норм и принципов международного права частью правовой системы России; изменение подходов к пониманию права¹. Экстраполируя выводы автора на стадию возбуждения уголовного дела, можно констатировать, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в этом с точки зрения соответствия потребностям общества не всегда достаточно соблюдения норм закона и подзаконных актов, необходимо также учитывать положения Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также решения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, которые являются актами толкования права.

Возникает вопрос о том, всегда ли возбуждение уголовного дела соответствует публичным интересам? На этот счет существуют противоположные точки зрения. Дискуссия относительно соотношения законности и целесообразности не нова в юридической науке. Целесообразность традиционно связывается с соответствием цели, полезностью, разумностью, рациональностью, требованием, обеспечивающим «лучшее достижение функциональных целей»². Как верно отмечает ряд исследователей, в ряде случаев нет необходимости подвергать конкретное лицо уголовной ответственности, будучи в общем-то правомерной, уголовная ответственность в то же время по сути является нецелесообразной³.

В российской науке целесообразность рассматривается как «индивидуализированное применение норм права посредством выбора

¹ Беляев М. В. Является ли законность свойством судебных решений? // Российское правосудие. 2018. № 3. С. 5–14.

² Смирнов А. Ф. Соотношение принципов законности и целесообразности в организации деятельности прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 192.

³ См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 27.

предусмотренных в них вариантов поведения»¹, «объективная возможность свободы выбора одного из предусмотренных в законе решений»², связывается с рациональностью выбора альтернативных форм поведения, предусмотренных законом³. Выделяется целесообразность в праве в целом, целесообразность законодательства, целесообразность юридической ответственности, целесообразность уголовного преследования. А. Д. Бойков рассматривает целесообразность как принцип правотворчества, при котором происходит выбор «альтернативных законодательных решений, определение способов и пределов правового регулирования», и как условие правоприменения⁴. В качестве принципа юридической ответственности рассматривает целесообразность К. М. Геворкян, определяя его суть в создании, изменении, применении и упразднении таких положений закона, которые «позволяют выбрать и реализовать наиболее эффективный для всех участников правоотношения ответственности способ разрешения юридического конфликта». Содержание целесообразности в правоприменении автор видит в соответствии обстановке реализации юридической ответственности, соответствии мер юридической ответственности ее цели, индивидуализации ответственности⁵.

М. В. Бавсун под целесообразностью понимает возможность создания, и последующего применения положений закона, исходя из потребностей общества и государства, для достижения определенных целей, с учетом общеправовых

¹ Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2014 году: сб. науч. докл. Вып. 3 / под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2015.

² Ергашев Е. Р. К вопросу о принципе целесообразности в прокурорском надзорно-охранительном праве // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 2. С. 297–298.

³ См.: Смирнов А. Ф. Соотношение принципов законности и целесообразности в организации деятельности прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 192.

⁴ Бойков А. Д. Третья власть в России. Книга вторая. Продолжение реформ. М., 2002.

⁵ Геворкян К. М. Принцип целесообразности в механизме реализации юридической ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012 // URL: <https://www.dissercat.com/content/printsip-tselesoobraznosti-v-mekhanizme-realizatsii-yuridicheskoi-otvetstvennosti> (дата обращения 18.11.2020).

принципов, в строго установленных законодательных пределах¹. Н. Н. Апостолова видит суть целесообразности уголовно-процессуальной деятельности в принятии наиболее эффективных из предусмотренных законом (с учетом конкретных обстоятельств) решений для разрешения уголовно-правового конфликта, обеспечивающих достижение целей уголовного судопроизводства и связывает его с возможностью реализации дискреционных полномочий². Видение целесообразности как проявления дискреционности в рамках, предусмотренных законом, содержится и в работе А. В. Лариной³. А. М. Баранов рассматривает «целесообразность как социально-нравственное свойство законности, которое проявляется в установлении порядка досудебного производства, обеспечивающего достижение задач уголовного права ... с наименьшим применением мер принуждения...; предоставляющего органам расследования производить любые действия, если они не ограничивают прав участников процесса и не возлагают на них обязанностей, законом не предусмотренных»⁴.

Однако в науке уголовно-процессуального права есть и другие подходы. В современной доктрине французского и германского уголовно-процессуального права целесообразность рассматривается как зависимость уголовного преследования по уголовным делам от волеизъявления прокурора. Как пишет Л. В. Головкин, целесообразность означает «право отказаться от уголовного преследования по причинам, не являющимся формально-юридическими и не связанными с недостаточностью доказательств». Как правило, компетентное лицо имеет право по своему усмотрению оценивать наличие или отсутствие

¹ См.: Бавсун М. В. С. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/tselesoobraznost-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 17.11. 2020).

² См.: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

³ См.: Ларина А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 16–17.

⁴ Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2006. С. 10.

публичного интереса в возбуждении уголовного преследования в пределах своих полномочий, но отнюдь не произвольно¹.

Л. В. Головки и В. И. Самарин отмечают, что в последние годы «принцип целесообразности стал господствующим в иностранном праве, что привело к развитию различных механизмов альтернативной реакции на преступление при отказе от уголовного преследования по мотивам его нецелесообразности»². Целесообразность возбуждения уголовного преследования как принцип правоприменительной деятельности широко используется в странах англосаксонской правовой семьи, Бельгии, Люксембурге, Нидерландах, Исландии, Дании, Норвегии, Японии и других странах.

А. С. Александров разделяет идею о необходимости введения в систему российского уголовного судопроизводства начал целесообразности путем наделения прокурора правом распоряжаться уголовным иском (в том числе, в форме отказа от иска)³. В доктринальной модели уголовного процесса, представленной нижегородской уголовно-процессуальной школой, принцип целесообразности указан в ст. 2.6 «Целесообразность уголовного преследования и дискреционные полномочия прокурора». Согласно данному принципу, «прокурор распоряжается обвинением, исходя из соображений об оптимальном способе достижения своей процессуальной цели; публичное обвинение входит в число дискреционных полномочий прокурора, решение принимается, исходя из закона и публичных интересов; прокурор вправе отказаться от поддержания обвинения в виду нецелесообразности уголовного преследования лиц, утративших общественную опасность, а также небольшой общественной

¹ Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 27, 32, 35.

² Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 21; Самарин В. И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве. Материалы Международной научно-практической конференции. Минск, 2017. С. 76.

³ См.: Александров А. С. К вопросу о реформировании следственного аппарата и правовой формы досудебного производства по уголовному делу // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 13.

опасности содеянного ими и деятельного раскаяния; прокурор может предоставить иммунитет от уголовного преследования или смягчить обвинение в виду оказания органам уголовной юстиции существенного содействия в раскрытии преступлений, совершенных иными лицами, изобличении иных лиц в совершении тяжких, особо тяжких преступлений, в предотвращении совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а также в розыске и конфискации значительного, особо ценного имущества, полученного преступным путем»¹. Ю. Л. Никифорова пишет о том, что принцип целесообразности предполагает наличие у обвинительной власти права выбора осуществления уголовного преследования в каждом конкретном случае².

Большинство современных российских ученых стоят на позиции приоритета законности над целесообразностью, недопустимости подмены законности целесообразностью и отступления от правовых норм ... в соответствии с собственными, не обусловленными правом представлениями правоприменителя³. К. М. Геворкян полагает, что законность и целесообразность тесно взаимосвязаны. Автор указывает, что элементу принципа законности («освобождение от ответственности должно происходить на законных основаниях»), соответствуют элементы принципа целесообразности («соответствие мер юридической ответственности цели юридической ответственности» и «соответствие обстановке реализации юридической ответственности»)⁴. Н. Н. Апостолова пишет, что правильное понимание и

¹ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М., 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.iuaj.net/node/1844> (дата обращения: 15.11. 2020).

² См.: Никифорова Ю. Л. Оппозиция принципов законности и целесообразности как проявление коллизионности в правовом регулировании публичного уголовного преследования // Юридическая техника 2017. № 11. С. 672-675.

³ См.: Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2014 году: сб. науч. докл. Вып. 3 / под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2015; Смирнов А. Ф. Соотношение принципов законности и целесообразности в организации деятельности прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 192. и др.

⁴ Геворкян К. М. Принцип целесообразности в механизме реализации юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.disscat.com/content/printsip-tselesoobraznosti-v-mekhanizme-realizatsii-yuridicheskoi-otvetstvennosti> (дата обращения: 18.11.2020).

применение принципа целесообразности обеспечивает органичное его взаимодействие с принципом законности и другими уголовно-процессуальными принципами, а в силу своей гибкости он будет гармонизировать их взаимодействие¹.

Однако в ряде зарубежных стран целесообразность конкурирует с законностью. Как точно подмечает В. И. Самарин, принцип целесообразности уголовного преследования стал проломом устоявшегося принципа законности в немецком уголовном процессе². По мнению Л. В. Головки, начало целесообразности все более вытесняет начало законности, особенно применительно к стадии возбуждения уголовного дела. Автор обоснованно пишет о том, что принцип законности создает систему, при которой законными могут быть только решения о возбуждении уголовного преследования либо отказе в этом при наличии формальных оснований, а принцип целесообразности предполагает «многовариантную систему», когда при наличии к тому оснований отказ в возбуждении уголовного преследования по мотивам нецелесообразности и возбуждение уголовного дела будут одинаково законными³.

Таким образом, мы видим два концептуально разных подхода к целесообразности уголовного судопроизводства, основой которых являются пределы целесообразности. Первый подход заключается в обязательности уголовного преследования в силу законности и публичности уголовного судопроизводства, целесообразность здесь рассматривается исключительно как возможность выбора из уголовно-процессуальных форм, предусмотренных законом. Второй подход исходит из приоритета целесообразности над обязанностью осуществлять уголовное преследование и зависимости уголовного

¹ См.: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

² См.: Самарин В. И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве. Материалы Международной научно-практической конференции. Минск, 2017. С.77.

³ Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 29.

преследования от воли прокурора, который также действует в рамках закона¹. Однако закон позволяет ему применить дискреционные полномочия без привязки к формально-юридическим основаниям.

Сторонники как первого, так и второго подходов едины во мнении о том, какое важное значение имеет целесообразность в современном уголовном судопроизводстве. А. Н. Конев пишет, что идея целесообразности ограничивает государство от чрезмерной репрессии и способствует достижению целей уголовного процесса с наименьшим объемом мер принуждения². В. И. Самарин видит значение целесообразности в недопущении неработоспособности уголовного правосудия, снижении нежелательного обширного числа наказаний, недопущение излишней криминализации³. По мнению Н. Н. Апостоловой, внедрение целесообразности в уголовный процесс «создаст условия для более справедливого и эффективного применения закона, и тем самым сведет к минимуму случаи его нарушений и произвольного толкования»; обеспечит эффективную реализацию права потерпевшего на возмещение причиненного вреда и примирение с обвиняемым; оптимизирует нагрузку на органы предварительного расследования, позволит стимулировать граждан к осуществлению конструктивно-созидательной деятельности; расширит возможности применения альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов⁴.

Разделяя в целом позиции вышеуказанных авторов, полагаем, что целесообразность должна быть неизменным компонентом уголовно-процессуальной деятельности. Особенно актуальной она становится в

¹ См.: Каминский Э.С. Возбуждение уголовного дела и обоснованность уголовного преследования // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 101–102.

² См.: Конев А. Н. Идеологические оппозиции в бинарной системе принципов уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 55.

³ См.: Самарин В. И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве. Материалы Международной научно-практической конференции. Минск. 2017. С. 77.

⁴ См.: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010.

современных условиях, когда взят курс на гуманизацию законодательства и снижение степени уголовной репрессии¹. Еще один аргумент в пользу необходимости усиления целесообразности в публичном уголовном процессе: бремя расследования для общества может быть более тяжким, либо вообще бессмысленным по сравнению с отказом от уголовного преследования и применением альтернативных способов разрешения конфликтов. Эффект от расследования может быть даже отрицательным. Яркий пример – дело фермера, привлекаемого к уголовной ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ). 39-летний отец четверых детей, фермер, купил в интернет-магазине дешевый китайский GPS-трекер, чтобы следить за своей коровой (фермер страдает бронхиальной астмой, и бегать разыскивать корову ему тяжело). Когда он забрал на почте посылку с трекером, то на выходе был задержан, оказалось, что в него встроен микрофон, с помощью которого можно передавать информацию. Свободная продажа таких устройств в России запрещена. В результате уголовное дело было доведено до суда². В итоге после обращения к Президенту РФ и реакции суда и органов прокуратуры уголовное преследование фермера было прекращено. Мы видим в данной ситуации совершенно формальный подход к уголовному преследованию, не учитывающий ни частных, ни публичных правовых интересов.

Вместе с тем мы не разделяем позицию тех авторов, которые считают целесообразность принципом уголовного процесса³. С позиций интегративного

¹ См.: Каминский, Э. С. Возбуждение уголовного дела и обоснованность уголовного преследования / Э. С. Каминский // Российское правосудие. 2021. № 3. С. 102–103.

² Крупный рогатый шпион. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/05/03/prokuratura-izvinilas-pered-fermerom-za-delo-o-gps-maiachke-dliia-korovu.html> (дата обращения: 18.11 2020).

³ См.: Ларина А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 16; Самарин В. И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве. Материалы Международной научно-практической конференции. Минск, 2017; Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М.: Юрлитинформ,

правопонимания, к сторонникам которой относится автор настоящего исследования, «принципы права — теоретическое обобщение наиболее существенного, типичного, находящегося в основе системы форм международного и внутригосударственного права, реализуемых в России»¹. Определяя критерии отнесения различных мировоззренческих идей и общих положений к принципам права, О. В. Качалова совершенно обоснованно называет фундаментальность («определяет институциональные особенности уголовного судопроизводства»), универсальность (определяет смысл и содержание большинства процессуальных норм и институтов), высокую степень обобщения, объективный характер (не зависит от субъективного усмотрения законодателя), стабильность и устойчивость (не изменяется ввиду «сиюминутной» воли законодателя), высшую императивность (общезначимые правовые предписания), системообразующий характер (позволяет формировать порядок производства по уголовным делам)². С этих позиций отнести диспозитивность к принципам уголовно-процессуального права не представляется возможным.

Полагаем, что целесообразность правильнее будет отнести к условиям досудебного производства по делу, распространяющим свое действие на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Определяя пределы действия целесообразности в уголовном судопроизводстве, следует принимать во внимание следующее. В настоящее время российское уголовное судопроизводство построено таким образом, что законность превалирует над целесообразностью, и фактически целесообразность является неким внутренним маячком для правоприменителя, выбирающего наиболее эффективный способ достижения поставленной цели в пределах своих дискреционных полномочий. Вместе с тем ориентация на предлагаемый рядом автором приоритет

2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iaaj.net/node/1844> (дата обращения: 15.11. 2020); Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2010. С. 12.

¹ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4. С. 12.

² Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе. Дис... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 64-65.

целесообразности над законностью¹ в условиях российской системы уголовного судопроизводства с особенностями правопонимания, толкования и применения правовых норм должностными лицами, ответственными за производство по уголовному делу, способна привести к хаосу и произволу. Нельзя не согласиться с С. С. Безруковым в вопросе о том, что введение целесообразности в систему принципов уголовного процесса чрезмерно расширит представления правоприменителей о пределах их возможностей. Помимо оценки оснований принятия решения, они «будут анализировать некие загадочные критерии». Сплошные оценочные формулировки, по мнению автора, сбивают правоприменителя с толку². Такой подход правоприменителей подтверждается проведенным опросом. С идеей о необходимости руководствоваться целесообразностью при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и дальнейшей его судьбе согласилось 50% опрошенных судей, прокуроров и адвокатов³. Полагаем, что причина такого отношения правоприменителей к данному вопросу кроется в традиционном восприятии формальной законности российского уголовного судопроизводства как его краеугольной основы, а также опасениях относительно возможных злоупотреблений правоприменителей в данной сфере. Полагаем необходимым включить целесообразность в систему отечественного уголовного судопроизводства посредством изменения подходов к пониманию законности и публичности уголовного судопроизводства в современных реалиях и толкования их в надлежащем ключе, а также изменения ряда уголовно-процессуальных норм.

Г. В. Абшилава совершенно справедливо полагает, что публичный интерес не всегда состоит в том, чтобы уголовное преследование доводилось до своего

¹ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iuaj.net/node/1844> (дата обращения: 15.11. 2020).

² Безруков С. С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного судопроизводства. М., 2016. С. 364–365.

³ См. приложение 2.

логического конца¹. Полагаем возможным пойти еще дальше и предположить, что публичный интерес не всегда состоит в том, чтобы уголовное дело вообще возбуждалось. Нередко расследование является для общества бременем, не сопоставимым с полученным эффектом от уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, не представляющего большой общественной опасности. Зачастую уголовное преследование в таких случаях направлено на улучшение ведомственных показателей и отчетности за счет раскрываемости многочисленных малозначительных преступлений. В структуре преступности уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести традиционно занимают около 75% от общего числа зарегистрированных преступлений (в 2019 г. – 75,6%, в 2018 – 77,5%, в 2017 – 78,7%)².

Для того, чтобы впоследствии прекратить уголовное преследование, с точки зрения процессуальной логики совершенно не обязательно возбуждать уголовное дело и совершать лишние процессуальные действия. Так, 27 января 2019 года судом с применением судебного штрафа было прекращено уголовное дело в отношении З., который подозревался в оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности здоровья потребителей (ч.1 ст. 238 УК РФ). Согласно материалам дела, являясь председателем совета общественной организации «Конно-спортивный клуб «Казачок», З. организовал получение гражданами физкультурно-оздоровительной услуги «катание на лошадях» за вознаграждение 500 руб. за 30 минут катания с одного потребителя, при этом привлек для оказания данной услуги несовершеннолетнюю П., которая не обладала знаниями в области конного спорта и не имела необходимой квалификации в сфере катания людей на лошадях. П. за вознаграждение в размере 1000 рублей предоставила услугу по

¹ См.: Абшилава Г. В. Проявление принципа целесообразности в уголовно-процессуальном институте, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ // Общество и право. 2011. № 3. С. 246.

² Состояние преступности в России за январь - декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 18.11.2020).

аренде лошади для самостоятельной езды верхом Р. и его несовершеннолетнему сыну Д. Р., 2009 г.р., не разъяснив им при этом должным образом технику безопасности, не снабдив последнего защитной экипировкой, не проверив правильность экипировки для верховой езды на самой лошади. Во время езды на лошади по причине того, что лошадь самовольно увеличила скорость и не реагировала на команды об остановке, несовершеннолетний Д. Р. не удержался в седле и упал с лошади на твердую дорожную поверхность, в результате чего ему был причинен вред здоровью средней тяжести. З. ранее не судим, впервые совершил преступление небольшой тяжести, вину в содеянном признал, загладил причиненный потерпевшему моральный вред в полном объеме в размере 35 000 руб., представитель несовершеннолетнего потерпевшего заявила об отсутствии к нему каких-либо претензий. При этом расследование длилось более 10 месяцев¹. Полагаем, что при установлении этих обстоятельств в ходе доследственной проверки и своевременном возмещении вреда, целесообразность уголовного преследования З. отсутствовала бы. Длительность расследования и неэффективно затраченные средства на его проведение ставят вопрос о целесообразности расследования и несоответствии возникшей ситуации публичным интересам.

Считаем возможным применять положение о целесообразности в ходе доследственной проверки и руководствоваться им при решении вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела. Для этого необходимо отказаться от понимания публичности и законности уголовного судопроизводства как требующих непременно возбуждения уголовного дела при наличии к тому поводов и оснований. Однако предоставить лицам, уполномоченным на возбуждение уголовного дела, право самостоятельно разрешать вопрос о необходимости и целесообразности возбуждения уголовного дела, не представляется возможным. Это прямой путь к злоупотреблениям, повышающий коррупционные риски. Полагаем необходимым предоставить такие полномочия исключительно прокурору как руководителю предварительного расследования.

¹ Архив Советского районного суда г. Брянска за 2019 г. Дело № 1-330/2019.

Однако и его дискреционные полномочия не будут здесь безграничны. Считаем, что основой для определения критериев целесообразности уголовного преследования должен стать определяемый прокурором в каждом конкретном случае разумный баланс между публичными и частными правовыми интересами. Оценочная деятельность прокурора в этой ситуации должна основываться на его внутреннем убеждении и совести и заключаться в определении степени соответствия интересам общества и участников уголовно-правового конфликта возможного уголовного преследования и его последствий, с одной стороны, и применения альтернативных мер реагирования на совершенное преступление с другой.

С учетом вышесказанного можно определить, что преимущество отказа от возбуждения уголовного дела и применения альтернативных мер может иметь место в случаях, когда бремя расследования совершенного преступления несопоставимо с полученным результатом (например, стоимость расследования при совершении незначительного деяния превышает размер причиненного вреда), лицо перестало быть общественно опасным и загладило причиненный ущерб. Такой подход в наибольшей степени отвечает публичным интересам, заключающимся в отказе от применения избыточных мер ответственности к лицам, совершившим преступления и использовании альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также охраны прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность.

Для этого в законе необходимо установить достаточно определенные, не абстрактные и не размытые основания, позволяющие прокурору принять такое решение. В частности, отказ от возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, может быть возможен при примирении участников уголовно-правового конфликта, деятельном раскаянии, заглаживании вреда, причиненного преступлением, изменении обстановки. Н. И. Гулиева также предлагает к таким основаниям относить выполнение работ в интересах общества, примерное

поведение, лечение от алкогольной или наркотической зависимости и т.п.¹ При этом очень важно, чтобы применение этих оснований не затрагивало существенным образом правовые интересы участников уголовно-правового конфликта. С таким подходом согласилось большинство (72,6%) опрошенных судей, прокуроров и адвокатов².

Необходимо установить совокупность обстоятельств, подтверждающих наличие вышеуказанных оснований для отказа от уголовного преследования – заглаживание причиненного имущественного вреда (в натуре, в денежной форме), факты компенсации морального вреда (в денежной форме, оказание помощи потерпевшему, принесение ему извинений), совершение иных действий, направленных на восстановление нарушенных прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства (участие в благотворительности, волонтерство и т.д.), изменение обстановки и т. д. По смыслу разъяснений, данных в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» обещания, а также обязательства возместить ущерб или загладить вред в будущем не дают оснований для отказа от уголовного преследования. Способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц, а отказ от уголовного преследования должен быть возможен только с согласия лица, в отношении которого осуществляется проверка на предмет причастности к совершению преступления.

Таким образом, целесообразность будет органично интегрирована в систему российского уголовного судопроизводства, наряду с публичностью и законностью. Следует отметить, что похожие предложения уже высказывались в уголовно-процессуальной науке. Н. Н. Апостолова, допуская возможность отказа от возбуждения уголовного дела в связи с примирением и в связи с деятельным

¹ См.: Гулиева Н. И. Проблемы реализации принципа дискреционного уголовного преследования в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве: автореф. дис... канд. юрид наук. Ростов-на-Дону, 2004. С.8.

² См. приложение 2.

раскайнием на стадии возбуждения уголовного дела, высказывалась за применение альтернативных уголовному преследованию к лицам, в отношении которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела при наличии сведений (данных), подтверждающих указанные в пунктах 1-4 ст. 73 УПК РФ обстоятельства. Однако автор предполагал возможность наделения такими полномочиями следователя с согласия руководителя следственного органа и дознавателя с согласия прокурора¹, что в современных условиях представляется неэффективным, о чем было указано выше. Полагаем возможным предоставить подобные полномочия исключительно прокурору как руководителю досудебного производства и предоставить ему гибкий процессуальный инструментарий для возможности отказа от уголовного преследования ввиду его нецелесообразности, а также возратить ему полноценный контроль за стадией возбуждения уголовного дела.

В современной науке уголовно-процессуального права неоднократно предлагалось возратить прокурору право возбуждения уголовного дела².

К. А. Таболина права в утверждении, что «защита публичного интереса по обеспечению законности возбуждения и расследования уголовных дел не может быть поставлена в зависимость от формы расследования и субъекта его производства». Автор предлагает наделить прокурора достаточными правовыми средствами надзора, позволяющими предотвратить, выявить и устранить нарушения законов при возбуждении уголовных дел. В частности, предлагается

¹ См.: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 15–16.

² См.: Капинус О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-83714> (дата обращения: 14. 09. 2018); Шадрин В. С. Основы формирования и современное состояние процессуального положения прокурора в уголовном досудебном производстве // Криминалист. 2018. №4. С. 73; Жубрин Р. В., Буланова Н. В. Правовой статус прокурора в досудебном производстве // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2017. № 1. С. 56; Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 13-14; Абраменко А. А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела: по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. и др.

закрепить полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и отказу в этом, права истребовать материалы проверки сообщения о преступлении¹. А. А. Абраменко также выступает за возвращение прокурору всей полноты полномочий по надзору за процессуальной деятельностью в стадии возбуждения уголовного дела с возможностью воздействовать на органы предварительного расследования, в том числе, давая указания о квалификации преступления, направлению расследования, принятия решения о возбуждении уголовного дела по материалам с явными признаками преступления, не требующих проведения дополнительной проверки, решение об отказе в возбуждении по которым прокурором признано незаконным².

Разделяя данные предложения, считаем необходимым внести изменения и дополнения в ст. 37, 146 – 148 УПК РФ с целью наделения прокурора конкретными полномочиями по возбуждению уголовного дела и применению альтернативных уголовному преследованию мер при отказе от возбуждения уголовного дела. Также необходимым представляется расширить судебный контроль на данном этапе производство по делу. Полагаем, что решение прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства об отказе в уголовном преследовании может быть обжаловано в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. Судебный контроль будет в данном случае гарантией обеспечения прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Предложения об осуществлении судебного контроля за реализацией прокурором дискреционных полномочий на данном этапе производства по делу уже высказывались в отечественной науке³. Соответствующие изменения необходимо внести в

¹ См.: Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 13–14.

² См.: Абраменко А. А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела: по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 14.

³ Гулиева Н. И. Проблемы реализации принципа дискреционного уголовного преследования в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 8; Терехов Е. В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12–13, 27 – 27; Картохина О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: автореф. дис...канд. юрид. наук. СПб., 2003.

уголовно-процессуальный закон.

В частности, предлагается:

- дополнить ч. 2 ст. 37 УПК РФ п. 2.1 следующего содержания:

«2.1) возбуждать уголовное дело; отказаться от возбуждения уголовного дела в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом;»;

- изложить ч. 1 ст. 125 УПК РФ в следующей редакции:

«1. Постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства об отказе в возбуждении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Если место производства предварительного расследования определено в соответствии с частями второй - шестой статьи 152 настоящего Кодекса, жалобы на действия (бездействие) и решения указанных лиц рассматриваются районным судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело.».

- изложить ч. 1 ст. 146 УПК РФ в следующей редакции:

«1. При наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1.2 ст. 148 УПК РФ, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь, прокурор в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление.»;

- изложить ч. 4 ст. 147 УПК РФ в следующей редакции:

«4. Руководитель следственного органа, следователь, прокурор, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей статьи 20 настоящего Кодекса, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 20 настоящего Кодекса, за исключением случаев, предусмотренных частью 1.2 статьи 148 настоящего Кодекса.».

- дополнить ст. 148 УПК РФ ч. 1.2 следующего содержания:

«1.2 Установив наличие оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, предусмотренных статьями 25 и 28 настоящего Кодекса, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь направляют материалы для разрешения этого вопроса прокурору. На основании полученных материалов, а также ходатайства лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела либо лица, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также вред деловой репутации, прокурор вправе вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела с применением мер, предусмотренных настоящим Кодексом.»¹.

Участники уголовно-правового конфликта (заявитель, а также лицо, в отношении которого проверка сообщения о преступлении) при установлении оснований отказа от уголовного преследования лица, совершившего преступление, и применении альтернативных мер ответственности должны до возбуждения уголовного дела быть проинформированы о такой возможности. Н. Н. Апостолова предлагает разъяснять заявителю и лицу, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела, право, порядок и последствия применения дискреционных процедур². Полагаем возможным с эти согласиться. Для этого необходимо наделить участников процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении правом обращаться к прокурору с

¹ См. приложение 1.

² См.: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 17.

ходатайством об отказе в уголовном преследовании, установив срок подачи ходатайства в течение 3 суток. Оно может быть направлено прокурору лично либо через лиц, производящих проверку. При направлении такого ходатайства срок проверки сообщения о преступлении автоматически продляется до 10 суток. В связи с этим предлагается дополнить ст. 144 УПК РФ частью 1.3 следующего содержания:

«1.3 При выявлении оснований, предусмотренных статьями 25 и 28 настоящего Кодекса участникам процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении разъясняется право в течение трех суток обращаться к прокурору с ходатайством об отказе в уголовном преследовании лица, совершившего преступление. При направлении такого ходатайства срок проверки сообщения о преступлении составляет 10 суток.»¹.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Построение системы уголовного судопроизводства на основе целесообразности представляется необходимым в современных условиях гуманизации законодательства, экономии репрессии и оптимизации уголовного судопроизводства.

2. В настоящее время целесообразность является внутренним сигналом для правоприменителя, выбирающего наиболее эффективный способ достижения поставленной цели в пределах своих дискреционных полномочий. Задачи современного уголовного судопроизводства и социальные потребности детерминируют необходимость доктринального и нормативного расширения целесообразности как условия досудебного производства по делу, что предполагает отказ от понимания публичности и законности процесса как требующих непременно возбуждения уголовного дела при наличии к тому поводов и оснований.

3. Целесообразность как условие для принятия процессуальных решений должно применяться и на этапе проверки сообщения о преступлении при

¹ См. приложение 1.

решении вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела. Полагаем необходимым предоставить такие полномочия исключительно прокурору как руководителю предварительного расследования.

4. Основой для определения критериев целесообразности уголовного преследования должен стать определяемый прокурором в каждом конкретном случае разумный баланс между публичными и частными правовыми интересами. Оценочная деятельность прокурора в этой ситуации должна основываться на его внутреннем убеждении и совести и заключаться в определении степени соответствия интересам общества и участников уголовно-правового конфликта возможного уголовного преследования и его последствий, с одной стороны, и применения альтернативных мер реагирования на совершенное преступление с другой. Для этого прокурор должен быть наделен гибким процессуальным инструментарием.

5. Отказ от возбуждения уголовного дела и применения альтернативных мер необходим в случаях, когда бремя расследования совершенного преступления несопоставимо с полученным результатом, лицо перестало быть общественно опасным и загладило причиненный ущерб. Такой подход в наибольшей степени отвечает публичным интересам, заключающимся в отказе от применения избыточных мер ответственности к лицам, совершившим преступления и использовании альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также охраны прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность.

6. Основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела и применении альтернативных мер могут быть примирение участников уголовно-правового конфликта, деятельное раскаяние, заглаживание вреда, причиненного преступлением, изменение обстановки, привлечение лица к административной ответственности.

7. Отказ от возбуждения уголовного дела и применение альтернативных мер не должен существенным образом затрагивать правовые интересы участников уголовно-правового конфликта.

§ 3. Обеспечение публичных правовых интересов при прекращении уголовного преследования в ходе досудебного производства

Как уже отмечалось ранее, применение альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов с позиций рационализации и ускорения уголовного судопроизводства является предпочтительным на самых ранних этапах производства по уголовным делам. Однако далеко не всегда это является возможным. Нередко основания для применения альтернативных мер – деятельное раскаяние, возмещение ущерба, заглаживание вреда, примирение с потерпевшим и т.д. – возникают значительно позже. В таком случае в качестве альтернативы осуждению может применяться прекращение уголовного преследования. В научной литературе неоднократно отмечалось, что российским вариантом альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов является прекращение уголовного преследования¹. Востребованность данного процессуального института весьма велика: согласно статистическим данным в 2019 г. судами России по нереабилитирующим основаниям было прекращено 189 851 уголовное дело, в 2018 г. – 191 251, в 2017 – 193 388, что составляет около 20% от рассмотренных судами².

Следует отметить, что не каждое прекращение уголовного преследования следует рассматривать в качестве альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта. К их числу не относятся прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям (пп. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24 и пп. 1, 4 - 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), поскольку их наличие констатирует отсутствие неразрешенного уголовно-правового конфликта между данными лицами. Особую природу имеют такие основания прекращения уголовного преследования как смерть подозреваемого или обвиняемого и освобождение от уголовной

¹ См., например: Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 252; Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.

² <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 11. 10. 2020).

ответственности с применением принудительных мер медицинского характера. В первом случае речь идет об исчерпании конфликта ввиду смерти его виновника (за исключением случаев реабилитации умершего), во втором – об особом уголовно-правовом конфликте со специальным участником. И в том, и в другом случае альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов ввиду особой природы этих конфликтов не применимы.

Особый характер имеют такие виды прекращения уголовного преследования, которые ввиду своей императивности лишь условно можно назвать альтернативными:

- в связи с возмещением ущерба;
- ввиду истечения сроков давности уголовного преследования;
- вследствие акта об амнистии;
- в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

Их условная альтернативность обусловлена тем, что они представляют собой абсолютно определенные законом способы реагирования на совершенные преступления, и именно в этом смысле являются альтернативами уголовному преследованию, при их применении вопрос о возможности выбора того или иного способа разрешения конфликта не стоит. Как верно отмечает Л. В. Головкин, «когда у должностных лиц нет возможности выбора, мы можем говорить о таких основаниях как об альтернативах исключительно для законодателя»¹.

Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба по уголовным делам о некоторых преступлениях экономического характера (ст. 28.1 УПК РФ) представляет собой устранение последствий уголовно-правового конфликта посредством возмещения причиненного ущерба.

Прекращение уголовного преследования ввиду истечения сроков давности уголовного преследования предполагает изменение обстановки и утрату общественной опасности лица, совершившего преступление, по истечении

¹ Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 284–285.

времени, прошедшего с момента совершения преступления. Этот способ является альтернативой уголовного преследования и осуждения, однако его суть заключается не в разрешении конфликта и устранении его последствий, а фактически в констатации того, что последствия уголовно-правового конфликта уже сглажены с течением времени.

Прекращение уголовного преследования вследствие акта об амнистии предполагает отказ от уголовного преследования индивидуально неопределенной группы лиц, попадающих под формально-определенные признаки и является проявлением публичного гуманизма в отношении лиц, совершивших преступления определенных категорий и, как правило, принадлежащих к отдельным социальным группам. Прекращение уголовного преследования в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, представляет собой отказ от уголовного преследования ввиду публичного, установленного законом признания того, что поощрение позитивных действий лица, отказавшегося от доведения преступления до конца, признается более значимым, чем необходимость продолжения уголовного преследования и осуждение виновного.

Все вышеуказанные виды отказа от уголовного преследования являются безусловными, не зависят от усмотрения должностных лиц, ответственных за производство по делу, не предполагают при их применении оценочной деятельности, применяются при наличии формально определенных оснований. Л. В. Головкин классифицирует основания освобождения от уголовной ответственности на основе двух классификационных пар, выделяя императивные объективные основания, императивные субъективные основания, дискреционные объективные основания и дискреционные субъективные основания, отмечая, что только последние входят в состав института альтернатив уголовному преследованию¹. Полагаем возможным согласиться с такой позицией и отнести к числу альтернативных способов разрешения уголовно-правового спора только те,

¹ См.: Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 286–287.

которые могут быть избраны на основе дискреционных полномочий должностных лиц, ответственных за производство по делу, при наличии возможности продолжить производство по делу и разрешить конфликт традиционным способом. К таковым можно отнести следующие виды прекращения уголовного преследования:

- в связи с деятельным раскаянием;
- в связи с примирением с потерпевшим;
- в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа;
- с применением принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних.

Традиционно среди видов альтернативных мер наибольшее количество составляют такие виды прекращения уголовного преследования как прекращение уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим (в 2019 г. судами было прекращено 108 662 таких дела, это 57,4% от прекращенных по нереабилитирующим основаниям); с применением судебного штрафа (в 2019 г. судами было прекращено в 65 269 случаях (34,2%)); в связи с деятельным раскаянием (в 2019 г. судами было прекращено в 11 882 случаях (6,3%))¹. Возникает вопрос о целесообразности более широкого применения прекращения уголовного преследования по данным основаниям в ходе досудебного производства. Полагаем, что в большинстве случаев уголовно-правовой конфликт подобным образом мог бы успешно разрешен еще до суда, что существенно оптимизировало бы уголовное судопроизводство по таким делам, почти на четверть снизило бы нагрузку на суды. Если рассматривать такие основания прекращения уголовного преследования как примирение с потерпевшим и деятельное раскаяние, то никаких легально установленных препятствий к их применению в ходе досудебного производства по делу не существует. Вместе с тем данный институт работает не в полной мере. Органы предварительного

¹ <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 19. 09. 2020)

расследования все еще в большей степени ориентированы на направление уголовных дел в суд для определения их дальнейшей судьбы, поскольку это улучшает их ведомственные показатели. Следует согласиться с О. А. Малышевой в вопросе о необходимости изменения показателей оценки органов предварительного расследования. Автор обоснованно полагает, что систематическое применение института прекращения уголовного преследования в досудебном производстве позволит «оптимизировать процесс расходования бюджетных средств, предназначенных для функционирования органов уголовной юстиции. В частности, появляется возможность направления большего объема бюджетных средств на организацию противодействия наркобизнесу, профессиональной преступности, коррупции и т.д.»¹.

Согласно статистическим данным, прекращение уголовного преследования в ходе предварительного расследования происходит в несколько десятков раз реже, чем в судебных стадиях процесса. А. А. Толкаченко пишет о том, что прекращение уголовных дел в досудебном производстве осуществляется в 1,5 – 4,5 % случаях, тогда как вплоть до 2001 года в период действия УПК РСФСР он составлял около 20% и был стабилен. Между тем в предмет доказывания по любому уголовному делу входят обстоятельства, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности². С. В. Бурмагин объясняет такую разницу различными подходами правоприменителей — органов уголовного преследования и судов — в определении соотношения публичного и частного интересов в данном вопросе: «органы предварительного расследования как представители публичной обвинительной власти склонны преувеличивать значение общественных интересов, ассоциируя себя с их защитниками, противостоящими частным, эгоистическим, нередко узкокорыстным устремлениям обвиняемого и потерпевшего, пришедших к согласию вопреки

¹ Малышева О. А. К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования // Российский следователь. 2019. № 7. С. 20–24.

² См.: Толкаченко А. А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8. С. 18.

общественному благу»¹. К причинам ограниченного применения норм о прекращении уголовного дела также относят «недостаточное уяснение правоприменителями содержания данных норм и отсутствие единства в практике их применения; конкуренцию правовых норм, влияние показателей о количестве направленных в суд уголовных дел, характеризующих качество работы органов расследования»². Мнение о том, что малое количество случаев освобождения от уголовной ответственности не соответствует современной правовой политике, не вытекает из закона, и не может считаться нормальным, неоднократно высказывалось в последние годы³.

Очевидно, что основным способом решения данной проблемы является переориентация органов уголовного преследования на необходимость максимально широкого применения института освобождения от уголовной ответственности⁴. В. В. Момотов предлагает законодательно стимулировать прекращение уголовных дел на досудебной стадии, внести коррективы в порядок ведения статистики правоохранными органами и систему поощрения сотрудников этих органов с тем, чтобы при наличии к тому законных оснований сотруднику правоохранительных органов было комфортнее самостоятельно прекратить уголовное преследование без передачи дела в суд, а не наоборот⁵.

Важную роль в этом мог бы сыграть прокурор, которого необходимо наделить широкими полномочиями по контролю за применением данных мер, а

¹ Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 15.

² Самолаева Е. Ю. Применение норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при производстве дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 154.

³ См.: Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве. М., 2017; Муравьев К. В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 61–66; Воскобитова Л. А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2015 и др.

⁴ См.: Каминский Э. С. О необходимости прекращения уголовного преследования в досудебном производстве // Мировой судья. 2021. № 4. С. 13-14.

⁵ См.: Момотов В. В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 11.

также возможностью прекращения уголовного преследования при наличии к тому вышеуказанных оснований самостоятельно. Ежегодно прокурорами отменяется более 25 тысяч решений органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) – 26 637 в 2018 г. и 26 156 в 2019¹. В 2018 г. в соответствии с позициями Конституционного Суда РФ² полномочия прокурора по отмене постановления о прекращении уголовного дела были ограничены одним годом с момента вынесения первого постановления (ст. 214 УПК РФ в ред. ФЗ от 12 ноября 2018 года № 411-ФЗ).

Наделение прокурора полномочиями по самостоятельному оперативному реагированию в этой сфере существенным образом оптимизировало бы процесс применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также снизило риски злоупотребления полномочиями органов предварительного расследования³.

Представляется необходимым установить следующий механизм применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе предварительного расследования. Прекращение уголовного преследования следователем и дознавателем должно быть возможно только с согласия прокурора, в случае отказа следователя и дознавателя в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного преследования такой отказ может быть обжалован прокурору, который наделяется полномочиями по прекращению уголовного преследования и может реализовать это право, в том числе, при рассмотрении жалобы. Также прокурор должен быть наделен правом прекращать уголовное преследование ввиду примирения с потерпевшим и деятельного раскаяния на этапе утверждения обвинительного заключения, обвинительного

¹ https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf (дата обращения: 05.10. 2020)

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

³ См.: Каминский Э. С. О необходимости прекращения уголовного преследования в досудебном производстве // Мировой судья. 2021. № 4. С. 13-15.

постановления и обвинительного акта¹. Н. Н. Апостолова совершенно справедливо пишет о том, что решение вопроса о наличии либо отсутствии необходимости поддержания по ним обвинения в суде должно остаться прерогативой прокурора, который должен обеспечивать соблюдение оптимального баланса защиты интересов личности, общества и государства². Следует отметить, что в науке существует и другая позиция, согласно которой освобождение от уголовной ответственности должен осуществлять только суд³. Полагаем ее не соответствующей современной парадигме уголовного судопроизводства в части, касающейся рационализации уголовного судопроизводства и экономии процессуальной репрессии, начиная с самых ранних этапов уголовного судопроизводства. Считаем бессмысленным и нецелесообразным доводить до суда уголовное дело, которое может быть разрешено путем прекращения на более ранних этапах процесса⁴. С идеей о необходимости наделения прокурора широким спектром полномочий по прекращению уголовного преследования и надзору за этим согласилось 66,8% опрошенных судей, прокуроров и адвокатов⁵. Считаем необходимым внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон⁶.

Решение прокурора по данному вопросу могло бы стать предметом судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ.

Расширение применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов предполагает и активное информирование его участников,

¹ Аналогичные предложения были высказаны В. И. Кононенко (Кононенко В. И. Применение судами норм уголовно-процессуального права о прекращении уголовных дел за примирением сторон по делам публичного обвинения // Российское правосудие. 2016. Спецвыпуск С. 304) и А. А. Толкаченко (Толкаченко А. А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Судья. 2020. № 8. С. 27).

² См.: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 14.

³ См., например: Калугин А. Г. Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1999.

⁴ См.: Каминский Э. С. О необходимости прекращения уголовного преследования в досудебном производстве // Мировой судья. 2021. № 4. С. 12-16.

⁵ См. приложение 2.

⁶ См. приложение 1.

разъяснением им таких возможностей и прав заявить ходатайство о прекращении уголовного преследования. Н. Н. Апостолова полагает, что подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему с момента признания их таковыми должно разъясняться и обеспечиваться право на прекращение уголовного дела по соответствующим дискреционным основаниям с их добровольного согласия, а также право на получение квалифицированной юридической помощи и консультаций адвоката по вопросам применения альтернативных мер воздействия¹. Полагаем возможным не согласиться с таким предложением. Предоставление участникам уголовного судопроизводства какого-либо права предполагает и наличие соответствующей этому праву корреспондирующей обязанности должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу. В данной ситуации право на прекращение уголовного по смыслу должно повлечь за собой обязанность такого прекращения, и дискреционные основания перестанут быть таковыми, став императивными по сути. Правильнее было бы говорить о разъяснении права заявлять такое ходатайство, а также права обжаловать отказ в его удовлетворении. Что касается разъяснения права на получение квалифицированной юридической помощи и консультаций адвоката по вопросам применения альтернативных мер воздействия, полагаем это излишним. На наш взгляд, достаточным будет общее разъяснение права на защиту и получение квалифицированной юридической помощи с объяснением того, что оно распространяется на все вопросы, возникающие при производстве по уголовному делу. Однако в статьях 42 и 47 УПК РФ, посвященных процессуальному статусу обвиняемого и потерпевшего, необходимо закрепить их право ходатайствовать о прекращении уголовного дела при наличии к тому оснований. Это же право, на наш взгляд, следует дополнительно разъяснять участникам уголовно-правового конфликта по окончании расследования в порядке ст. 217 УПК РФ.

¹ См.: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 14.

Следует также согласиться с предложением о необходимости разъяснения участникам уголовно-правового конфликта правовых последствий прекращения уголовного преследования¹, поскольку освобождение от уголовной ответственности само по себе не означает исчерпания негативных последствий совершенного деяния. Такая позиция высказана, в том числе, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 года № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева»². При прекращении производства по уголовному делу в связи с освобождением от уголовной ответственности право на защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате преступления, в гражданском судопроизводстве сохраняется во всяком случае. У потерпевшего сохраняется возможность обратиться за защитой своих прав в порядке гражданского судопроизводства. С позицией о необходимости закрепления в законе обязанности должностных лиц разъяснять участникам уголовного судопроизводства право заявлять ходатайство о прекращении уголовного преследования согласилось 79,2% опрошенных судей, прокуроров и адвокатов³.

¹ См.: Николюк В. В., Дочия Р. М., Шаламов В. Г. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием. М., 2002. С. 95–96; Белоусова Е. А. Примирение сторон как основание прекращения уголовного дела // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2 С. 60.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева» // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

³ См. приложение 2.

Важнейшим вопросом в теории и практике уголовного судопроизводства является вопрос о том, является ли прекращение уголовного преследования ввиду примирения с потерпевшим и деятельным раскаянием правом либо обязанностью должностных лиц, ответственных за производство по делу. Единой позиции по данному вопросу нет, он уже в течение не одного десятилетия остается дискуссионным. Между тем, на наш взгляд, он является весьма важным, поскольку ответ на него имеет огромное значение для развития альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Ю. В. Кувалдина пишет о «стимулировании» и «торможении» органов уголовной юстиции в данной ситуации: «стимулируя стороны к примирению, а обвиняемого к деятельному раскаянию, они могут отказать в прекращении дела»¹. В. И. Кононенко полагает, что использование законодателем терминов «вправе», «может» – это прием законодательной техники, и вне системного толкования норм уголовно-процессуального права делать вывод о направленности воли законодателя именно на это неверно. Автор приходит к выводу об обязанности прекращения уголовного преследования ввиду примирения с потерпевшим при наличии к тому предусмотренных законом оснований. Отказ от прекращения уголовного преследования на досудебных этапах уголовного судопроизводства при наличии к тому оснований, по мнению В. И. Кононенко, обязывает суд прекратить его в ходе судебного производства. Не прекращение уголовного дела судом рассматривается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущего отмену вынесенного приговора.²

В одном из решений Конституционный Суд РФ разъяснил, что «указание в статье 25 УПК РФ на то, что суд вправе прекратить уголовное дело, не предполагает возможность произвольного решения судом этого вопроса

¹ Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. канд. юрид. наук. Самара, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html (дата обращения: 15.11.2020).

² Кононенко В. И. Применение судами норм уголовно-процессуального права о прекращении уголовных дел за примирением сторон по делам публичного обвинения // Российское правосудие. 2016. Спецвыпуск. С. 303 –305

исключительно на основе своего усмотрения. Суд принимает решение с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, включая степень общественной опасности совершенного деяния, личность обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность»¹.

Ряд исследователей считают, что прекращение уголовного преследования является правом, но не обязанностью должностных лиц, ответственных за производство по делу, трактуя положения уголовно-процессуального закона буквально². С. В. Бурмагин выступает за избирательный подход в вопросе прекращения уголовного преследования за примирением сторон, который нацелен не только на соблюдение личных прав участников процесса, но и защиту публичных интересов³. М. В. Нагуляк полагает, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон должно оставаться правом компетентных органов, «поскольку в определенных случаях заявление потерпевшего о прекращении дела может быть результатом незаконного воздействия на него со стороны участников уголовного судопроизводства или иных лиц, а ряд преступлений имеет большую общественную опасность, вызывает значительный общественный резонанс»⁴. Л. В. Головкин пишет о праве выбора должностных лиц, ответственных за производство по делу, прекращать либо продолжать производство по делу, однако делает существенную оговорку о том, что этот выбор должен основываться на обстоятельствах дела и быть всем объяснен в процессуальной форме⁵. М. В. Беляев считает, что дискреционные полномочия должны быть ограничены

¹ Определение от 4 июня 2007 г. N 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

² См., например: Гарбатович Д. А. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2014. № 2. С. 31–36.

³ См.: Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 14 - 16.

⁴ Нагуляк М. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 8.

⁵ См.: Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 275.

оценкой фактических обстоятельств дела. «При наличии убеждения в том, что данный конкретный случай содержит признаки, в общем виде сформулированные в правовой норме, содержащей совокупность оснований для принятия решения, право суда трансформируется в обязанность его вынести». Согласно исследованию, проведенному автором, право на прекращение уголовного преследования при наличии к тому фактических и юридических оснований как фактическую обязанность рассматривают 62,4% опрошенных судей, 48,3% прокуроров и 88% адвокатов¹.

Полагаем, что реализация права на прекращение уголовного преследования становится обязательной лишь при установлении такой совокупности значимых обстоятельств уголовно-правового конфликта и сведений о личности обвиняемого, которая подтверждает наличие оснований прекращения уголовного преследования, соответствует задачам защиты публичных и частных правовых интересов и является целесообразной. По смыслу разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим возможно при выполнении двух условий: примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим и заглаживания причиненного ему вреда. При этом суд должен учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела (особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание)². Полагаем, что в данном случае Верховный Суд РФ определил

¹ См.: Беляев М. В. Судебные решения в российском уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 249–251.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от

условные ориентиры, на основе которых может быть разрешен вопрос о том, должно ли повлечь состоявшееся примирение обвиняемого с потерпевшим освобождение первого от уголовной ответственности. На основе этих ориентиров могут быть выработаны критерии, при наличии которых право должностных лиц прекратить уголовное преследование за примирением с потерпевшим становится его обязанностью. В данном случае необходимо понимать, что сам факт примирения с потерпевшим в силу публичности уголовного судопроизводства еще не означает исчерпания ответственности перед обществом за совершенное деяние. Как верно отмечает С. В. Бурмагин, «лежащий в основе этих дел уголовно-правовой конфликт явно выходит за рамки межличностных отношений и существенным образом затрагивает публичные интересы, примирение виновного лица с потерпевшим автоматически его не исчерпывает и не устраняет полностью общественного вреда»¹.

На основе анализа обстоятельств, касающихся совершенного деяния и личности обвиняемого, подлежащих учету при разрешении вопроса о возможности прекращения уголовного преследования с применением альтернативных способов, на наш взгляд, следует выделить два основных критерия, которые содержательно определяют степень соответствия публичным интересам прекращения уголовного преследования конкретного лица. Считаем возможным определить эти критерии как объективный и субъективный. Под объективным следует понимать особенности объектов преступного посягательства (их количество и содержание), субъективный заключается в изменении степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим. Вопрос о возможности прекращения уголовного преследования за примирением с потерпевшим по уголовным делам о преступлениях, имеющих два объекта преступных

уголовной ответственности» // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2019).

¹ Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 15.

посягательств (например, преступления против порядка управления, против правосудия и т.д.), относится к числу дискуссионных в уголовно-процессуальной науке и практике. Ряд исследователей полагают невозможным прекращение уголовного преследования ввиду примирения сторон по уголовным делам, где основным объектом преступного посягательства выступают общественные отношения в сфере управления и т. п.¹. Была высказана и точка зрения о необходимости введения «отдельного основания прекращения уголовного преследования в случае, если потерпевшим является юридическое лицо, государство, субъект Российской Федерации, муниципальное образование, а лицо, совершившее впервые преступление небольшой или средней тяжести, загладило причиненный вред»². Однако большинство считают такое прекращение возможным³.

Оценка объективного критерия возможности прекращения уголовного преследования ввиду примирения сторон, на наш взгляд, предполагает необходимость оценки возмещенного публичным интересам вреда. Например, «Ч. обвинялся в том, что в ходе судебного заседания по гражданскому делу, проходившего в зале судебного заседания районного суда, в присутствии участников процесса высказал в адрес представителя истца в грубой, неприличной форме слова, унижающие ее честь и достоинство, тем самым проявил неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участника судебного разбирательства (ч. 1 ст. 297 УК РФ)». В дальнейшем он загладил причиненный потерпевшей моральный вред принесенными извинениями и был освобожден от уголовной ответственности⁴.

¹ См.: Белоусова Е. А. Примирение сторон как основание прекращения уголовного дела // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2 С. 61; Анисимов А. П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10. С. 43–44.

² См.: Нагуляк М. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 8.

³ См. об этом: Бурмагин С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 15-16.

⁴ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской

Субъективный критерий предполагает оценку личности обвиняемого с точки зрения сохранения его общественной опасности с учетом позитивного посткриминального поведения и изменения обстановки. Это можно сделать, в том числе, на основании анализа изменения семейного положения, состояния здоровья, изменения места работы и места жительства и т.д., а также на основании оценки способа заглаживания вреда и возмещения ущерба. Поскольку вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, которая позволяет компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением, об отсутствии общественной опасности обвиняемого может свидетельствовать выполнение общественных работ, волонтерство, участие в благотворительности и т.д. Например, «К. загладила причиненный преступлением вред путем добровольного выполнения общественных работ в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» и пожертвования денежных средств в данное учреждение на благотворительность»¹.

Оценка возможности прекращения уголовного преследования может быть осуществлена только на основе установления фактических обстоятельств дела в соответствии с предметом доказывания, установленным ст. 73 УПК РФ.

П. 7 ч. 1 данной статьи (обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания) имеет весьма широкое содержание, поскольку в соответствии с ним подлежит установлению весьма обширный круг фактических обстоятельств, включающий, в том числе, обстоятельства, подтверждающие совершение преступления конкретным лицом; характер и степень общественной опасности совершенного деяния и общественную опасность лица, его совершившего; конкретные действия, способствовавшие раскрытию преступления и направленные на заглаживание причиненного им вреда, а также примирение с потерпевшим; факт совершения преступления впервые; добровольность волеизъявления потерпевшего на

Федерации 10 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 1.12. 2020).

¹ Там же.

примирение; согласие обвиняемого на применение альтернативного способа разрешения конфликта; факт утраты лицом общественной опасности или существенного снижения ее степени; соответствие возможности прекращения уголовного преследования публичным интересам и др. Как верно отмечает О. В. Волынская, «основанием принятия решения о прекращении уголовного преследования выступает доказанность этих фактических обстоятельств»¹.

Следует согласиться с А. А. Толкаченко в вопросе о том, что проблема совокупной оценки всех обстоятельств дела и личности обвиняемого является сложной интеллектуальной и прогностической задачей, для решения которой нет универсального рецепта, а есть лишь общие ориентиры². Наличие формальных предусмотренных законом условий недостаточно для освобождения от уголовной ответственности. Как верно пишет автор, данных, характеризующие опасность совершенного преступления, личность обвиняемого необходимо соотнести с содержанием посткриминального поведения лица, сделать вывод о том, насколько лицо нуждается в реализации в отношении него мер уголовной ответственности, насколько отказ в реализации таких мер будет соответствовать задачам охраны интересов личности, общества и государства, при этом решение об освобождении от ответственности должно быть целесообразным, соответствовать задачам восстановления социальной справедливости, исправление лица, совершившего преступление, предупреждение новых преступлений³.

Так, Р. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ за незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотического вещества в значительном размере. В апелляционной жалобе защитник указывал на возможность применения по делу ст. 76.2 УК РФ или ст. 75 УК РФ, ссылаясь на то, что Р. совершил впервые преступление небольшой тяжести, имеет положительные характеристики,

¹ См.: Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 12.

² См.: Толкаченко А. А. Освобождение от уголовной ответственности. Как оценивать нормы и выбирать основания. Уголовный процесс. 2019. № 3. С. 86–93.

³ См.: Толкаченко А. А. Освобождение от уголовной ответственности. Как оценивать нормы и выбирать основания. Уголовный процесс. 2019. № 3. С. 86–93.

загладил вред, оказав благотворительную помощь, встал на учет в наркологический диспансер, перестал употреблять наркотические средства, вину признал, в содеянном раскаялся, способствовал раскрытию и расследованию преступления. Суд апелляционной инстанции указал, что несмотря на перечисление 12000 рублей на благотворительность, сам факт совершения студентом медицинского университета, страдающим наркоманией, преступления против здоровья населения и общественной нравственности, представляет повышенную общественную опасность, а вред общественным отношениям, причиненный Р., является несопоставимым со значимостью действий, направленных на заглаживание причиненного преступлением вреда. На учет в наркологический диспансер Р. встал на учет за один день до постановления приговора, хотя прошло пять месяцев с момента преступления, и два месяца с момента, когда осужденный ознакомился с заключениями экспертов, установивших у него наркоманию и необходимость лечения¹.

Принимая решение об освобождении от уголовной ответственности, необходимо оценить, соответствует ли это задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства. Объективизации такой оценки будет способствовать совокупный анализ объективного и субъективного критериев, он также позволит установить, соответствует ли отказ от уголовного преследования публичным интересам. Таким образом, применение такого альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта как прекращение уголовного преследования, должно применяться не автоматически по факту примирения участников конфликта и формального заглаживания вреда, а с учетом публичных интересов.

Принятие решения как о прекращении уголовного преследования, так и об отказе в этом, требует надлежащей мотивированности и обоснованности фактическими обстоятельствами дела. Предоставление полномочий принимать

¹ Приморский краевой суд. Апелляционное постановление № 22-2198/2019 от 28.05.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NNZfEWkxMc6w/> (дата обращения: 01.12. 2020).

решения о прекращении уголовного дела по своему усмотрению не дает права на вынесение произвольного, без учета требований законности, обоснованности и справедливости, решения.

В равной степени это касается решений всех управомоченных на это должностных лиц. Например, апелляционным постановлением Московского районного суда г. Казани было отменено постановление мирового судьи, которым прекращено уголовное дело в отношении В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ. Основанием к отмене послужило отсутствие в постановлении мирового судьи указания на то, каким образом обвиняемый возместил ущерб потерпевшему или загладил причиненный преступлением вред¹.

Следует также понимать, что альтернативы уголовному преследованию могут конкурировать друг с другом. В конкретных обстоятельствах уголовного дела можно одновременно усмотреть и основания для прекращения уголовного преследования за примирением с потерпевшим, в связи с деятельным раскаянием, а также с применением судебного штрафа. Полагаем, что выбору всегда должен подлежать при прочих равных условиях наиболее благоприятный для обвиняемого способ, предусматривающий меньшее количество условий освобождения и не предполагающий применения каких-либо мер воздействия в отношении него. Это вытекает из положения о презумпции невиновности, в соответствии с которой все сомнения разрешаются в пользу обвиняемого.

Дискуссионным в науке уголовного и уголовно-процессуального права является вопрос о целесообразности условного освобождения от уголовной ответственности². В относительно недавнем времени в России к видам условного

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28088/> (дата обращения: 1.12. 2020).

² См., например: Коробов П. В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 49–56; Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис... докт. юрид. наук. М., 2005; Балафендиев А. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным

освобождения от уголовной ответственности относилось освобождение от уголовной ответственности с передачей лица на поруки (ст. 52 УК РСФСР 1960 г.), в соответствии с которой нарушение лицом, взятым на поруки, обещания примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление в течение года влекло за собой рассмотрение вопроса о привлечении этого лица к уголовной ответственности за то деяние, содержащее признаки преступления, в связи с совершением которого оно было передано на поруки). Условный отказ от возбуждения уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности существует в законодательстве ряда зарубежных стран (Франция, Молдова и др.).

Так, например, согласно ст. 510 УПК Республики Молдова в отношении лица, которому предъявлено обвинение в совершении незначительного преступления или преступления средней тяжести, которое признает свою вину, не представляет опасности для общества и исправление которого возможно без применения уголовного наказания, может быть условно прекращено уголовное преследование с последующим освобождением от уголовной ответственности, если исправление такого лица возможно без применения уголовного наказания. Условное осуждение не применяются в отношении имеющих судимость; страдающих алкогольной или наркотической зависимостью; должностных лиц, совершивших преступление со злоупотреблением служебным положением; совершивших преступление против безопасности государства; не возместивших ущерб, причиненный совершением преступления. Решение об условном прекращении уголовного преследования принимает прокурор, он своим постановлением условно прекращает уголовное преследование сроком на один год с возложением на него одной или нескольких обязанностей: не отлучаться из населенного пункта, где находится его место жительства (кроме как в порядке, установленном прокурором); уведомлять орган уголовного преследования о каждой смене места жительства; не совершать преступления или

правонарушения; продолжать работу или учебу; принимать участие в специальной лечебной или консультационной программе для снижения агрессивного поведения. Если в течение срока условного прекращения уголовного преследования обвиняемый соблюдал установленные прокурором условия, прокурор своим постановлением освобождает его от уголовной ответственности, в противном случае прокурор направляет дело вместе с обвинительным заключением в судебную инстанцию в общем порядке¹. Такой способ разрешения уголовно-правового конфликта, на наш взгляд, вполне мог бы быть использован и в российских условиях, а в качестве условий его применения могли бы быть определены возмещение причиненного преступлением вреда, выполнение общественных работ, примерное поведение, лечение от различных видов зависимости и т.п.

В настоящее время к условным видам освобождения от уголовной ответственности в российском законодательстве относится освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа и освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних. Законопроект Верховного Суда РФ² о совершенствовании института освобождения от уголовной ответственности предполагает и иные меры уголовно-правового характера – общественные

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729&doc_id2=30397729#pos=5;-98&pos2=5059;-97 (дата обращения: 10.12.2020).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 г. Москва 13 октября 2020 г. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/files/29300/> (дата обращения: 10.12.2020).

работы¹ или ограниченно оплачиваемые работы². Их условность заключается в том, что в случае злостного уклонения от их исполнения, они отменяются, и лицо привлекается к уголовной ответственности. Появление первого условного вида освобождения от уголовной ответственности в современной России (с применением судебного штрафа) вызвало дискуссии в науке уголовно-процессуального и уголовного права³. Не вдаваясь подробно в суть данной

¹ Общественные работы заключаются в выполнении лицом в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, которые определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Они устанавливаются на срок от тридцати до двухсот сорока часов и осуществляются не свыше четырех часов в день. В случае злостного уклонения от осуществления общественных работ они отменяются и лицо привлекается к уголовной ответственности.

² Ограниченно оплачиваемые работы назначаются лицу, если оно имеет основное место работы, они также могут назначаться для работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства данного лица на срок от одного месяца до одного года. Из заработной платы лица, осуществляющего ограниченно оплачиваемые работы, производятся удержания в доход государства в размере, установленном решением суда, в пределах от пяти до десяти процентов. В случае злостного уклонения от осуществления ограниченно оплачиваемых работ они отменяются и лицо привлекается к уголовной ответственности.

³ См., например: Аристархов А. Л. Проблемы прекращения судом уголовного преследования при применении института судебного штрафа // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С. 305 – 309; Мазюк Р. В. Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 23–35; Качалова О. В. Как суду нужно применять судебный штраф // Уголовный процесс. 2016. № 11. С. 10; Шишов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; Ченцов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; Боярская А. В. Судебный штраф: проблемы материально-правового базиса и правоприменения // Правоприменение. 2018. Т. 2 № 1. С. 154–163; Борисова О. В. Правовое регулирование исполнения судебного штрафа // Lex Russica. 2017. № 9. С. 86–92; Звечаровский И. Э. О юридической природе судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 98–101; Хлебницына Е. А. Функции норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Российский судья. 2017. № 7. С. 33–36; Трофимова Г. А. Судебный штраф - альтернатива? // Российский судья. 2017. № 8. С. 30-34; Воробьева Н. А. Практика применения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства о судебном штрафе // Современное право. 2017. № 4. С. 116–121; Анощенко С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 114–125; Ворожцов С. А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Мировой судья. 2017. № 11. С. 15–23; Дудченко М.Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 59

дискуссии, отметим лишь, что, несмотря на несовершенство законодательной конструкции данного института, он уже играет достаточно важную роль в снижении степени уголовной репрессии, и при необходимой корректировке практики его применения может использоваться еще эффективнее. В первоначальном варианте законопроекта, разработанного Верховным Судом РФ, предполагалось, что штраф может применяться не только судом, но и начальником органа дознания. При наличии оснований с ходатайством о применении штрафа на стадии досудебного разбирательства должны были выходить дознаватель (перед начальником органа дознания) или следователь (перед судом)¹. Однако законодатель пошел по пути назначения судебного штрафа как меры уголовно-правового характера только судом. Считаем такой подход необоснованно усложненным. На наш взгляд, вопрос об освобождении от уголовной ответственности и применении имущественных санкций, к которым относится штраф, мог бы вполне успешно разрешаться прокурором в случаях его возникновения в ходе предварительного расследования. А суд должен осуществлять контроль за решением прокурора в порядке ст. 125 УПК РФ, рассматривая жалобы сторон на его применение. Следует отметить, что в Республике Беларусь прокурор обладает правом освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности с назначением штрафа в досудебном производстве (ст. 30 УПК РБ, ст. 86 УК РБ). Такой подход оптимизирует процессуальные ресурсы и приближает процесс разрешения уголовно-правового конфликта к моменту совершения преступления. Приведем пример. Судья Анадырского районного суда Чукотского автономного округа рассмотрев ходатайство руководителя следственного органа – заместителя

– 63; Кудрявцева А. В. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102–110; Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106–114; Тисен О. Н. Судебный штраф: разъяснения ВС РФ и спорная практика // Уголовный процесс. 2019. № 10. С. 48-53 и др.

¹ См. об этом: Ворожцов С. А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Мировой судья. 2017. № 11. С. 15–23.

начальника СО МО МВД России «Анадырский» о прекращении уголовного дела в отношении Г. и назначении ей меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, возвратил материалы дела руководителю следственного органа ввиду того, что в соответствии с правилами о подсудности оно подлежит рассмотрению мировым судьей¹. Вопрос, который мог бы быть разрешен уже в ходе досудебного производства по делу переносится в стадию судебного разбирательства, а с учетом нарушения правил о подсудности его разрешение затягивается еще на некоторое время.

Следует отметить, что в науке уголовно-процессуального права уже звучали предложения об усилении роли прокурора в процедуре применения института судебного штрафа. Так, А. Л. Аристархов высказался за необходимость направлять материалы уголовного дела с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа прокурору, который, утвердив это постановление, определив подсудность, направит их в суд². М. Н. Гавриловой было предложено отнести прекращение уголовного преследования в соответствии со ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ к полномочиям прокурора при сохранении прерогативы суда назначать меры уголовно-правового характера в досудебном производстве³. Считаем такой подход нецелесообразным и излишне усложненным. Искусственное разделение процесса прекращения уголовного преследования и применение альтернативы наказанию и передача этих полномочий различным субъектам уголовного судопроизводства создает дополнительные сложности процессуального и организационного характера. Роль суда в этой ситуации сводится к формальному применению уголовно-правовой санкции, суд не

¹ Постановление Анадырского районного суда Чукотского автономного округа (дело №1-10/2019) // Архив Анадырского районного суда Чукотского автономного округа за 2019 г.

² См.: Аристархов А. Л. Возможности усиления позиции прокурора при применении института судебного штрафа // Законность. 2019. № 9. С. 25– 28.

³ См.: Гаврилова М. Н. Участие прокурора в рассмотрении судом вопросов о прекращении уголовного дела (уголовного преследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 15

касается вопросов обоснованности прекращения уголовного преследования, что представляется совершенно бессмысленным.

Полагаем, что вопросы и прекращения уголовного преследования, и применения штрафа должны быть отнесены к компетенции прокурора. Аналогичное решение прокурор мог бы принимать и в случае принятия законопроекта о введении дополнительных мер уголовно-правового характера в виде общественных работ и ограниченно оплачиваемых работ. Однако с данной позицией согласилось только 37,7% опрошенных судей, следователей и адвокатов¹. Причина кроется в традиционном подходе к способам разрешения уголовно-правовых конфликтов. Полагаем принципиально важным изменение подходов правоприменителей к способам разрешения уголовно-правовых конфликтов. В законодательстве целого ряда зарубежных стран существуют схожие институты, позволяющие применять имущественные и иные санкции как альтернативы уголовному преследованию в ходе досудебного производства. Так, согласно ч. 2 и 3 ст. 30 УПК Республики Беларусь, уголовное судопроизводство которой близко к российскому и типологически, и ментально, прокурор может прекратить уголовное преследование в ходе досудебного производства с применением мер административной ответственности или в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем.

Одним из весьма распространенных в Европе альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов является транзакция, которая представляет собой уплату определенной денежной суммы в доход государства. Следует отметить, что и в российской дореволюционной истории существовали нормы, представляющие собой отечественный вариант транзакции. Они устанавливали возможность прекращать уголовное преследование за проступки, наказываемые только штрафом, в случаях, если лицо возмещает причиненный ущерб и выплачивает денежную сумму в размере максимальной санкции (ст. 171

¹ См. приложение 2.

Правил «О производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям»¹.

И. Г. Смирнова предлагает ввести трансакцию «по тем категориям дел, по которым в качестве наказания предусмотрен штраф, и не затрагиваются интересы потерпевшего, либо его просто нет» (совершение впервые преступления в сфере экономической деятельности либо экологии при отсутствии квалифицирующих признаков)². Автор предлагает установить следующий механизм применения трансакции: суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа, дознаватель с согласия прокурора наделяются правом прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении указанных преступлений впервые, если до окончания предварительного расследования лицом выплачен предусмотренный санкцией соответствующей статьи УК РФ штраф и возмещен государству ущерб в полном объеме³. Трансакция широко применяется в Нидерландах, Бельгии, Франции и др. Согласно голландскому варианту трансакции прокурор может выдвинуть ряд условий для прекращения уголовного преследования: выплата в казну определенной денежной суммы; отказ от права на арестованные предметы, подлежащие конфискации или изъятию из обращения; отказ от предметов, подлежащих конфискации, или выплата государству их оцененной стоимости; полная или частичная компенсация ущерба, вызванного уголовным преступлением⁴. Бельгийский вариант трансакции предполагает, что прокурор в

¹ См.: Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997; Смирнова И. Г. Трансакция – действенное средство устранения вредных последствий совершенных преступлений: быть ли ей в российском уголовном процессе? // Российский судья. 2011. № 10. С. 14–16; Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 380–381.

² См.: Смирнова И. Г. Трансакция – действенное средство устранения вредных последствий совершенных преступлений: быть ли ей в российском уголовном процессе? // Российский судья. 2011. № 10. С. 14–16.

³ См.: Смирнова И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2012. С. 15.

⁴ См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 173–175; Реховский А. Ф. Трансакция в российском уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4. С. 94–99.

ходе досудебного производства определяет размер выплаты в казну (не более максимального размера штрафа за данное преступление) и срок его уплаты, он также может предложить обвиняемому компенсировать процессуальные издержки и передать государству предметы, подлежащие конфискации. Французская модель трансакции, часто именуемая штрафом по соглашению, применяется по делам о правонарушениях, за которые может быть назначено наказание менее 5 лет лишения свободы, при условии, что обвиняемый является совершеннолетним и признает свою вину. Прокурор вправе, не возбуждая уголовное преследование, предложить виновному совершить одно или несколько из следующих действий: выплатить штраф единовременно или в рассрочку в течение года; передать орудия преступления или предметы, полученные в результате преступной деятельности; передать на срок до шести месяцев водительские права; бесплатно выполнить общественные работы; пройти обучение на курсах. При достижении соглашения между обвиняемым и прокурором оно утверждается судом. Если в деле есть потерпевший, то обязательным условием является возмещение ему причиненного ущерба¹. В Шотландии аналогом трансакции является фискальный штраф, налагаемый прокуратором-фискалом. В случае его уплаты и компенсации потерпевшему уголовное преследование не осуществляется². Альтернативами уголовному преследованию в зарубежных странах также являются медиация³ и предупреждение. Различные виды предупреждения (неформальное, формальное, официальное предупреждение, предупреждение под условием) достаточно

¹ См. об этом: Реховский А. Ф. Трансакция в российском уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4. С. 94–99; Жданова Я. В., Крапчатова И. Н. Элементы трансакции в уголовном процессе РФ // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 114–121; Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 178–183; 183–188.

² См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 173–175.

³ См. об этом параграф 4 настоящей главы.

широко применяются в Великобритании¹.

В науке активно обсуждаются проблемы расширения круга альтернативных способов расширения уголовно-правовых конфликтов. Следует согласиться с А. А. Толкаченко о необходимости перевода некоторых видов освобождения от наказания в основания освобождения от уголовной ответственности с возможностью их применения на всех стадиях процесса. В частности речь идет об освобождении от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), а также освобождения от уголовной ответственности лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, впервые совершившего половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, если это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим) (примечание к ст. 134 УК РФ)².

С процессуальной точки зрения процедура применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов включает несколько этапов: принятие решения, его процессуальное оформление, исполнения и т.д. Как верно отмечалось О. В. Волынской, помимо главного вопроса - решения о прекращении уголовного дела, подлежат разрешению ряд дополнительных вопросов - об отмене меры пресечения, других мер уголовно-процессуального принуждения и т.д. Автор обоснованно указывает на необходимость законодательного установления «формы и содержания уведомления участников судопроизводства о принятом решении, процедуры их ознакомления с материалами прекращенного производства»³. Полагаем, что часть этих вопросов (о порядке уведомления, процедуре ознакомления) могли бы быть регламентированы нормативно-правовыми актами Генерального прокурора.

¹ См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 169-173.

² См.: Толкаченко А. А. Освобождение от уголовной ответственности. Как оценивать нормы и выбирать основания. Уголовный процесс. 2019. № 3. С. 27.

³ См.: Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 14.

Таким образом:

1. Важнейшими альтернативными способами разрешения уголовно-правовых конфликтов, которые могут широко применяться в ходе досудебного производства, являются прекращение уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим, ввиду деятельного раскаяния и с освобождение от уголовной ответственности с применением штрафа.

2. Основным способом расширения применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в соответствии с публичными интересами является переориентация органов уголовного преследования на необходимость максимально широкого применения института освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим прокурора необходимо наделить широкими полномочиями по контролю за применением альтернативных мер, а также возможностью прекращения уголовного преследования самостоятельно. Это существенно оптимизировало бы процесс применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также снизило риски злоупотребления полномочиями органов предварительного расследования.

3. Предлагается следующий механизм применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе предварительного расследования. Прекращение уголовного преследования следователем и дознавателем должно быть возможно только с согласия прокурора, в случае отказа следователя и дознавателя в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного преследования такой отказ может быть обжалован прокурору, который наделяется полномочиями по прекращению уголовного преследования, и может реализовать это право, в том числе, при рассмотрении жалобы. Также прокурор должен быть наделен правом прекращать уголовное преследование ввиду примирения с потерпевшим и деятельного раскаяния на этапе утверждения обвинительного заключения, обвинительного постановления и обвинительного акта вне зависимости от формы предварительного расследования.

4. Расширение применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов предполагает и активное информирование его участников, разъяснение им таких возможностей и прав заявить ходатайство о прекращении уголовного преследования, а также последствий этого.

5. Реализация права должностных лиц на прекращение уголовного преследования становится обязательной при установлении такой совокупности значимых обстоятельств уголовно-правового конфликта и сведений о личности обвиняемого, которая подтверждает наличие оснований прекращения уголовного преследования, соответствует задачам защиты публичных и частных правовых интересов и является целесообразной.

6. Объективизация критериев оценки возможности прекращения уголовного преследования должна осуществляться на совокупном анализе объективного (особенности объектов преступного посягательства, их количество и содержание) и субъективного критериев (изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим).

7. Оценка возможности прекращения уголовного преследования может быть осуществлена только на основе установления фактических обстоятельств дела в соответствии с предметом доказывания, установленным ст. 73 УПК РФ. Предоставление полномочий принимать решения о прекращении уголовного дела по своему усмотрению не дает права на вынесение произвольного, без учета требований законности, обоснованности и справедливости, решения.

8. Вопрос об освобождении от уголовной ответственности и применении имущественных санкций, к которым относится штраф, должен быть отнесен к компетенции прокурора.

9. Решения о применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе досудебного производства либо отказе в этом должны стать предметом судебного контроля.

§ 4. Перспективы совершенствования законодательства о примирении сторон в ходе досудебного производства по уголовным делам

Одним из перспективных направлений развития альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов во многих странах мира считается медиация¹, под которой, как правило, понимается процесс урегулирования уголовно-правового конфликта с участием посредника, оказывающего сторонам помощь в достижении консенсуса. Виды медиации, применяемой для урегулирования уголовно-правовых споров в зарубежной практике, весьма разнообразны². К их числу относят конференции между потерпевшим и обвиняемым с участием посредника, медиацию сторон без дополнительных участников, непрямую медиацию, отдельное обсуждение преступления с правонарушителем и его представителями, и с потерпевшим и его представителями³, «круги правосудия»⁴ и др. Весьма разнообразны и субъекты, выступающие в качестве инициаторов и посредников в данной процедуре. В зависимости от субъектов выделяют общественную, полицейскую, прокурорскую, судебную и другие виды медиации⁵. А. А. Арутюнян выделяет две модели медиации в зависимости от типа правовой системы: англо-саксонскую (медиация является проявлением восстановительной юстиции, рассматривается как общинный способ разрешения уголовно-правового конфликта и, не находит четкого законодательного регулирования) и континентальную (процессуальный институт, закрепленный в законодательстве, являющийся альтернативой

¹ Следует отметить, что ее применение может быть гораздо шире, медиация рассматривается не только в качестве альтернативной меры, но и как дополнению к традиционному уголовному преследованию. См., например: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 165–166.

² См.: Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 25.

³ См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 47.

⁴ См.: Барри Стюарт. Круги правосудия: медиация и консенсус «Смена мечей на орала». [Электронный ресурс]. URL: ru/wp-content/uploads/2014/09/ (дата обращения: 01.12. 2020).

⁵ См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 185, 170-171.

уголовному преследованию)¹. Л. М. Карнозова выделяет медиацию в рамках собственных полномочий и делегированную медиацию, осуществляемую под судебным контролем («полномочия по организации встреч жертвы и правонарушителя передаются компетентным организациям или лицам, которые занимаются медиацией, а официальный орган принимает решение о передаче дела для проведения подобной работы»)². Ю. А. Герасименко пишет, что основное различие между континентальной и англо-саксонской моделями медиации заключается в категориях дел (континентальная модель чаще всего применяется по делам частного обвинения)³.

В российском уголовном процессе медиация как таковая официально отсутствует, максимально приближенным к медиации является прекращение уголовного преследование в связи с примирением с потерпевшим, однако назвать его вариантом медиации нельзя, поскольку фактически отсутствуют специальные процедуры, направленные на примирение сторон, не предусмотрено также и составление примирительных соглашений⁴.

Отдельные программы восстановительного правосудия с элементами медиации применяются судами различных субъектов Российской Федерации в сфере ювенальной юстиции⁵. О. В. Кузьмина, проанализировав подобный опыт, применяемый судами Иркутской области, пришла к выводу, что функции медиатора фактически выполняли специалисты органов соцзащиты, психологи комиссий по делам несовершеннолетних и помощники судей, которые по поручению судьи выступали посредниками для самостоятельного примирения

¹ См.: Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 14.

² См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (дата обращения: 29.11. 2020).

³ См.: Герасименко Ю. А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 52.

⁴ См.: Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 26–27.

⁵ См.: Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

сторон, после чего составлялось примирительное соглашение. Это соглашение направлялось в суд, который принимал решение о прекращении уголовного дела или учитывал как смягчающее обстоятельство¹. О необходимости внедрения восстановительных технологий в производство по делам несовершеннолетних неоднократно писала и Е. В. Марковичева². Следует отметить, что в российской уголовно-процессуальной науке позиция о необходимости внедрения медиационных процедур и соглашений в производство по уголовным делам в целом, а не только по делам несовершеннолетних, представлена достаточно широко³. Как верно отмечает О. В. Кузьмина, отсутствие предусмотренных законом мер, направленных на оказание сторонам помощи в примирении, заглаживании вреда, «существенно снижает потенциал соответствующих мер уголовной политики», в то время как за рубежом существуют «механизмы активной помощи сторонам с целью их примирения и преодоления вредных последствий нарушения уголовного закона вне рамок уголовной репрессии»⁴.

К числу основных дискуссионных вопросов относительно возможных вариантов имплементации медиативных процедур в российский уголовный процесс относятся: место медиации в системе уголовного судопроизводства (будет ли она альтернативой уголовному преследованию либо дополнением к

¹ См.: Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // LEX RUSSICA. 2015. № 1. С. 56-57.

² Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

³ См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (дата обращения: 29.11. 2020); Качалова О. В. Медиация в уголовном судопроизводстве: опыт Республики Казахстан // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. видео-конф. (Чебоксары, 10 ноября 2020 г.). Чебоксары, 2020. С. 25–29; Шараева Я. А. Сравнительный анализ института примирения и медиации в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской Академии МВД России. С. 295; Герасименко Ю. А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 52–53

⁴ Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // LEX RUSSICA. 2015. № 1. С. 55–56.

традиционному производству)¹; порядок законодательной регламентации (будет ли она встроена в УПК РФ либо регулироваться отдельным законом); основания и условия ее применения (категории преступлений, применительно к которым она может осуществляться, а также условия применения); этап уголовного судопроизводства, на котором медиация может быть осуществлена; круг лиц, участвующих в медиации (в том числе, в качестве посредника); порядок возмещения вреда, причиненного преступлением. Не ставя перед собой задачи исчерпывающего разрешения всех вышеуказанных вопросов, остановимся лишь на имеющих непосредственное отношение к предмету настоящего исследования.

О необходимости закрепления примирительных процедур в российском уголовно-процессуальном законодательстве неоднократно говорилось в науке уголовно-процессуального права. М. А. Галимова выступает за необходимость оформления сторонами мирового соглашения - договора, составляемого в простой письменной форме между потерпевшим и обвиняемым, в котором отражается факт примирения сторон и сведения о принятии конкретных мер по заглаживанию вреда². О необходимости законодательного закрепления процедуры примирения, ее оснований, круга участников, сроков и способа фиксации результатов высказывался и А. А. Русман. По мнению автора, в УПК РФ следует закрепить начальную и завершающую стадию примирительного производства по делам публичного обвинения. Итоговым документом,

¹ Л. М. Карнозова пишет о медиации как альтернативе уголовному процессу, его части и дополнению. В первом случае дело направляется на медиацию до возбуждения уголовного дела, и при достижении соглашения и возмещении ущерба уголовное преследование не начинается. Медиация как часть уголовного процесса предполагает, что посредничество становится технологическим (внепроцессуальным) элементом судопроизводства, а последующая стадия судопроизводства учитывает результаты восстановительной программы. Медиация как дополнение к уголовному процессу используется после вынесения судебного решения, ее смысл не столько в юридических последствиях, сколько в удовлетворении моральных и эмоциональных потребностей сторон. См: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (дата обращения: 29.11.2020).

² См.: Галимова М. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 9.

завершающим примирительное производство, А. А. Русман называет примирительное соглашение, которое составляется посредником и должно заменить используемое в настоящее время заявление потерпевшего или его законного представителя о примирении.¹ За нормативную регламентацию процедуры примирения в рамках рекомендательного акта выступает Е. А. Рубинштейн. Он высказался за наделение лица, производящего расследование, обязанностью по ходатайству подозреваемого или обвиняемого и согласия потерпевшего организовать встречу для проведения примирительных процедур, дополнение УПК РФ нормой о форме и содержании примирительного соглашения, обязательности утверждения его судом и придания ему силы исполнительного листа, а также установления нового основания для приостановления производства по уголовному делу ввиду заключения «примирительного соглашения до полного исполнения обвиняемым (подозреваемым) принятых на себя обязательств». В случае, если обвиняемый (подозреваемый) не исполнил или ненадлежащим образом исполнил принятые на себя обязательства, уголовное дело продолжается в обычном порядке вплоть до вынесения приговора². Была высказана точка зрения о необходимости дополнения статьи 25 УПК РФ нормами, регулирующими порядок примирительного производства, куда будет включена процедура медиации³.

Ю. А. Герасименко пишет, что «введение института медиации потребует изменения уголовно-процессуального закона в целом, поскольку необходимо определить процессуальный статус медиатора, его права и обязанности, права и обязанности сторон, саму медиативную процедуру, ее правовые последствия и множество других вопросов, в частности, взаимодействие медиации и других

¹ См.: Русман А. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 10.

² Рубинштейн Е. А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

³ Шараева Я. А. Сравнительный анализ института примирения и медиации в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской Академии МВД России. С. 295.

уголовно-процессуальных институтов¹. Ряд исследователей выступают за принятие отдельного закона о медиации². Полагаем возможным согласиться с данной позицией и принять аргументы, которые в общем виде заключаются в том, что достаточно жесткие рамки уголовного судопроизводства не всегда предполагают возможность встраивания в них примирительных процедур, внутренняя логика медиации не всегда совпадает с принципами уголовного судопроизводства. Как верно пишет И. Г. Смирнова, разделение уголовного судопроизводства и медиации «позволит сторонам не рассматривать медиацию как неотъемлемую часть уголовного судопроизводства с присущим ему принудительным характером», «разделение медиации и традиционного судопроизводства дает такие преимущества, как добровольность медиации, право на выбор посредника, минимум формальностей при посредничестве, самостоятельное непосредственное участие в выработке итогового решения, исключительная добровольность исполнения решения»³. К. Сесар писал о необходимости создания автономной системы восстановительной юстиции, полагая, что в противном случае инструментарий восстановительной юстиции не будет применяться или будет применяться главным образом в декоративных целях; либо же механизмы восстановительной юстиции будут превращены в карательные⁴.

Применительно к российским условиям А. А. Арутюнян рассматривает медиацию как дополнительную меру уголовно-процессуального характера, направленную на достижение примирения между обвиняемым и потерпевшим с целью прекращения уголовного преследования или вынесения судебного

¹ Герасименко Ю. А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 53.

² См.: Воскобитова Л. А. Доктринальный проект модельного закона субъекта Российской Федерации «О службе примирения» // Мировой судья. 2007. № 1. С. 25-30; Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 135.

³ Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 135.

⁴ См.: Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Известия вузов. Правоведение. 1998. № 4. С. 171.

решения в упрощенном порядке с учетом соглашения, достигнутого сторонами. Автор полагает, что медиация на досудебной стадии может явиться основанием для прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим¹. И. Г. Смирнова пишет о том, что во избежание слома имеющейся системы оснований прекращения производства по уголовному делу, целесообразно было бы внедрение медиации как процесса, положительный результат которого обуславливает окончание производства по делу². Полагаем возможным согласиться с данной позицией. Предложения о необходимости введения дополнительного основания для приостановления производства по делу в связи с осуществлением медиации, представляются весьма здравыми³. При этом важно понимать, что соглашение не должно заключаться под условием будущего возмещения вреда. Полагаем, что с инициативой о проведении медиации в ходе досудебного производства могут выступить стороны, а также дознаватель, руководитель подразделения дознания, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор. Важным условием проведения медиации являются ее добровольность, при этом участие в медиации не следует расценивать как факт признания вины. Л. М. Карнозова очень точно указывает, что добровольность участия правонарушителя означает лишь признание им ответственности и готовности загладить причиненный ущерб⁴. Необходимым условием медиации является признание сторонами всех основных обстоятельств дела. Его отсутствие ставит возможность медиации под сомнение.

А. А. Арутюнян вполне обоснованно пишет о том, что участие в медиации

¹ Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 14.

² См.: Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 135.

³ См.: Нагуляк М. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 8; Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 135.

⁴ См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (дата обращения: 29.11. 2020).

должно быть «правом сторон, которым они могут воспользоваться по своему усмотрению при наличии оснований и условий для ее проведения при обязательном законодательном закреплении обязанности лица, ведущего производство по делу, разъяснить сторонам их право на проведение процедуры медиации и последствия применения данной процедуры». Вопрос о применении медиации, по мнению автора, не может быть поставлен в зависимость от волеизъявления должностного лица, ведущего производство по делу¹. Если медиация прекращается (полагаем, что стороны в любой момент могут отказаться от участия в данной процедуре), медиатор должен незамедлительно направить органу, в производстве которого находится уголовное дело, соглашение об урегулировании спора (содержанием которого являются признание факта примирения, меры по заглаживанию причиненного потерпевшему вреда - принесенные извинения, денежные выплаты, проведенные работы и оказанные услуги, возмещение имущества в натуре и т.д.) либо уведомление о прекращении медиации. Исполнение заключенного соглашения должно повлечь прекращение уголовного преследования, прекращение медиации – возобновление производства по делу. Следует согласиться с предложениями о необходимости введения нового основания для прекращения уголовного преследования – в связи с заключением примирительного соглашения².

А. А. Арутюнян справедливо отмечает, что в законе должны быть определены «критерии применимости медиации; полномочия должностных лиц по назначению процедуры медиации; процессуальный порядок ее назначения; обязанность компетентных должностных лиц разъяснить сторонам право на проведение процедуры медиации с целью примирения; процессуальные последствия процедуры медиации как в случае достижения примирительного

¹ См.: Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 15.

² См.: Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. №350. С. 136; Рубинштейн Е. А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

соглашения, так и в случае, когда стороны не смогут прийти к примирению. Законом также должен быть урегулирован порядок передачи дела на процедуру медиации»¹. К числу важнейших условий медиации следует относить независимость и непредвзятость медиатора, конфиденциальность процесса примирения. Е. В. Кузбагарова выделяет этапы примирительной процедуры: изучение материалов уголовного дела; встречи с потерпевшим и обвиняемым; определение посредника; встреча посредника с потерпевшим и обвиняемым; встречи для примирения; составление мирового соглашения; проверка выполнения условий мирового соглашения. По мнению автора, мировое соглашение должно иметь обязательную силу для участников примирения. В случае невыполнения обязательств в части возмещения ущерба потерпевшему должна быть предоставлена возможность возобновления производства по уголовному делу.²

Широкая дискуссия в отечественной юридической науке развернулась вокруг возможного круга лиц, уполномоченных инициировать и осуществлять процедуру медиации. Ряд исследователей выступает за широкое привлечение адвокатов к осуществлению переговоров и заключения соглашений. По их мнению, адвокат может участвовать в разработке примирительного соглашения, и наблюдении за примиряющимися сторонами и медиатором с целью соблюдения прав и интересов доверителя³. В. Ф. Яковлев выступал за возможность участия в качестве посредника (медиатора) судьи с участием помощника⁴. Такая позиция

¹ См.: Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 13.

² См.: Кузбагарова Е. В. Особенности прекращения дел в связи с примирением сторон в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003. С. 8.

³ См.: Понасюк А. М. Медиация и адвокат: новое направление адвокатской практики. М., 2012; Самолаева Е. Ю. Применение норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при производстве дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 153–155.

⁴ Интернет-интервью с В. Ф. Яковлевым, Советником Президента РФ, доктором юридических наук, профессором права, и Ц. А. Шамликашвили, президентом Научно-методического центра медиации и права: «Об альтернативных методах разрешения споров и их значении в условиях гражданского общества». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/yakovlev3/> (дата обращения: 10.12.2020).

вызывала критику ввиду того, что суд будет выполнять несвойственные ему функции (посредник не принимает решения по существу спора, а лишь оказывает сторонам помощь в разрешении конфликта), что приведет к увеличению нагрузки. Кроме того, сроки рассмотрения дел не позволят суду уделить необходимое и достаточное внимание процедуре примирения сторон¹. Были высказаны и предложения о выполнении функции медиаторов нотариусом, органами исполнительной власти, должностными лицами, ответственными за производство по уголовному делу. Чаще всего звучат предложения о необходимости разрешения конфликта с участием профессионального посредника, прошедшего специальные курсы обучения, обладающего навыками разрешения споров, знаниями в области психологии и конфликтологии². О. В. Кузьмина пишет о том, что «деятельность медиатора должна быть объективной, беспристрастной, независимой от сторон и лица, ведущего процесс, незаинтересованной в условиях заключаемого соглашения, конфиденциальной и безвозмездной»³. А. А. Арутюнян полагает, что «медиация должна осуществляться медиаторами, входящими в специализированные объединения медиаторов как на штатной, так и на внештатной основе»⁴. Л. А. Воскобитова выступает за «создание службы примирения как самостоятельного структурного подразделения исполнительного органа субъекта РФ, осуществляющего организационное обеспечение деятельности мировых судей в субъекте РФ»⁵. Е. В. Марковичева пишет о необходимости установления для профессиональных примирителей этических принципов и правил участия в судопроизводстве, а также требований к их

¹ Нагуляк М. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

² См., например: Нагуляк М. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012; Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 и др.

³ Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // LEX RUSSICA. 2015. № 1. С. 56.

⁴ См.: Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 14.

⁵ См.: Воскобитова Л. А. Доктринальный проект модельного закона субъекта Российской Федерации «О службе примирения» // Мировой судья. 2007. № 1. С. 25–30.

подготовке, опыту, уровню квалификации¹.

О необходимости участия в процессе медиации профессиональных посредников говорит и Л. М. Карнозова: «... сторонам трудно освободиться от негативных эмоций и расстаться с состязательной позицией, с желанием победить, ...основная задача медиатора – превратить столкновение в процесс переговоров, обсуждения. Согласно классической модели переговоров лежат разграничение людей и проблемы; сосредоточение не на декларируемых позициях, а на истинных интересах; определение взаимовыгодных вариантов возможных решений; использование объективных критериев оценки решения». Медиатор не допускает усугубления конфликта, обеспечивает психологическую и физическую безопасность². При этом необходимо понимать, что службы медиации «становятся элементами правовой системы только при взаимодействии с правоохранительными органами и судами, официально получая случаи для проведения встреч и докладывая о результатах»³.

Следует отметить, что круг лиц, привлекаемых к посредничеству в процессе медиации в зарубежных странах весьма широк. Это специализированные службы медиации, вспомогательные службы, занимающиеся пробацией и компенсацией жертвам правонарушений, посреднические советы, неправительственные организации, полиция, судьи (в том числе, судьи в отставке) прокуроры, общественные советы, волонтеры, традиционные общины и т.д. Широкое распространение в последние годы в отдельных странах начинают получать традиционные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов. Л. М. Карнозова пишет о «мировой тенденции, проявляющейся в повышенном интересе к традиционным способам разрешения споров и конфликтов и их увязывании с системами официальной юстиции», возрождении некоторых

¹ См.: Марковичева Е. В. Перспективы внедрения в российский уголовный процесс специальных примирительных процедур // Российское правосудие. 2020. № 9. С. 99–104.

² Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (дата обращения: 29.11. 2020).

³ Там же.

обычаев¹. Так, в Республике Казахстан вопросами медиации, в том числе, занимаются Дома дружбы при Ассамблее народа Казахстана и советы биев, создаваемые при местных органах власти². Советы биев создаются, в том числе, в целях развития способов внесудебного урегулирования споров, сохранения стабильности в обществе, модернизации общественного сознания путем возрождения навыков предков по мирному разрешению споров как одного из видов примирительных процедур³.

Рассматривая возможные варианты определения лиц, которые могли бы эффективно осуществлять медиацию в российском уголовном судопроизводстве, необходимо отметить следующее. Безусловно, идеальным вариантом инклюзивной медиации в уголовном судопроизводстве было бы участие профессиональных медиаторов, которые избираются сторонами конфликта. Однако необходимо понимать, что особенности российского судопроизводства таковы, что приоритет, как правило, всегда отдается официальным способам разрешения конфликтов. Л. В. Головки вполне обоснованно пишет, что в России вряд ли будут работать нормы, позволяющие должностным лицам, ответственным за производство по уголовному делу, возлагать заботу по примирению сторон на общественные организации или отдельных волонтеров и принимать процессуальные решения о движении дела в зависимости от успеха их действий⁴. Косвенным подтверждением данной позиции выступает низкая популярность медиации в других видах российского судопроизводства. С 2009 г. в России действует Всероссийская ассоциация восстановительной медиации, в которую входят представители нескольких десятков российских регионов, однако

¹ Там же.

² См.: Качалова О. В. Медиация в уголовном судопроизводстве: опыт Республики Казахстан // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. видео-конф. (Чебоксары, 10 ноября 2020 г.). Чебоксары, 2020. С. 25–29.

³ <https://www.zakon.kz/4964255-sovet-biev-vozvrat-k-istokam-k.html> (дата обращения: 15.09.2020).

⁴ См.: Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 375.

ее деятельность не является широко известной, и фактически осуществляется параллельно с официальным судопроизводством. Это означает, что вариант широкого привлечения для участия в примирительных процедурах негосударственных структур в России не имеет реальных перспектив. Решение проблемы видится в привлечении к примирительным процедурам официальных органов уголовной юстиции. Следует отметить, что идеи примирения с помощью суда развиваются в России в других видах судопроизводства. Законом от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ введены новые нормы, устанавливающие виды, порядок и сроки проведения примирительных процедур, требования к судебным примирителям. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 года № 41 был утвержден Регламент проведения судебного примирения¹. Идеи судебного примирения весьма успешно реализуются в Казахстане. В рамках проекта «Примирительные процедуры в судах» ряд судей прошли специальное обучение по программам медиации и разрешения конфликтов и стали осуществлять примирительные процедуры в ходе официального судопроизводства. Судья, специализирующийся на примирительных процедурах, в течение пяти суток после поступления уголовного дела в суд либо принятия жалобы по делу частного обвинения, приглашает стороны и проводит примирительную процедуру. Эту процедуру он может провести сам либо пригласить профессионального медиатора. Практика показывает, что стороны, как правило, доверяют судье в силу его должностного статуса. Согласно представленным данным, за 9 месяцев 2019 года судьей-примирителю поступило 96 уголовных дел в отношении 111 лиц, по итогам примирительной процедуры по 69 уголовным делам при содействии профессионального медиатора заключены соглашения об урегулировании конфликта в порядке медиации, производство по 27 уголовным делам прекращено ввиду заглаживания причиненного преступлением вреда и примирения подсудимых с потерпевшими². Опыт Казахстана, безусловно, заслуживает,

¹ URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/28380/> (дата обращения: 12.09.2020).

² URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39342894 (дата обращения: 12.09.2020).

пристального внимания.

Полагаем, что в российских условиях вопросы примирения сторон могли бы быть реализованы в ходе досудебного производства по уголовным делам¹. При этом контроль за процедурой примирения должен осуществляться именно официальными лицами. Наиболее приемлемой для этого фигурой представляется прокурор. Осуществляя общее руководство досудебным производством, выполняя правозащитную функцию, обеспечивая защиту публичных интересов в уголовном судопроизводстве, именно прокурор будет наиболее эффективной фигурой для руководства процессом осуществления медиации. Немаловажным, на наш взгляд, является и то обстоятельство, что участие прокурора означает причастность государства к разрешению конфликта, предполагает безвозмездность для участников конфликта (в случае же участия профессионального медиатора или адвоката стороны могут нести материальные затраты за оказанные услуги). Именно прокурор как никто другой сможет соблюсти публичные интересы в процессе примирения, в том числе, в наибольшей степени учесть позицию потерпевшего. Следует согласиться с мнением о том, что на практике в схожих жизненных ситуациях могут применяться различные основания прекращения уголовного преследования, при которых может как учитываться, так и не учитываться мнение потерпевшего и его интересы. Согласно проведенному исследованию, «в тех случаях, когда есть формальные условия для использования любого из рассматриваемых оснований, но потерпевший ... не желает примириться с обвиняемым, следователи (дознаватели) беспрепятственно применяют положения ст. 28 УПК РФ». Выбор при этом происходит не в пользу потерпевшего: 85,2% опрошенных следователей и дознавателей признаются в том, что в случаях коллизии их интересов с интересами потерпевших они принимают решение, которое не требует выяснения мнения потерпевшего»². Прокурор, наделенный правом инициирования

¹ См.: Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 27-28.

² См.: Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве. М., 2017. С. 189.

примирительных процедур, может в наибольшей степени учесть позицию потерпевшего и избрать наиболее приемлемый вариант прекращения уголовного преследования.

Л. М. Карнозова пишет о том, что важным элементом программ восстановительного правосудия является решение проблем, способствовавших преступлению (в повестку дня медиативной встречи ставится вопрос: «Что нужно сделать, чтобы подобное не повторилось?»), и в примирительный договор включаются, помимо соглашения о заглаживании вреда, решение о прохождении реабилитационных программ, лечения и т.д.)¹.

Полагаем, что данный вопрос наиболее успешно мог бы быть разрешен с участием прокурора как властно уполномоченного представителя государства. Особенностью медиации по уголовным делам является «несимметричность сторон» - предполагается, что на правонарушителе лежит обязательство по заглаживанию вреда. Как верно пишет Л. М. Карнозова, медиатор, оставаясь беспристрастным, не должен быть безразличным к факту правонарушения². В этой ситуации осуществление медиации также логично поручить прокурору.

Следует отметить, что положительный опыт участия прокурора в медиативных процедурах существует в ряде стран Европы. Так, в Бельгии прокурор может предлагать сторонам конфликта варианты его урегулирования, а затем утверждает достигнутое и подписанное соглашение, он лично контролирует ход медиационных процедур и принимает все решения. С участием прокурора определяются порядок, размер и сроки возмещения вреда, прокурор может предложить пройти в течение шести месяцев курс лечения, профессионального обучения или выполнить работы в общественных интересах. Если предложенные

¹ См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (дата обращения: 29.11. 2020).

² См.: Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (дата обращения: 29.11. 2020).

условия не принимаются – прокурор может возбудить уголовное преследование. Процедура медиации состоит из стадий отбора дел; подготовительной (не менее трех месяцев); слушания дела с составлением протокола (там фиксируется либо невозможность достижения компромисса, либо условия соглашения); исполнение соглашения. Проект соглашения, а также помощь в проведении медиации, осуществляется помощником прокурора по медиации¹. Во Франции инициатива о медиации может исходить от прокурора, который принимает решение, исходя из интересов обвиняемого, потерпевшего и общества², процедура примирения проводится прокурором самостоятельно («судебная медиация») либо делегируется посреднику («общественная медиация»)³. В Швейцарии прокурор вправе вызвать заявителя и обвиняемого на слушания с целью добиться их примирения и возмещения причиненного ущерба. Достигнутое примирение оформляется протоколом, после чего прокурор прекращает производство по делу (ст. 316 УПК Швейцарии)⁴.

Выступая за наделение прокурора полномочиями по руководству и осуществлению медиации, следует отметить, что данный участник процесса должен руководить процессом медиации, помощь в осуществлении этой деятельности должен осуществлять помощник прокурора по медиации, прошедший специальное обучение. Вместе с тем необходимо понимать, что разнообразие жизненных ситуаций и уголовно-правовых конфликтов весьма велико, в ряде случаев уголовно-правовой конфликт может быть достаточно сложным, громоздким и длительным по разрешению. В этом случае к процессу медиации могут быть подключены профессиональные медиаторы. Это

¹ См.: Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 181-183.

² Ст. 41-1–ст. 41-3 УПК Французской Республики. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006167418/#LEGISCTA000006167418 (дата обращения: 11.02.2021)

³ См.: Герасименко Ю. А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 52–53; Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск, 2015. С. 185.

⁴ См.: Трефилов А. А. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года. М., 2012, с. 135.

предполагает, что в каких-то случаях прокурор может провести процесс медиации самостоятельно, а в других – ввиду особенностей уголовно-правового конфликта и специфики его участников – проведение переговоров целесообразнее было бы поручить профессионально подготовленным медиаторам. В последнем случае можно говорить о делегированной медиации. В любом случае процесс примирения должен находиться под контролем прокурора, который в конечном итоге должен утверждать примирительное соглашение¹. Включение делегированной медиации в систему производства по уголовным делам потребует появления нового участника уголовного судопроизводства – медиатора. По своим функциям он должен быть отнесен к иным участникам уголовного судопроизводства. Объем полномочий, предоставляемых медиатору, должен позволять ему реализовать функцию примирения сторон. Для этого прокурор должен предоставлять медиатору материалы дела, необходимые для разрешения конфликта, а медиатор наделен правом знакомиться с этими материалами. Данные материалы должны содержать сведения о совершенном преступлении, участниках уголовно-правового конфликта и т.п. Тайна следствия в этой ситуации может быть обеспечена посредством предупреждения медиатора об уголовной ответственности за разглашения данных предварительного расследования. К числу прав медиатора также должны быть отнесены право встречаться с участниками уголовного судопроизводства, являющихся сторонами конфликта, наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности встреч; вести переговоры; содействовать сторонам в достижении соглашения. И. Г. Смирнова вполне обоснованно полагает, что «медиатор должен быть наделен свидетельским иммунитетом постольку, поскольку стороны примирительного производства могут сообщить ему сведения, имеющие значение для дела, образующие предмет охраняемой законом тайны»². М. В. Нагуляк было предложено наделить участников медиации широким кругом полномочий:

¹ См.: Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 28.

² Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 136.

выбирать медиатора и заявлять ему отвод; высказывать свое мнение по поводу уголовно-правового конфликта и процесса медиации; задавать вопросы друг другу; пользоваться услугами защитника и представителя; самостоятельно предлагать варианты разрешения конфликта, способы и сроки заглаживания вреда и др.¹. Соответственно прокурор также должен быть наделен полномочиями, необходимыми для проведения и руководства медиацией, в том числе, полномочиями по проведению переговоров и утверждению медиативных соглашений. С таким предложением согласилось 51,1% опрошенных судей, прокуроров и адвокатов². Это означает, что уже половина правоприменителей готова к восприятию предлагаемой модели.

Внедрение медиативных технологий в уголовное судопроизводство потребует их регулирования на уровне отдельного закона, подготовки лиц, участвующих в судопроизводстве в качестве медиаторов, а также создания их профессионального объединения. Следует отметить, что во многих странах определены профессиональные стандарты подготовки медиаторов. Так, например, в Казахстане правила обучения медиаторов утверждены Постановлением Правительства Республики Казахстан³.

Определяя круг дел, по которым может осуществляться медиация, необходимо отметить, что единства в данном вопросе среди представителей уголовно-процессуальной науки не наблюдается. Е. В. Кузбагарова полагает, что примирительные процедуры могут осуществляться только в том случае, когда преступление было направлено исключительно на частные интересы личности, поскольку иное решение противоречило бы публичным началам уголовного

¹ См.: Нагуляк М. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 9.

² См. приложение 2.

³ Постановление Правительства Республики Казахстан № 770 от 03.07.2011 Об утверждении Правил прохождения обучения по программе подготовки медиаторов. [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-kz.com/norm_akt/source-%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/type-%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5/770-03.07.2011.htm (дата обращения: 12.12. 2020).

процесса¹. Ряд исследователей полагают, что медиативные процедуры в уголовном процессе возможны исключительно по делам частного обвинения². Позволим себе не согласиться с данной позицией. Публичный интерес, как уже отмечалось ранее, в ряде случаев может заключаться в разрешении уголовно-правового конфликта наиболее мягким «мирным» путем. Восстановление прав потерпевшего, социализация лица, совершившего преступление, процессуальная экономия в случаях, когда совершенное преступление не затрагивает общество и его интересы существенным образом, являются приоритетными по сравнению с традиционным осуждением.

И. Г. Смирнова полагает, что медиация может успешно применяться при производстве по уголовным делам о преступлениях против собственности, поскольку это связано с формой возмещения причиненного вреда³. А. А. Арутюнян полагает возможным распространить медиацию на «преступления небольшой или средней тяжести, в определенных случаях - к категории тяжких преступлений (преступления против собственности, а также изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера без отягчающих обстоятельств). Автор исключает возможность применения медиации по делам о преступлениях, повлекших необратимые последствия, в первую очередь, причинение смерти»⁴.

А. С. Василенко было предложено заимствовать практику США в части поощрения судом и прокурором посреднических процедур по любым уголовным делам, если они усматривают от них пользу. При этом, по мнению автора, вопрос об ответственности и наказании должен оставаться в ведении суда, а факт успешной медиации, завершившейся примирением сторон, просто учитывается

¹ См.: Кузбагарова Е. В. Особенности прекращения дел в связи с примирением сторон в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003. С. 8.

² См.: Герасименко Ю. А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 54.

³ См.: Смирнова И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 136.

⁴ См.: Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 14.

судом¹. Французский вариант медиации не ограничивается какими-то категориями дел, инициатива исходит от прокурора, который принимает решение о медиации, исходя из интересов обвиняемого, потерпевшего и общества². Примириательные процедуры в Германии ограничены определенным кругом дел (нарушение неприкосновенности жилища, служебных помещений, тайны переписки; оскорбление, угроза причинении имущественного ущерба и др.). Возбуждение обвинения допускается только после неудавшегося примирения с помощью посреднических органов, назначенных местным управлением юстиции³. Швейцарская модель медиации ограничена узкой категорией составов преступлений, в качестве примирителя выступает прокуратура, общественные и правозащитные организации действуют внепроцессуально. Медиация является альтернативой возбуждению уголовного судопроизводства⁴. В Казахстане медиация возможна при совершении уголовного проступка или преступлений небольшой или средней тяжести, не связанных с причинением смерти (ч. 1 ст. 68 УК РК). В ряде случаев медиация применяется и при совершении впервые тяжкого преступления, не связанного с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека; к этой категории относятся несовершеннолетние, беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей, женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет, впервые совершившие тяжкое преступление, если загладили причиненный вред (ч. 2 ст. 68 УК РК).

Определяя круг уголовно-правовых конфликтов, которые могли бы быть разрешены посредством медиации, необходимо, на наш взгляд, исходить, как уже

¹ См.: Василенко А. С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права: дис. . канд. юрид. наук. М., 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/mediatsiya-i-drugie-programmy-vosstanovitelnogo-pravosudiya-v-ugolovnom-protsesse-stran-angl> (дата обращения: 14.08. 2020).

² См.: Герасименко Ю. А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 55.

³ См.: Герасименко Ю. А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 55.

⁴ См.: Трефилов А. А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии 2007 года: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 18.

отмечалось ранее, из разумного сочетания частных и публичных правовых интересов, которые должны быть учтены при такой форме разрешения уголовно-правовых конфликтов. Решение о проведении медиации должно приниматься прокурором с учетом конкретных обстоятельств дела, значимости затронутых интересов в рамках, определенных законом. Полагаем, что процедура медиации может быть применима при совершении преступлений небольшой и средней тяжести, а также в отношении некоторых совершенных впервые тяжких преступлений (преступления экономического характера, преступления против половой свободы и неприкосновенности, преступления против здоровья и т.п., за исключением преступлений, повлекших смерть потерпевшего). Принятие решения о медиации должно осуществляться прокурором при установлении такой совокупности значимых обстоятельств уголовно-правового конфликта и сведений о личности обвиняемого, которая подтверждает наличие оснований прекращения уголовного преследования, соответствует задачам защиты публичных и частных интересов, является целесообразной, и не исключает возможности заглаживания вреда и примирения с потерпевшим¹. Полагаем необходимым в систему оснований прекращения уголовного преследования ввести дополнительное основание – прекращение уголовного преследования в связи с заключением примирительного соглашения. Оно будет применяться в случае успешного завершения процесса медиации. В отличие от прекращения уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим, данное основание будет применяться по более широкому кругу дел, в отношении которых возможна медиация. С таким подходом согласилось большинство (76,7 %) опрошенных судей, прокуроров и адвокатов².

Следует также согласиться с А. А. Арутюнян в вопросе о необходимости последующего расширения сферы применения медиации посредством предоставления «компетентным органам и должностным лицам права отказаться

¹ См.: Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 29.

² См. приложение 2.

от возбуждения уголовного дела при достижении сторонами уголовно-правового конфликта примирительного соглашения»¹.

Таким образом:

1. Одним из перспективных направлений развития альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов является медиация, под которой, как правило, понимается процесс урегулирования уголовно-правового конфликта с участием посредника, оказывающего сторонам помощь в достижении консенсуса.

2. С учетом особенностей российского судопроизводства, в котором приоритет отдается официальным способам разрешения конфликтов, контроль за процедурой медиации в ходе досудебного производства по делу должен осуществлять прокурор. Участие прокурора означает причастность государства к разрешению конфликта, предполагает безвозмездность для участников конфликта, именно прокурор, как никто другой, сможет соблюсти публичные интересы в процессе примирения, в наибольшей степени учесть позицию потерпевшего.

3. Прокурор должен руководить процессом медиации, помощь в осуществлении этой деятельности ему будет оказывать помощник прокурора по медиации, прошедший специальное обучение. В случае, если уголовно-правовой конфликт достаточно сложный, громоздкий и длительный по разрешению, к процессу медиации могут быть подключены профессиональные медиаторы (делегированная медиация). В любом случае процесс примирения должен находиться под контролем прокурора, который в конечном итоге утверждает примирительное соглашение. Прокурор должен быть наделен полномочиями, необходимыми для проведения и руководства медиацией, в том числе, полномочиями по проведению переговоров и утверждению медиативных соглашений.

4. Внедрение медиативных технологий в уголовное судопроизводство потребует их регулирования на уровне отдельного закона, подготовки лиц,

¹ Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 15.

участвующих в судопроизводстве в качестве медиаторов, а также создания их профессионального объединения.

5. Решение о проведении медиации должно приниматься прокурором с учетом конкретных обстоятельств дела, значимости затронутых интересов в рамках, определенных законом. Процедура медиации может быть применима при совершении преступлений небольшой и средней тяжести, а также в отношении некоторых совершенных впервые тяжких преступлений (преступления экономического характера, преступления против половой свободы и неприкосновенности, преступления против здоровья и т.п., за исключением преступлений, повлекших смерть потерпевшего). Принятие решения о медиации должно осуществляться прокурором при установлении такой совокупности значимых обстоятельств уголовно-правового конфликта и сведений о личности обвиняемого, которая подтверждает наличие оснований прекращения уголовного преследования, соответствует задачам защиты публичных и частных интересов, является целесообразной, и не исключает возможности заглаживания вреда и примирения с потерпевшим.

6. В систему оснований прекращения уголовного преследования необходимо ввести дополнительное основание – прекращение уголовного преследования в связи с заключением примирительного соглашения. Оно будет применяться в случае успешного завершения процесса медиации. В отличие от прекращения уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим, данное основание будет применяться по более широкому кругу дел.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что уголовно-процессуальное законодательство, определяющее обеспечение публичных правовых интересов посредством применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также практика его применения, нуждаются в совершенствовании с учетом теоретических подходов, разработанных и обоснованных в настоящем диссертационном исследовании.

Публичные правовые интересы – это признаваемые государством и урегулированные нормами права социальные потребности, направленные на достижение общественных благ, удовлетворение которых обеспечивает целостность, устойчивость и поступательное развитие общества. Защита интересов общества и государства осуществляется посредством выстроенной системы уголовного судопроизводства, которое носит публичный характер. Содержание публичного правового интереса в уголовном процессе составляют:

- реализация такого режима расследования и разрешения уголовных дел, который позволяет обеспечить защиту общества от преступных посягательств;
- охрана прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность;
- отказ от применения избыточных мер ответственности к лицам, совершившим преступления, использование альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

В стадии возбуждения уголовного дела публичный правовой интерес заключается в установлении необходимости (либо ее отсутствия) возбуждения уголовного дела и уголовного преследования конкретного лица, что достигается посредством проведения объективной проверки сообщения о преступлении, охране прав участников этой проверки. В стадии предварительного расследования содержание публичного интереса составляют: своевременное и объективное, осуществляемое по предусмотренным законом правилам установление обстоятельств совершенного общественно опасного деяния, виновность лица, его

совершившего, данных о личности виновного, а также иных обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и входящих в предмет доказывания; обеспечение прав участников предварительного расследования, обоснованное применение мер уголовно-процессуального принуждения при возникновении такой необходимости; обеспечение возмещение вреда, причиненного потерпевшему; своевременное прекращение уголовного преследования (уголовного дела) при выявлении к тому оснований.

Систему обеспечения публичных правовых интересов составляют субъекты, объект, права и обязанности субъектов, способы защиты публичных интересов. Субъектами обеспечения публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам являются должностные лица, ответственные за производство по делу и (или) имеющие властно-распорядительные полномочия. К ним относятся следователь, руководитель следственного органа, прокурор, орган дознания, дознаватель, начальник подразделения дознания, суд. Полномочия субъектов обеспечения публичных интересов вытекают из выполняемых ими функций и строго регламентированы уголовно-процессуальным законом. Органы предварительного расследования обеспечивают защиту публичных интересов на первичном уровне. Вторичный, более высокий уровень охраны публичных правовых интересов, подлежит обеспечению прокурором, поскольку он утверждает основные итоговые решения органов расследования. Публичность уголовного судопроизводства и роль прокурора как представителя государства детерминирует многофункциональность этого участника процесса. Данный участник уголовного судопроизводства является основным субъектом, который должен обеспечивать публичные интересы в досудебном производстве по уголовным делам с учетом их разнообразия. Прокурор должен быть наделен необходимым процессуальным инструментарием для полноценной реализации всех функций и возможностью обеспечить всю полноту публичных интересов в ходе досудебного производства по уголовному делу. Суд фактически обеспечивает публичные правовые интересы на дополнительном (субсидиарном) уровне.

Способы защиты публичных правовых интересов представляют собой совокупность и порядок действий, используемых для решения данной задачи. Анализ многообразных способов защиты публичных интересов в досудебном производстве по уголовным делам позволяет их классифицировать по субъектам, функциональной направленности, характеру, этапам реализации.

Важнейшими способами обеспечения публичных правовых интересов в досудебном уголовном судопроизводстве являются:

- рассмотрение сообщений и заявлений о совершенных и готовящихся преступлениях с последующим процессуальным решением о возбуждении уголовного дела либо отказе в этом;

- обеспечение своевременного и эффективного предварительного расследования;

- обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

- применение процессуально-обеспечительных мер (мер принуждения, попечения о детях, иждивенцах и имуществе лиц, заключенных под стражу);

- рассмотрение жалоб на действия и решения должностных лиц, ответственных за досудебное производство по уголовному делу;

- своевременное прекращение уголовного преследования в отношении лиц, совершивших преступление, не нуждающихся в применении к ним наиболее строгих мер уголовной ответственности.

Публичные правовые интересы в уголовном судопроизводстве могут быть реализованы не только посредством традиционного уголовного преследования и осуждения виновного, но и с помощью альтернативных мер, которые направлены на минимизацию уголовной репрессии в ситуациях, когда общество не заинтересовано в осуждении и наказании преступника, загладившего причиненный ущерб. Альтернативные меры могут применяться лишь тогда, когда они являются более предпочтительными по сравнению с традиционным осуждением. Целесообразность применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов обусловлена, в том числе, тем, что

они значительно рационализируют используемые при этом процессуальные ресурсы, существенным образом ускоряют уголовное судопроизводство, позволяют избежать стигматизации лица, совершившего преступление.

Отказ от возбуждения уголовного дела и применение альтернативных мер необходимы в случаях, когда бремя расследования совершенного преступления несопоставимо с полученным результатом, лицо перестало быть общественно опасным и загладило причиненный ущерб. Такой подход в наибольшей степени отвечает публичным интересам, заключающимся в отказе от применения избыточных мер ответственности к лицам, совершившим преступления, и использовании альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также охраны прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела и применении альтернативных мер могут быть примирение участников уголовно-правового конфликта, деятельное раскаяние, заглаживание вреда, причиненного преступлением, изменение обстановки, привлечение лица к административной ответственности.

Основным способом расширения применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в соответствии с публичными интересами является переориентация органов уголовного преследования на необходимость максимально широкого применения института освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим прокурора необходимо наделить широкими полномочиями по контролю за применением альтернативных мер, а также возможностью прекращения уголовного преследования самостоятельно. Это существенно оптимизировало бы процесс применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, а также снизило риски злоупотребления полномочиями органов предварительного расследования. Процесс применения альтернативных способов в ходе досудебного производства должен находиться под судебным контролем.

Реализация права должностных лиц на прекращение уголовного преследования становится обязательной лишь при установлении такой

совокупности значимых обстоятельств уголовно-правового конфликта и сведений о личности обвиняемого, которая подтверждает наличие оснований прекращения уголовного преследования, соответствует задачам защиты публичных и частных правовых интересов и является целесообразной. Объективизация оценки возможности прекращения уголовного преследования должна осуществляться на совокупном анализе объективного (особенности объектов преступного посягательства, их количество и содержание) и субъективного (изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим) критериев. Оценка возможности прекращения уголовного преследования может быть осуществлена только на основе установления фактических обстоятельств дела в соответствии с предметом доказывания, установленным ст. 73 УПК РФ. Предоставление правомочий принимать решения о прекращении уголовного дела по своему усмотрению не дает права на вынесение произвольного, без учета требований законности, обоснованности и справедливости, решения.

Одним из перспективных направлений развития альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов является медиация, под которой понимается процесс урегулирования уголовно-правового конфликта с участием посредника, оказывающего сторонам помощь в достижении консенсуса. С учетом особенностей российского судопроизводства, в котором приоритет отдается официальным способам разрешения конфликтов, контроль за процедурой медиации в ходе досудебного производства по делу должен осуществлять прокурор. Участие прокурора означает причастность государства к разрешению конфликта, предполагает безвозмездность для участников конфликта, именно прокурор, как никто другой, сможет соблюсти публичные интересы в процессе примирения, в наибольшей степени учесть позицию потерпевшего. Прокурор должен руководить процессом медиации, помощь в осуществлении этой деятельности ему будет оказывать помощник прокурора по медиации, прошедший специальное обучение. В случае, если уголовно-правовой конфликт достаточно сложный, громоздкий и длительный по разрешению, к процессу

медиации могут быть подключены профессиональные медиаторы (делегированная медиация). В любом случае процесс примирения должен находиться под контролем прокурора, который в конечном итоге утверждает примирительное соглашение. Прокурор должен быть наделен полномочиями, необходимыми для проведения и руководства медиацией, в том числе, полномочиями по проведению переговоров и утверждению медиативных соглашений. Внедрение медиативных технологий в уголовное судопроизводство потребует их регулирования на уровне отдельного закона, подготовки лиц, участвующих в судопроизводстве в качестве медиаторов, а также создания их профессионального объединения.

Решение о проведении медиации должно приниматься прокурором с учетом конкретных обстоятельств дела, значимости затронутых интересов в рамках, определенных законом. Процедура медиации может быть применима при совершении преступлений небольшой и средней тяжести, а также в отношении некоторых совершенных впервые тяжких преступлений (преступления экономического характера, преступления против половой свободы и неприкосновенности, преступления против здоровья и т. п., за исключением преступлений, повлекших смерть потерпевшего). Принятие решения о медиации должно осуществляться прокурором при установлении такой совокупности значимых обстоятельств уголовно-правового конфликта и сведений о личности обвиняемого, которая подтверждает наличие оснований прекращения уголовного преследования, соответствует задачам защиты публичных и частных правовых интересов, является целесообразной, и не исключает возможности заглаживания вреда и примирения с потерпевшим.

Список литературы

I. Нормативные правовые акты

Международные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека: [принята Резолюцией 217 А(III) Ген. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г.] // Российская газета. — 1995. — 5 апреля.
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: [принята Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 нояб. 1985 г.] // Советская юстиция. — 1992. — № 9–10.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколы к ней // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 20. — Ст. 2143.
4. Кадомская декларация об общественно-полезных работах и рекомендации семинара по теме «Уголовная юстиция: проблема переполненности тюрем», состоявшегося в Сан-Хосе, Коста-Рика, 3-7 февраля 1997 года (резолюция 1998/23 Экономического и Социального Совета от 28 июля 1998 года // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН. Нью-Йорк, 2016 год. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf
5. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года // Российская газета. — 1992. — 17 февраля.
6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН. Нью-Йорк, 2016 год. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf
7. Основные принципы применения программ реституционного

правосудия в вопросах уголовного правосудия (резолюция 2002/12 Экономического и Социального Совета от 24 июля 2002 года // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН. Нью-Йорк, 2016 год. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf

8. Протокол № 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 20. — Ст. 2143.

9. Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R (85) 11 «Комитет министров — государствам — членам относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса» // Российская юстиция. — 1997. — № 7.

Нормативно-правовые акты, утратившие силу

10. Декрет «О суде» № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude1.htm.

11. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. 25 декабря 1958 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--e1aaejmenosxq.xn--p1ai/node/13878>.

12. Свод Законов Российской империи [Электронный ресурс]. — Т. 15. Законы уголовные. — СПб., 1857. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: — <http://www.runivers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf>.

13. Устав Уголовного судопроизводства // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/57791498/49/>.

14. Закон «О прокуратуре СССР» от 30 ноября 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. - № 49. – Ст. 843.

15. Конституция СССР 1936 г. // СПС Консультант Плюс.

16. Конституция СССР от 7 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 49.

17. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. — № 1. – Ст. 15.

18. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

19. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

20. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. — № 2. – Ст.7.

21. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. XXXIX. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3136/>.

22. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Российская газета. — 2007. — 10 июня.

23. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов следствия» : от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ // Российская газета. — 2010. — 30 декабря.

24. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Российская газета. — 2013. — 5 марта.

Действующие нормативно-правовые акты

25. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская

газета. - 2020. - 4 июля. № 144 (8198).

26. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/>

27. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/>

28. Уголовный кодекс Российской Федерации: [Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 17 июня 1996 г., № 25, ст. 2954 : по состоянию на 08 января 2021 г.] // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

29. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.: по состоянию на 12 января 2021г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52. — Ч. 1. — Ст. 4921.

30. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1991 г. № 44 ст. 1435.

31. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 г. Москва «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. — 1995.— 25 ноября.

Зарубежное законодательство

32. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (по состоянию на 12 января 2021 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>.

33. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (по состоянию на 8 декабря 2020 г.) // [Электронный ресурс].

– Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc_fw?rgn=3833.

34. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15 января 2021 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852.

35. Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/

36. Постановление Правительства Республики Казахстан № 770 от 3 июля 2011 г. Об утверждении Правил прохождения обучения по программе подготовки медиаторов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://kodeksy-kz.com/norm_akt/source-%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/type-%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5/770-03.07.2011.htm]

Материалы судебной практики

37. Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-2198/2019 от 28 мая 2019 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/NNZfEWkxMc6w/>

38. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/all/28088/>

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 Об утверждении Регламента проведения судебного примирения // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/own/28380/>.

40. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // Российская газета. – 2017. — 22 декабря. № 291(7457).

41. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8350/>

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/files/29300/>

45. Определение от 4 июня 2007 г. № 519-О-О «Об отказе в принятии к

рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке // Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2020).

46. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // Российская газета. — 2017. — 24 ноября. — № 7433.

47. Постановление Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. — 2013. — 5 июля. — № 145.

II. Основная научная и учебная литература

48. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. / под редакцией У. Хелльманна, С. А. Балашенко, Л. Л. Зайцевой]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2015. — 223 с.

49. Артамонова, Е. А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве / Е. А. Артамонова ; под ред. В. М. Корнукова. — Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2004. — 162 с.

50. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. — 2 — е изд. — М.: Право и государство, 2005. — 554 с.

51. Безруков, С. С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного судопроизводства / С. С. Безруков. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 558 с.

52. Бойков, А. Д. Третья власть в России / Бойков А. Д. — М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997. — 261 с.

53. Буланова, Н. В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами / Н. В. Буланова. — М. : Проспект, 2016. — 185 с.

54. Буцковский, Н. А. О деятельности прокурорского надзора вследствие

отделения обвинительной власти от судебной / Н. А. Буцковский. — СПб., 1867.
// [Электронный ресурс]. — URL: <https://book.global/book/5303535/31a047>

55. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. — М. М.: Юрид. бюро «Городец», 1997. — 447 с.

56. Витрук, Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук. — М. : Наука, 1979. — 229 с.

57. Волколуп, О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования / О. В. Волколуп. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 265 с.

58. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.

59. Гуценко, К. Ф. Правоохранительные органы. — 5-е изд., стер. / К. Ф. Гуценко. — М. : КноРус, 2016. — 365 с.

60. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. проф. Масленникова. — М. : Норма : ИНФРА, 2017. — 383 с.

61. Доктринальная модель уголовно — процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 299 с.

62. Ершов, В. В. Регулирование правоотношений. — М.: РГУП, 2020. — 564с.

63. Жогин, Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел / Н. В. Жогин. — М.: Юрид. лит., 1968. — 261с.

64. Зеленецкий, В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности / В. С. Зеленецкий. — Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1978. — 78 с.

65. Зинатуллин, З. З., Зинатуллин, Т. З. Уголовно-процессуальные функции / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. — Ижевск: Детектив-информ, 2002. — 240 с.

66. Карев, Д. С. Советский уголовный процесс / Д. С. Карев. — М.: Юрид. лит, 1975. — 566 с.

67. Карнозова, Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) / Л. М. Карнозова. — М.: Проспект, 2014. — 262 с.
68. Качалов, В. И. Уголовно — процессуальное регулирование исполнения итоговых судебных решений / В. И. Качалов. — М.: КНОРУС, 2017. — 297 с.
69. Качалова, О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе / О. В. Качалова. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 203 с.
70. Кобликов, А. С. Законность — конституционный принцип советского уголовного судопроизводства / А. С. Кобликов. — М.: Юрид. лит., 1979. — 31 с.
71. Кожевников, О. А. История прокурорского надзора за законностью расследования преступлений (1722 — 1917 гг.) / О. А. Кожевников. — Екатеринбург: Ур. гос. юрид. акад., 2004. — 41 с.
72. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре РФ» / под ред. Ю. И. Скуратова. — М.: Норма, 1996. — 736 с.
73. Кони, А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры. (Из воспоминаний судебного деятеля) / А. Ф. Кони. — Петроград: [П. П. Сойкин], 1923. — 116 с.
74. Королев, Г. Н. Учение об уголовно — процессуальной деятельности прокурора: Книга первая // Г. Н. Королев. — Нижний Новгород: Изд-во ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2004. — 123 с.
75. Крюков, В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора / В. Ф. Крюков. — М.: Норма, 2010. — 479 с.
76. Крюков, В. Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность) / В. Ф. Крюков. — Курск: [б. и.], 2012. — 499 с.
77. Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие / В. А. Лазарева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М: Издательство Юрайт, 2014. — 295 с.
78. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. — М.: Юрид. лит., 1986. — 159 с.

79. Малько, А. В., Субочев, В. В. Законные интересы как правовая категория / А. В. Малько, В. В. Субочев. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 357 с.
80. Масленникова, Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве / Л. Н. Масленникова. — М.: Акад. упр. МВД России, 2000. — 178 с.
81. Маслов, И. В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства / И. В. Маслов. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 347 с.
82. Мельников, Н. В. Прокурорская власть и личность: Правовые средства обеспечения конституционных прав и свобод граждан России / Н. В. Мельников. — М. : Юристъ, 2003. — 382 с.
83. Мирлес, А. А. Краткий курс русского уголовного процесса / А. А. Мирлес. — Киев: П.Я. Квасников, 1909. — 155 с.
84. Михайловская, И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно - процессуальная форма) / И. Б. Михайловская. — М.: Проспект, 2003. — 142 с.
85. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы / Н. В. Муравьев. — М.: Унив. тип., 1889. — 552 с.
86. Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2014 году: сб. науч. докл. Вып. 3 / под общ. ред. О. С. Капинус. — М. : Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2015. — 276 с.
87. Николюк, В. В., Дочия, Р. М., Шаламов, В. Г. Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием / В. В. Николюк, Р. М. Дочия, В. Г. Шаламов. — М.: Профессиональный союз адвокатов России, 2002. — 135 с.
88. Новейший философский словарь [Гл. науч. ред. и сост. Грицанов А. А.]. — Минск : Изд. В. М. Скакун, 1999. — 877 с.
89. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — М.: Мир и Образование:

ОНИКС, 2012. — 1375 с.

90. Права человека и правозащитная деятельность государства: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конференции / под ред. В. Н. Лопатина. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 499 с.

91. Понасюк, А.М. Медиация и адвокат: новое направление адвокатской практики / А. М. Понасюк. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 356 с.

92. Прокурорский надзор: учебник и практикум / под ред. А. Ф. Смирнова и А. А. Усачева. — М.: Юрайт, 2016. — 402 с.

93. Прокурорский надзор: учебник / под ред. А. Я. Сухарева. — 4 -е изд., доп. и перераб. — М.: Норма : Инфра-М, 2011. — 479 с.

94. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р. Д. Рахунов. — М.: Госюриздат, 1961. — 277 с.

95. Руководство по расследованию преступлений: учеб. пособие / О. Я. Баев [и др.]. — М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2002. — 768 с.

96. Савицкий, В. М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия / В. М. Савицкий. — М.: Госюриздат, 1959. — 262 с.

97. Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В. М. Савицкий. — М.: Наука, 1975. — 383 с.

98. Сапожников, И. Г. Прокурорский надзор в СССР / И. Г. Сапожников. — Алма-Ата : Казахстан, 1977. — 9 с.

99. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное судопроизводство / Н. Д. Сергеевского. — СПб.: Воен. тип., 1887. — 184 с.

100. Серов, Д. О. Прокуратура Петра I (1722 — 1725 гг.): Историко-правовой очерк / Д. О. Серов. — Новосибирск: Сибвузиздат, 2014. — 329 с.

101. Скаредов, Г. И. Участие прокурора в следственных действиях / Г. И. Скаредов. — М.: Юрид. лит., 1987. — 154 с.

102. Смирнов, А. В., Калиновский, К. Б. Уголовный процесс: Учебное пособие. 2 –е изд. / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — М.: ИД «Питер», 2014. — 336 с.

103. Соколов, В. О. О прокурорском надзоре / В. О. Соколов. — М. Унив. тип. (Катков и К^о), 1869. — 45 с.
104. Спирин, А. В. Уголовно–процессуальная деятельность прокурора. Досудебные стадии / А. В. Спирин. — М: Юрлитинформ, 2020. — 271 с.
105. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
106. Стюарт, Б. Круги правосудия: медиация и консенсус «Смена мечей на орала» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: gu/wp-content/uploads/2014/09/ (дата обращения: 15.12.2020).
107. Субочев, В. В. Законные интересы / В. В. Субочев. — М.: Норма, 2008. — 495 с.
108. Таджиев, Х. С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений / Х. С. Таджиев. — Ташкент : Фан, 1985. — 183 с.
109. Тихомиров, Ю. А. Публичное право. Учеб. для юрид. фак. и вузов / Ю. А. Тихомиров. — М.: Бек, 1995. — 485 с.
110. Трефилов, А. А. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года. — М.: ООО «НИПКЦ Восход–А», 2012. — 224 с.
111. Тушев, А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации / А. А. Тушев. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. — 323 с.
112. Уголовное судопроизводство: теория и практика : научно–практическое пособие / ответственный редактор Н. А. Колоколов. — М.: Юрайт, 2015. —1038 с.
113. Уголовный процесс : учебник для академического бакалавриата / В. П. Божьев [и др.] ; под редакцией В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. — 6–е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 479 с.
114. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. — СПб.: Альфа, 1996. — 552 с.
115. Чельцов–Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерк по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Том 1. / М. А. Чельцов–Бебутов. — М.: Госюриздат,

1957. — 839 с.

116. Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / Шейфер С. А. — М.: ИНФРА-М, 2013. — 199 с.

117. Шестакова, С. Д. Состязательность уголовного процесса / С. Д. Шестакова. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. — 219 с.

118. Щегловитов, И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства / И. Г. Щегловитов. — СПб.: тип. Спб. АО «Слово», 1903. — 56 с.

119. Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права П. С. Элькинд. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — 172 с.

120. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд. — Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1976. — 143 с.

III. Научные статьи

121. Абшилава, Г. В. Проявление принципа целесообразности в уголовно-процессуальном институте, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ / Г. В. Абшилава // Общество и право. — 2011. — № 3. — С. 243 – 248.

122. Агутин, А. В., Зарубицкая, Т. К., Ерашов, С. С. Принцип законности в сфере уголовного судопроизводства / А. В. Агутин, Т. К. Зарубицкая, С. С. Ерашов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». — 2011. — № 2. — С. 59 – 68.

123. Александров, А. С. К вопросу о реформировании следственного аппарата и правовой формы досудебного производства по уголовному делу / А. С. Александров // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2011. — №1. — С. 12 – 19.

124. Андреева, О. И. Отдельные аспекты ограничения полномочий государства, государственных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства / О. И. Андреева // Уголовная юстиция. — 2013. — № 1. — С. 13 – 17.

125. Андреева, О. И., Лонь, С. Л., Рукавишникова, А. А., Трубникова, Т. В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства / О. И. Андреева, С. Л. Лонь, А. А. Рукавишникова, Т. В. Трубникова // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 5 – 9.

126. Анисимов, А. П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон / А. П. Анисимов // Законность. — 2009. — № 10. — С. 43 – 45.

127. Анощенкова, С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики / С. В. Анощенкова // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 114 – 125.

128. Аристархов, А. Л. Проблемы прекращения судом уголовного преследования при применении института судебного штрафа / А. Л. Аристархов // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2019. — № 3. — С. 305 – 309.

129. Аристархов, А. Л. Возможности усиления позиции прокурора при применении института судебного штрафа / А. Л. Аристархов // Законность. 2019. № 9. С. 25 – 28.

130. Бажанов, С. В. К вопросу о состоятельности функции уголовного преследования вообще и функции прокурорского уголовного преследования в частности / С. В. Бажанов // Российская юстиция. — 2017. — № 4. — С. 57 – 61.

131. Белоусова, Е. А. Примирение сторон как основание прекращения уголовного дела / Е. А. Белоусова // Ученые записки Санкт – Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. — № 2. — С. 57 – 61.

132. Беляев, М. В. Является ли законность свойством судебных решений? / М. В. Беляев // Российское правосудие. — 2018. — № 3. — С. 5 – 14.

133. Борисова, О. В. Правовое регулирование исполнения судебного штрафа / О. В. Борисова // Lex Russica. — 2017. — № 9. — С. 86 – 92.

134. Боярская, А. В. Судебный штраф: проблемы материально – правового базиса и правоприменения / А. В. Боярская // Правоприменение. — 2018. Т. 2. — №1. — С. 154 – 163.

135. Буглаева, Е. А., Тетюев, С. В. О новых полномочиях прокурора в

досудебном производстве / Е. А. Буглаева, С. В. Тетюев // Российская юстиция. — 2010. — № 1. — С. 40 – 43.

136. Воробьева, Н. А. Практика применения норм уголовного и уголовно – процессуального законодательства о судебном штрафе / Н. А. Воробьева // Современное право. — 2017. — № 4. — С. 116 –121.

137. Ворожцов, С. А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно – правового характера в виде судебного штрафа / С. А. Ворожцов // Мировой судья. — 2017. — № 11. — С. 15 – 23.

138. Бурмагин, С. В. Соблюдение баланса частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением / С. В. Бурмагин // Труды Академии управления МВД России. — 2016. — №1. — С. 13 – 17.

139. Воскобитова, Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология / Л. А. Воскобитова // Философские науки. — 2014. — № 10. — С. 37 – 46.

140. Воскобитова, Л. А. Доктринальный проект модельного закона субъекта Российской Федерации «О службе примирения» / Л. А. Воскобитова // Мировой судья. — 2007.— №1. — С. 25 – 30.

141. Выдря, М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса / М. М. Выдря // Советское государство и право. —1980. — № 9. — С. 78 – 82.

142. Гарбатович, Д. А. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Д. А. Гарбатович // Уголовное право. — 2014. — № 2. — С. 31 – 36.

143. Герасименко, Ю. А. Возможные пути имплементации института медиации в уголовный процесс России / Ю. А. Герасименко // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — №1. — С. 51– 55.

144. Гриненко, А. В., Гуджабидзе, Г. А., Потапов, В. Д., Железняк, Н. С. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере

уголовного судопроизводства / А. В. Гриненко, Г. А. Гуджабидзе, В. Д. Потапов, Н. С. Железняк // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14. — № 1. — С. 139 – 147.

145. Гуськова, А. П. К вопросу об уголовно – процессуальной функции следователя / А. П. Гуськова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — №3. — С. 59 – 62.

146. Гушин, В. З., Чурилов, А. В. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве / В. З. Гушин, А. В. Чурилов // Государство и право. — 1998. — № 5. — С. 59 – 67.

147. Давлетов, А. А., Барабаш, А. С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве / А. А. Давлетов, А. С. Барабаш // Российский юридический журнал. — 2011. — № 4. — С. 125 – 136.

148. Джатиев, В. С. Обвинение и защита / В. С. Джатиев // Российская юстиция. — 1995.— № 3. — С. 17 – 18.

149. Дилбандян, С. А. Законный или любой интерес подлежит защите в уголовном судопроизводстве: сравнительно – правовое исследование уголовного процесса России и Армении / С. А. Дилбандян // Российский судья. — 2010. — № 11. — С. 31– 34.

150. Дикарев, И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России / И. С. Дикарев // Журнал российского права. — 2008. — № 6. — С. 73 – 78.

151. Дудченко, М. Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике / М. Ю. Дудченко // Уголовный процесс. — 2016. — № 10. — С. 59 – 63.

152. Ергашев, Е. Р. К вопросу о принципе целесообразности в прокурорском надзорно – охранительном праве / Е. Р. Ергашев // Альманах современной науки и образования. — 2007. — № 2. — С. 297–299.

153. Ершов, В. В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиций легизма и «широкого» понимания права / В. В. Ершов // Российское правосудие. — 2011. — № 12. — С. 5 –16.

154. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории / В. В. Ершов // Российское правосудие. — 2013. — № 4. — С. 4 – 23.

155. Жданова, Я. В., Крапчатова, И. Н. Элементы трансакции в уголовном процессе РФ / Я. В. Жданова, И. Н. Крапчатова // Социально – экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики. Сборник материалов I Международной научно – практической конференции. Под общей редакцией С.С. Чернова. — Новосибирск, — 2017. — С. 114 –121.

156. Жубрин, Р. В., Буланова, Н. В. Правовой статус прокурора в досудебном производстве / Р. В. Жубрин, Н. В. Буланова // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — 2017. — № 1. — С. 51 – 57.

157. Звечаровский, И. Э. О юридической природе судебного штрафа / И. Э. Звечаровский // Уголовное право. — 2016. — № 6. — С. 98 –101.

158. Исакова, Т. В. О понятии интереса в уголовном процессе / Т. В. Исакова // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. — Орел, 2017. — С. 90 – 94.

159. Каминский, Э. С. Принцип состязательности по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации / Э. С. Каминский // Российский следователь. – 2009. – № 9. – С. 6 – 9.

160. Каминский, Э. С. О роли прокурора в досудебном производстве / Э. С. Каминский // Российский следователь. – 2009. – № 11. – С. 7 – 9.

161. Каминский, Э. С. К вопросу о публичном интересе в уголовном процессе / Э. С. Каминский // Российский судья. – 2021. – № 1. – С. 26 – 30.

162. Каминский, Э. С. Деятельность прокурора по реализации принципов уголовного судопроизводства / Э. С. Каминский // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета КГУ/ Выпуск 7, том 1. – Казань, 2006. С. 236 – 238.

163. Каминский, Э. С. Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях / Э. С. Каминский // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Материалы Всероссийской научной

конференции «Два века юридической науки и образования в Казанском университете». – Казань, 2006. – С. 140 – 144.

164. Каминский, Э. С. Деятельность прокурора по реализации принципов уголовного судопроизводства / Э. С. Каминский // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Материалы Всероссийской научной конференции «Два века юридической науки и образования в Казанском университете». – Казань, 2006. – С. 144 – 147.

165. Каминский, Э. С. Основания прекращения уголовного дела / Э. С. Каминский // Координация деятельности правоохранительных органов и актуальные проблемы борьбы с преступностью. Материалы Республиканской научно-практической конференции. – Казань, 2009. – С. 211 – 215.

166. Каминский, Э. С. Деятельность прокурора на стадии досудебного производства и проблема состязательности / Э. С. Каминский // Стратегия развития уголовно-процессуального права в XXI в. Материалы V международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2017. – С. 163 – 175.

167. Каминский, Э. С. К вопросу о состязательности в уголовном процессе: проблемы теории и практики / Э. С. Каминский // Совершенствование средств реализации и применения права: общетеоретические и отраслевые аспекты. Сборник материалов конференции. – Казань, 2017. – С. 740 – 750.

168. Каминский, Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве / Э. С. Каминский // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». – Казань: Отечество, 2018 – С. 270 – 280.

169. Каминский, Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? / Э. С. Каминский // Российский судья. – 2021. – № 3. – С. 25 – 29.

170. Каминский, Э. С. Возбуждение уголовного дела и обоснованность уголовного преследования / Э. С. Каминский // Российское правосудие. 2021. – № 3. – С. 99 – 105.

171. Каминский, Э. С. О необходимости прекращения уголовного преследования в досудебном производстве / Э. С. Каминский // Мировой судья. –

2021. – № 4. – С. 12 –16.

172. Капинус, О. С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве / О. С. Капинус // [Электронный ресурс]. — URL: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news – 83714> (дата обращения: 15.12.2020).

173. Качалова, О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права / О. В. Качалова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — №3 (37). — С. 109 – 112.

174. Качалова, О. В. Как суду нужно применять судебный штраф / О. В. Качалова // Уголовный процесс. — 2016. — №11. — С. 10.

175. Качалова, О. В. Медиация в уголовном судопроизводстве: опыт Республики Казахстан / О. В. Качалова // Вторые Чебоксарские уголовно – процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов: сб. материалов Междунар. науч. – практ. видео – конф. (Чебоксары, 10 ноября 2020 г.). — Чебоксары: Изд – во Чуваш. ун – та, 2020. — С. 25 – 29.

176. Кобзарев, Ф. М., Попов, А. А. Состояние и совершенствование институциональной организации участия прокурора в досудебных стадиях при производстве предварительного следствия /Ф. М. Кобзарев, А. А. Попов // Российское правосудие. — 2019. — №10. — С. 85 – 91.

177. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном процессе: понятие, виды, сущность и содержание / Н. Н. Ковтун // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — Серия «Право». — 2001. — № 2. — С. 117–123.

178. Кокорев, Л. Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л. Д. Кокорев // Правоведение. — 1977. — № 4. — С. 76 – 83.

179. Конев, А. Н. Идеологические оппозиции в бинарной системе принципов уголовного процесса / А. Н. Конев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3. — С. 53 – 60.

180. Кононенко, В. И. Применение судами норм уголовно – процессуального права о прекращении уголовных дел за примирением сторон по

делам публичного обвинения / В. И. Кононенко // Российское правосудие. — 2016. — Спецвыпуск. — С. 300 – 306.

181. Коробов, П. В. Условные и безусловные виды освобождения от уголовной ответственности / П. В. Коробов // Журнал российского права. — 2011. — № 9. — С. 49 – 56.

182. Кряжков, А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита / А. В. Кряжков // Государство и право. — 1999. — № 10. — С. 91 – 99.

183. Кудрявцева, А. В. Судебный штраф / А. В. Кудрявцева // Уголовное право. — 2016. — № 6. — С. 102 – 110.

184. Кузьмина, О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно – правовых конфликтов в российском праве / О. В. Кузьмина // LEX RUSSICA. — 2015. — №1. — С. 51 – 58.

185. Кучинский, В. А. Законные интересы личности: от Конституции до правореализующей деятельности / В. А. Кучинский // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. — М., 1982. — С. 82 – 88.

186. Мазюк, Р. В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства / Р. В. Мазюк // Сибирские уголовно – процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — №4. — С. 76 – 84.

187. Мазюк, Р. В. Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве / Р. В. Мазюк // Сибирские уголовно – процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 2. — С. 23 – 35.

188. Макарова, З. В. Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства / З. В. Макарова // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 4. — С. 631 – 636.

189. Малышева, О. А. К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования / О. А. Малышева // Российский следователь. – 2019. – № 7. С. 20 – 24.

190. Марковичева, Е. В. Восстановительное правосудие в контексте целерантного производства / Е. В. Марковичева [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.iuaj.net/node/435> (дата обращения: 15.12.2020).

191. Марковичева, Е. В. Перспективы внедрения в российский уголовный процесс специальных примирительных процедур / Е. В. Марковичева // Российское правосудие. — 2020. — № 9. — С. 99 – 104.

192. Момотов, В. В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица / В. В. Момотов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 3. — С. 5 – 17.

193. Морщакова, Т. Г. К дискуссии о восстановительном правосудии / Т. Г. Морщакова // [Электронный ресурс]. — URL: http://index.org.ru/nevol/2005-4/mors_n4.html (дата обращения: 15.12.2020).

194. Муравьев, К. В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации / К. В. Муравьев // Вестник Омской юридической академии. — 2016. — № 1. — С. 61 – 66.

195. Нажимов, В. П. Об уголовно – процессуальных функциях / В. П. Нажимов // Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 73 – 82.

196. Никифорова, Ю. Л. Оппозиция принципов законности и целесообразности как проявление коллизионности в правовом регулировании публичного уголовного преследования / Ю. Л. Никифорова // Юридическая техника. — 2017. — №11. — С. 672 – 675.

197. Пахолкин, Н. С., Смолькова, И. В. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве / Н. С. Пахолкин, И. В. Смолькова // Известия ИГЭА. — 2012. — №3. — С. 131 – 135.

198. Реховский, А. Ф. Трансакция в российском уголовном процессе / А. Ф. Реховский // Сибирские уголовно – процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — №4. — С. 94 – 99.

199. Савицкий, В. М. Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования / В. М. Савицкий // Российская юстиция. — 1994. — № 10. — С. 24 – 28.

200. Самарин, В. И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе / В. И. Самарин // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве.

Материалы Международной научно – практической конференции. — Минск, 2017. — С. 73 – 84.

201. Самолаева, Е. Ю. Применение норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при производстве дознания / Е. Ю. Самолаева // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 9. — С. 152 – 155.

202. Сесар, К. Карательное отношение общества: реальность и миф / К. Сесар // Известия вузов. Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 162 – 171.

203. Синельщиков, Ю. П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса / Ю. П. Синельщиков // Российский следователь. — 2008. — № 17. — С. 9 – 14.

204. Скрипченко, Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл / Н. Ю. Скрипченко // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 106 – 114.

205. Смирнов, А. Ф. Соотношение принципов законности и целесообразности в организации деятельности прокуратуры / А. Ф. Смирнов // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 8. — С. 188 – 194.

206. Смирнова, И. Г. Интерес – понятие уголовно – процессуальное / И. Г. Смирнова // Государство и право. — 2008. — № 8. — С. 14 – 18.

207. Смирнова, И. Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве / И. Г. Смирнова // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 350. — С. 132 – 136.

208. Смирнова, И. Г. Трансакция – действенное средство устранения вредных последствий совершенных преступлений: быть ли ей в российском уголовном процессе? / И. Г. Смирнова // Российский судья. 2011. — № 10. — С. 14 – 17.

209. Соловьев, А. Б. Функция уголовного преследования в досудебных стадиях процесса / А. Б. Соловьев // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой системы. Сборник научных трудов. — М.: Изд-во НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1997. — С. 137 – 144.

210. Тисен, О. Н. Судебный штраф: разъяснения ВС РФ и спорная практика

/ О. Н. Тисен // Уголовный процесс. – 2019. – № 10. С. – 48-53.

211. Толкаченко, А. А. Освобождение от уголовной ответственности. Как оценивать нормы и выбирать основания / А. А. Толкаченко // Уголовный процесс. — 2019. — №3. — С. 86 – 93.

212. Толкаченко, А. А. Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания / А. А. Толкаченко // Судья. — 2020. — №8. — С. 18 – 27.

213. Трофимова, Г. А. Судебный штраф – альтернатива? / Г. А. Трофимова // Российский судья. — 2017. — № 8. — С. 30 – 34.

214. Хлебницына, Е. А. Функции норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Е. А. Хлебницына // Российский судья. — 2017. — № 7. — С. 33 – 36.

215. Шадрин, В. С. Основы формирования и современное состояние процессуального положения прокурора в уголовном досудебном производстве / В. С. Шадрин // Криминалистика. — 2018. — №4. — С. 67 – 77.

216. Шадрин, В. С., Овчинников, Г. В. Актуальные проблемы создания нового УПК и роль прокурора в уголовном процессе / В. С. Шадрин, Г. В. Овчинников // Труды Санкт – Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. – 2000. — С. 25 – 30.

217. Шалумов, М. С. Функции прокуратуры (письмо в редакцию) / М. С. Шалумов // Государство и право. — 1995. — № 6. — С. 15.

218. Шараева, Я. А. Сравнительный анализ института примирения и медиации в уголовном процессе / Я. А. Шараева // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской Академии МВД России. — 2014. — № 2. — С. 294 – 296.

219. Шимановский, В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в современном уголовном процессе / В. В. Шимановский // Правоведение. — 1965. — № 2. — С. 175 – 178.

220. Якуб, М. Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб // Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 83 – 89.

IV. Диссертации и авторефераты диссертаций на соискание ученой степени

221. Абраменко, А. А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела: по уголовно – процессуальному законодательству России и Украины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Абраменко Анатолий Александрович. — М., 2020. — 42 с.

222. Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Абшилава Георгий Валерьянович. — М., 2012. — 55 с.

223. Алексеев, С. Н. Надзор за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса в системе конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина и полномочий прокурора (досудебные стадии): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Алексеев Сергей Николаевич. — Самара, 2002. — 20 с.

224. Андреева, О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе РФ и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Андреева Ольга Ивановна. — Томск, 2007. — 48 с.

225. Апостолова, Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Апостолова Наталья Николаевна. — М., 2010. — 62 с.

226. Арутюнян, А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Арутюнян Анна Аветиковна. — М., 2012. — 32 с.

227. Афанасьев, В. С. Обеспечение социалистической законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Афанасьев Владимир Сергеевич. — М., 1993. — 40 с.

228. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности уголовного

судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Аширбекова Мадина Таукеновна. – Екатеринбург, 2009. — 61 с.

229. Бавсун, М. В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бавсун Максим Викторович.— Омск, 2002. — 22 с.

230. Багаутдинов, Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Багаутдинов Флер Нуретдинович. — М., 2004. — 56 с.

231. Балафендиев, А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально – правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Балафендиев Арсен Мерзебегович. — Казань, 2016. — 27 с.

232. Баранов, А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Баранов Александр Михайлович. — Омск, 2006. — 39 с.

233. Бахновский, А. В. «Сделка с правосудием»: особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бахновский Александр Викторович. — Краснодар, 2008. — 20 с.

234. Беляев, М. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Беляев Максим Владимирович. – М., 2019. — 472 с.

235. Берова, Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Берова Джульетта Михайловна. – Краснодар, 2011. — 47 с.

236. Василенко, А. С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Василенко Александра Сергеевна. — М., 2013. — 31 с.

237. Волынская, О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования : теоретические и организационно – правовые проблемы: автореф.

дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Волынская Ольга Владимировна. — М., 2008. — 53 с.

238. Гаврилова, М. Н. Участие прокурора в рассмотрении судом вопросов о прекращении уголовного дела (уголовного преследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гаврилова Марина Николаевна. — М., 2019. — 37 с.

239. Галимова, М. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в стадии предварительного расследования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Галимова Марина Александровна. — Омск, 2004. — 26 с.

240. Галкин, В. М. Принцип состязательности в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Галкин Валерий Моисеевич. — М., 1951. — 20 с.

241. Геворкян, К. М. Принцип целесообразности в механизме реализации юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Геворкян Карен Микаелович. — Казань, 2012. — 26 с.

242. Горячковская, Ю. М. Прокуратура и прокурорский надзор в России в XVII – начале XX веков (историко – правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Горячковская Юлия Михайловна. — Белгород, 2001. — 23 с.

243. Гранат, Н. Л. Правовые и нравственно – психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Гранат Нина Львовна. — М., 1992. — 31 с.

244. Гулиева, Н. И. Проблемы реализации принципа дискреционного уголовного преследования в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Гулиева Нурлана Ибрагимовна. — Ростов – на – Дону, 2004. — 26 с.

245. Дудина, Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Дудина Надежда Афанасьевна. — Томск, 2015. — 23 с.

246. Дуйшенбиев, Т. А. Интересы в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дисс.

...канд. юрид. наук :12.00.09 / Дуйшенбиев Таалайбек Алакчинович. – М., 2009. — 28 с.

247. Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Ендольцева Алла Васильевна. — М., 2005.— 50 с.

248. Ильницкая, Л. И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ильницкая Любовь Игоревна. – М., 2003. — 201 с.

249. Калугин, А. Г. Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Калугин Алексей Геннадьевич. — М., 1999. — 39 с.

250. Кан, М. П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кан Маргарита Петровна. — Ташкент, 1988. — 175 с.

251. Картохина, О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Картохина Оксана Алексеевна. — СПб., 2003. — 22 с.

252. Качалова, О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / Качалова Оксана Валентиновна. — М., 2016. — 482 с.

253. Колодко, В. В. Уголовно – процессуальная функция расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Колодко Владимир Владимирович. – Челябинск, 2013. — 21 с.

254. Коновалов, С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Коновалов Сергей Геннадьевич. – М., 2018. — 220 с.

255. Кувалдина, Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно – правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кувалдина Юлия Владимировна. —

Самара, 2011. — 20 с.

256. Кузбагарова, Е. В. Особенности прекращения дел в связи с примирением сторон в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кузбагарова Елена Викторовна. — СПб., 2003. — 22 с.

257. Лазарева, В. А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Лазарева Валентина Александровна. — Самара, 2000. — 42 с.

258. Ларина, А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно – правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ларина Антонина Вячеславовна. — М., 2019. — 34 с.

259. Ломаев, А. Ю. Публичный интерес как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ломаев Александр Юрьевич. — Казань, 2012. — 21 с.

260. Марковичева, Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Марковичева Елена Викторовна. — Оренбург, 2011. — 482 с.

261. Масленникова, Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Масленникова Лариса Николаевна. — М., 2000. — 45 с.

262. Маткина, Д. В. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Маткина Дарья Владимировна. — Оренбург, 2009. — 26 с.

263. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Муратова Надежда Георгиевна. — Екатеринбург, 2004. — 46 с.

264. Нагуляк, М. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Нагуляк Марина Владимировна. — Челябинск, 2012. — 24 с.

265. Платонова, Н. В. Государственный контроль (фискалитет) в России и русское общество в первой четверти XVIII века: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Платонова Наталья Викторовна. – М., 2010. — 220 с.

266. Попова, И. П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Попова Ирина Павловна. – Томск, 2018. — 321 с.

267. Рубинштейн, Е. А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рубинштейн Евгений Альфредович. — М., 2009. — 22 с.

268. Русман, А. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Русман Александр Александрович. — Челябинск, 2006. — 29 с.

269. Смирнова, И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Смирнова Ирина Георгиевна. — Томск, 2012. — 50 с.

270. Таболина, К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Таболина Ксения Андреевна. – М., 2016. — 39 с.

271. Терехов, Е. В. Дискреционные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства России и Австрии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Терехов Евгений Владимирович. — М., 2009. — 30 с.

272. Трефилов, А. А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии 2007 года: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Трефилов Александр Анатольевич. — М., 2014. — 25 с.

273. Тугутов, Б. А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Тугутов Булат Анатольевич.— М., 2014. — 29 с.

274. Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации:

система функций и полномочий: автореф. дисс... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Тушев Александр Александрович. – Краснодар, 2006. — 46 с.

275. Халиуллин, А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Халиуллин Александр Германович. — М., 1997. — 36 с.

276. Шамардин, А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шамардин Артем Александрович. — Оренбург, 2001. — 26 с.

277. Шишов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно – правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шишов Виктор Викторович. — М., 2019. — 32 с.

278. Ченцов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: 12.00.09 / Ченцов Виталий Викторович. — М., 2019. — 32 с.

279. Ярцев, Р. В. Институт судебной защиты прав, свобод и законных интересов личности и средства его реализации в уголовном судопроизводстве России (на досудебном этапе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ярцев Роман Валерьевич. — Н. Новгород, 2006. — 29 с.

V. Интернет ресурсы

280. Интернет – интервью с В.Ф. Яковлевым, Советником Президента РФ, доктором юридических наук, профессором права, и Ц.А. Шамликашвили, президентом Научно – методического центра медиации и права: «Об альтернативных методах разрешения споров и их значении в условиях гражданского общества» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/interview/yakovlev3/> (дата обращения: 15.12.2020).

281. Сайт Генеральной прокуратуры РФ. // [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 15.12.2020).

282. Сайт Организации Объединенных Наций. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/> (дата обращения: 15.12.2020).

283. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.12.2020).

Приложения

Приложение 1

Проект Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 52, ст. 4921) следующие изменения:

1) дополнить ч. 2 статьи 37 УПК РФ пунктом 2.1 следующего содержания: «2.1) возбуждать уголовное дело; отказаться от возбуждения уголовного дела в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом;»;

2) дополнить ч. 2 статьи 37 УПК РФ пунктом 15.1 следующего содержания:

«15.1) прекращать уголовное преследование»;

3) изложить ч. 1 ст. 125 УПК РФ в следующей редакции: «1. Постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства об отказе в возбуждении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Если место производства предварительного расследования определено в соответствии с частями второй - шестой статьи 152 настоящего Кодекса, жалобы на действия (бездействие) и решения указанных лиц рассматриваются районным судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное

дело».

4) дополнить ст. 144 УПК РФ частью 1.3 следующего содержания:

«1.3 При выявлении оснований, предусмотренных статьями 25 и 28 настоящего Кодекса, участникам процессуальных действий по проверке сообщения о преступлении разъясняется право в течение трех суток обращаться к прокурору с ходатайством об отказе в уголовном преследовании лица, совершившего преступление. При направлении такого ходатайства срок проверки сообщения о преступлении составляет 10 суток»;

5) изложить ч. 1 статьи 146 УПК РФ в следующей редакции:

«1. При наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1.2 ст. 148 УПК РФ, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь, прокурор в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносятся соответствующее постановление»;

6) изложить часть 4 статьи 147 УПК РФ в следующей редакции:

«4. Руководитель следственного органа, следователь, прокурор, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей статьи 20 настоящего Кодекса, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 20 настоящего Кодекса, за исключением случаев, предусмотренных частью 1.2 статьи 148 настоящего Кодекса»;

7) дополнить статью 148 УПК РФ частью 1.2 следующего содержания:

«1.2 Установив наличие оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, предусмотренных статьями 25 и 28 настоящего Кодекса, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь направляют материалы для разрешения этого вопроса прокурору. На основании полученных материалов, а также ходатайства лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела либо лица, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также вред деловой

репутации, прокурор вправе вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела с применением мер, предусмотренных настоящим Кодексом».

Приложение 2

Результаты анкетирования судей, прокуроров, адвокатов

Профессиональный статус опрошиваемых

1. Судьи по уголовным делам (судьи районных, областных и приравненных к ним судов из 19 субъектов Российской Федерации)

2. Прокуроры (прокуроры, участвующие в уголовном судопроизводстве) из 16 субъектов Российской Федерации).

3. Адвокаты, участвующие в уголовном судопроизводстве (члены адвокатских палат из 15 субъектов Российской Федерации).

Количество опрошенных

1. Судьи — 191 человек.

2. Прокуроры — 83 человек.

3. Адвокаты — 129 человек.

Результаты опроса

	Вопрос	Да, считаю	Нет, не считаю	Затрудняюсь ответить	Свой вариант ответа
1.	Считаете ли Вы, что в уголовном процессе, наряду с указанными в законе функциями уголовного преследования и надзора, прокурор также выполняет правозащитную функцию (рассматривая жалобы, участвуя в реабилитации, в стадии исполнения приговора и т. п.)?	69,6%	23,6%	5,1%	1,7%

2.	Считаете ли Вы, что ситуация, когда следственные органы и прокурор занимают различные позиции в ходе уголовного судопроизводства, чревата возникновением межведомственных конфликтов, снижает эффективность уголовного судопроизводства?	36,3%	59,5%	3,8%	0,4%
3.	Считаете ли Вы необходимым предоставить прокурору такой объем полномочий, который позволил бы ему осуществлять полноценное руководство предварительным расследованием?	50,2%	41,8%	6,8%	1,3%
4.	Согласны ли Вы с идеей о необходимости руководствоваться целесообразностью при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и прекращении уголовного преследования в рамках, предусмотренных законом?	50%	37,3%	10,6%	2,1%
5.	Считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся возможности отказа в возбуждении уголовного дела в связи примирением участников уголовно-правового конфликта, деятельном раскаянии, заглаживанием вреда,	72,6%	19,8%	5,5%	2,1%

	причиненного преступлением, изменением обстановки, привлечением лица к административной ответственности?				
6.	Считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся возможности наделения прокурора широким спектром полномочий по прекращению уголовного преследования и надзору за этим?	66,8%	26%	6,4%	0,9%
7.	Считаете ли Вы возможным внесение в УПК РФ изменений, касающихся необходимости разъяснять участникам уголовного судопроизводства право заявлять ходатайство о прекращении уголовного преследования?	79,2%	16,9%	1,7%	2,1%
8.	Считаете ли Вы возможным передачу полномочий по освобождению от уголовной ответственности и назначению штрафа в порядке ст. 25.1 УПК РФ от суда прокурору?	37,7%	55,5%	5,5%	1,3%
9.	Считаете ли Вы целесообразным введение дополнительного основания прекращения уголовного преследования – прекращение уголовного преследования в связи с заключением примирительного	76,7%	16,9%	5,9%	0,4%

	соглашения. Оно будет применяться в случае успешного завершения процесса медиации (примирения), которая будет применяться по делам об экономических и некоторых других преступлениях и заключаться в возмещении вреда, причиненного преступлением?				
10.	Считаете ли Вы целесообразным наделение прокурора полномочиями по контролю за процессом медиации (прокурор сможет осуществлять примирение самостоятельно с участием помощника прокурора по медиации либо передавать урегулирование спора профессиональному медиатору, а затем утверждать заключенное соглашение)?	51,1%	38,7%	9,8%	0,4%